

ВИТАЛИЙ РУБИН

**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА**

君子

В. Рубин

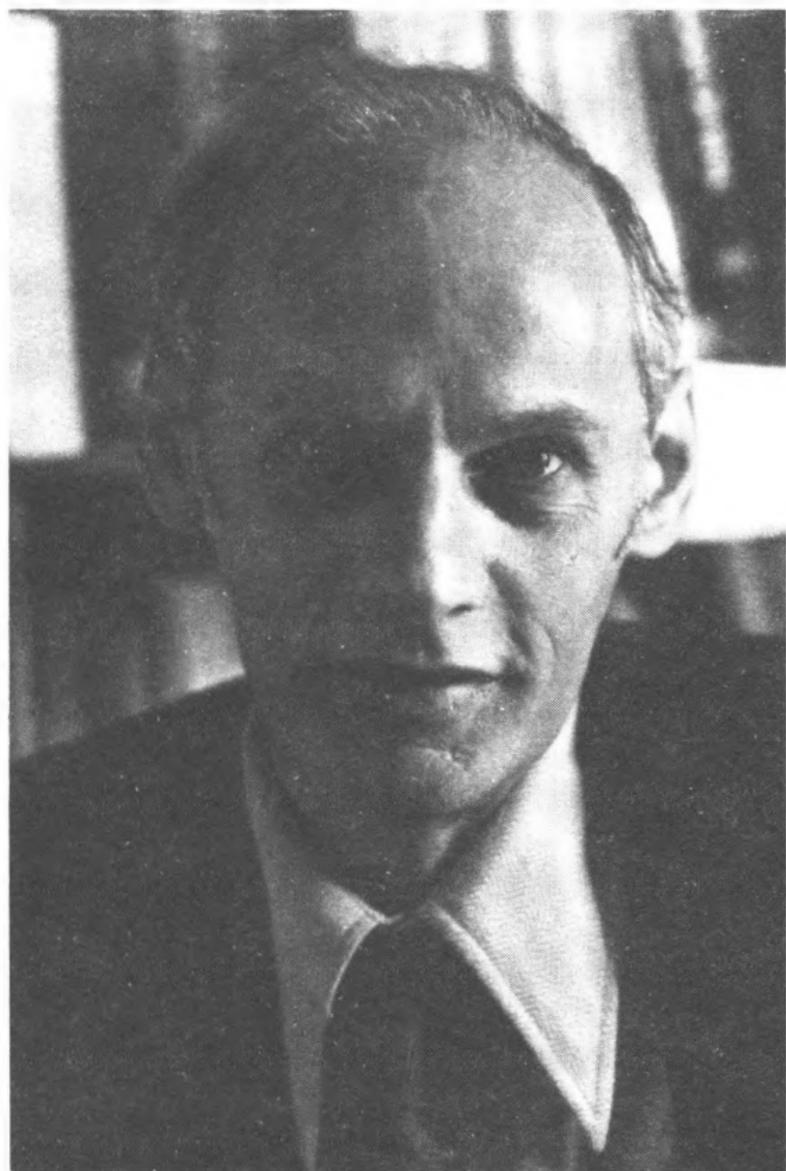
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА

I

124

Виталий Рубин
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА
Книга I

ВИТАЛИЙ РУБИН
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА

I

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1988

Printed in Israel

ויטלי רובין
יומן. מכתבים

Vitaly Rubin
DIARY. LETTERS

Научный редактор Л. Дымерская-Цигельман
Художник обложки А. Резницкий

Иероглифы на обложке — 君子 — цзюньцзы

הספר הוצא בסיוע
קרן אנוה מיניסקר
ההנדללאה- (ארגנטונה)

748

ISBN 965-320-006-2

©

All rights reserved

ל הזכויות שמורות
לספרית-עליה

ת.ד. 4140, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

Думая о том, что мы приехали сюда слишком поздно, я говорил себе: "Мы тоже не зря прожили свою жизнь и сделали из нее то, что могли".

В. Рубин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Биография Виталия Рубина	5
Основные даты жизни В. Рубина	25
Дневники 1962–1972	29
Китайские имена и термины, встречающиеся в книге283

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневники В. Рубина охватывают период с апреля 1962 по октябрь 1981 года.

В. Рубин вел дневниковые записи всю свою сознательную жизнь. Вначале это были заметки в небольших блокнотах и записных книжках, которые не сохранились. С апреля 1962 года Виталий начал вести записи в толстых, так называемых "общих" тетрадях, которые он нумеровал. Выдержки из этих двадцати девяти тетрадей, которые оказались в моем распоряжении после его гибели, и предлагаются читателю.

Дневники служили Виталию Рубину для различных целей. В первую очередь это были рабочие тетради, в которых он конспектировал книги и статьи, нужные ему для исследовательской работы, делал краткие записи докладов, прослушанных на конференциях и собраниях. Тут же он записывал и свои мысли и соображения, с этим связанные. Виталий набрасывал в дневниках планы своих работ — книг, статей, докладов, лекций. В процессе работы над различными вариантами он всегда стремился к выявлению сути изучаемого, искал и находил наиболее четкое и в то же время экономное выражение для своих идей и концепций. Дневники, таким образом, дают представление о творческом процессе, позволяют проследить ход мысли Виталия и его научных поисков.

В дневниках Виталий описывал также и события повседневной жизни, выражал свои чувства и мысли по поводу этих событий, встреч с друзьями, увиденных спектаклей и фильмов, прочитанных книг. Мы много ездили и в Советском Союзе, но еще больше здесь. В дневниках описаны и сами эти путешествия, и впечат-

ления Виталия от знакомства с новыми местами, природой, от встреч с новыми людьми. Теперь многое, увиденное его глазами, предстало и передо мной в ином свете.

Охватывая период почти в двадцать лет, дневники Виталия Рубина не только дают представление о его личности, но и отражают достаточно характерный для тех лет путь русско-еврейского интеллигента: от неприятия советского режима и участия в диссидентском движении 60-х годов к поискам своих национальных корней и, в конечном счете, к сионизму и репатриации в Израиль. Но и тут Виталий оставался ученым, так же, как он оставался им в своем неприятии советской действительности. При всей интенсивности эмоционального отвержения деспотии Виталий подвергал объективному анализу и исследованию механизмы ее зарождения, утверждения и функционирования, прежде всего на материале истории Древнего Китая. При этом его научные исследования, как правило, перерастали узко-профессиональные рамки и приобретали общечеловеческое звучание.

Приняв с энтузиазмом идею алии, он сохранил трезвый аналитический подход к оценке процессов, связанных с национальным движением евреев СССР. Типичность пути, пройденного Виталием, и особенность его аналитического и оценочного подхода превращают дневники в документ, представляющий и характеризующий целую эпоху. Они к тому же и уникальный документ, поскольку в Советской России не так уж много людей, по понятным причинам, осмеливаются вести дневник.

Все это вместе взятое и побудило меня подготовить дневники к публикации, хотя Виталий писал их для себя и они не предназначались для печати. В связи с чтением дневников своего отца, А.И. Рубина, Виталий писал (15.7.1973): "Я как бы совершаю духовную контрабанду... я сужу то, что для моего суда не предназначалось, для чего мой суд не полномочен...". Я оказалась в сходной ситуации. И было нелегко принять решение.

Несколько слов о том, каким образом дневники вообще уцелели. Мне кажется, здесь можно привести ставшие знаменитыми слова М. Булгакова (из "Мастера и Маргариты") — "Рукописи не горят". Действительно, то, что дневники Виталия Рубина полностью сохранились, можно считать в известной мере чудом.

Начать с того, что четыре тетради дневников были взяты КГБ во время обыска, проведенного у нас 23 мая 1973 г. Как ни странно, однако, после настойчивых требований Виталия, тетради эти были возвращены, да еще с забытыми в них (случайно или намеренно — кто знает?) страницами, заполненными пометками работника КГБ, их "анализировавшего". Затем, во время сложного и долгого пути из СССР на Запад (как известно, официально никакие рукописные материалы вывозу из СССР не подлежат) девять тетрадей, относящихся к периоду отказа, пропали, казалось, безвозвратно. Однако благодаря случайному стечению обстоятельств и эти тетради нашлись осенью 1984 года, через восемь лет после их исчезновения.

Произвести отбор из двадцати девяти тетрадей, составляющих около двух с половиной тысяч рукописных страниц, было крайне нелегко и непросто. При отборе материала мы руководствовались следующими принципами:

1. Сохранить, по возможности, все то, что дает представление о личности В. Рубина — человека и ученого.
2. Сохранить записи о тех событиях, которые характеризуют духовную атмосферу тех лет.

Мы старались при этом относиться к тексту записей как можно более бережно, производя лишь незначительную стилистическую редакцию и внося дополнения (они даются в квадратных скобках) только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо для понимания смысла.

Я хочу выразить свою глубокую благодарность прежде всего Феликсу Канделю, близкому другу Виталия. Без его инициативы и помощи этой книги просто бы не было. Он настоял на том, чтобы я предприняла

активные розыски пропавших дневников, розыски, которые неожиданным образом привели к успеху. Феликс многократно перечитывал выборки из дневников и благодаря его рекомендациям по отбору материала и был создан окончательный текст книги.

Я также хочу выразить благодарность друзьям, моим и Виталия, за ценные советы по подготовке дневников к публикации: проф. В.Д. Левину, М. Улановской, В. Меникеру, Т. Гальпериной, А. и Л. Лунц, М. Блинковой, А. Цукерман, О. Шорр, М. Бикель, И. Фумбаровой, читавшим рукопись книги (полностью или частично); Ю. Телесину, оказавшему большую помощь при проверке ряда фактических данных для примечаний; А. Тамбур, Ю. Граузе и проф. А. Ибер за помощь в расшифровке встречавшихся в дневниках китайских иероглифов и составлении указателя китайских терминов.

Мне хочется особо поблагодарить д-ра Л. Дымерскую-Цигельман, научного редактора и, фактически, одного из составителей книги. Сотрудничество с ней дало мне очень много и способствовало успешному, как я надеюсь, завершению работы над книгой.

Я выражаю свою глубокую признательность проф. Ш. Эттингеру, И. Наделю и Э. Сливкиной за содействие в издании книги.

Я также приношу благодарность дирекции Института им. Трумэна при Иерусалимском университете за помощь в технической работе над рукописями (многократное копирование).

Наконец, хотя, по-видимому, с этого следовало бы начать, я приношу свою искреннюю благодарность всем тем знакомым и незнакомым друзьям, которые способствовали тому, что дневники были вывезены из СССР и, оказавшись по обе стороны океана, в конце концов достигли Израиля. Их имена, по вполне понятным причинам, пока еще не могут быть названы.

И. Рубина

БИОГРАФИЯ ВИТАЛИЯ РУБИНА¹

Я родился в 1923 году. Мой отец² был философ и переводчик. Мать³ не работала, потому что у нее было очень плохое зрение, она вела хозяйство. В семье было двое детей-близнецов: моя сестра Мария и я.

Отец был необычайно своеобразный человек. Он был сыном очень странной женщины, у которой еврейская традиционная благотворительность была доведена до степени полной самоотверженности. Я ее не знал, потому что она умерла еще до моего рождения. Ее муж⁴, мой дед, был домовладельцем, но в результате благотворительной деятельности моей бабушки они полностью разорились. Они жили в Двинске. Последнее, что сделала бабушка в своей жизни — она отдала свои ботинки какой-то бедной женщине, простудилась, заболела инфлюэнцей и умерла. Детство отца проходило в Двинске, и он много рассказывал мне о нем. Бывали случаи, когда отец просыпался утром и не находил своей одежды, так как мать отдала ее каким-то беднякам. В доме у них было заведено так, что они заказывали одежду самому плохому портному, потому что — кто же еще закажет ему? Покупали самые плохие продукты, потому что — кто же еще их купит? И так далее.

¹ Составлена М. Рубиной по транскрипту интервью с В. Рубиным, взятого у него И. Авербухом для Центра исследования и документации восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете в феврале 1977 г.

² Арон Ильич Рубин (1888–1961).

³ Софья Сауловна Рубина (Бахмутская) (1891–1964).

⁴ Элиягу Исаакович Рубин (1851–1928).

Двинск был фактически еврейским городом, так что с русскими они встречались мало, если не считать чиновников, жандармов и пр. Мой дед, человек необыкновенного ума, был очень религиозным.

Отец, как мне кажется, унаследовал некоторые черты своей матери, ее святость, если можно так сказать: он отличался исключительной добротой, абсолютной беззлобностью. У него были удивительные способности: он знал пятнадцать языков и был человек необыкновенно быстрого ума, хорошо знал математику, философию, читал со сказочной скоростью — в общем, это был человек несомненно выдающийся.

В то время, когда мы родились, он работал в Институте Маркса—Энгельса, но довольно скоро его оттуда выставили. Потом он защитил диссертацию в РАНИОНе¹, но впоследствии, когда были введены степени кандидата и доктора наук, защита не была признана, т.к. в то время он нигде не работал. Формально отец окончил юридический факультет, но фактически своим призванием считал философию. В детстве он получил традиционное еврейское образование, т.е. учился в хедере, а гимназию кончил экстерном, т.к. дед не хотел, чтобы он ходил в гимназию по субботам. Отец был очень горячим евреем, он всегда держал около себя Библию, хотя языком творчества для него стал русский язык. Говорил он практически без акцента, но всегда подчеркивал свое еврейство, что иногда шокировало знакомых, которые стеснялись говорить на эти темы. Для него характерно, что даже в своих автобиографиях, написанных для официальных инстанций, он всегда писал, что кончил хедер.

Нам, своим детям, он однако не пытался дать еврейского образования, может быть, потому, что в Москве тогда не было атмосферы, которая могла бы этому способствовать. В детстве, в частности в школе, я не

¹ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

чувствовал антисемитизма, тем более, что в классе, где я учился, было более половины евреев (он был скомплектован из наиболее способных учеников, в соответствии с "порочной" теорией педологов).

Мой дядя, Исаак Ильич Рубин¹, старший брат отца, был экономистом, хорошо известным в конце 20-х годов. Его книга "Очерки по теории стоимости Маркса" переиздавалась много раз. Вокруг его теории возникали громкие дискуссии в среде экономистов. Дядя был арестован в 1930 году. Мой отец в это время преподавал философию в ряде московских вузов. Когда начался процесс меньшевиков, то его как брата одного из обвиняемых отовсюду уволили. После этого его уже не допускали к преподаванию философии вплоть до 50-х годов, и он зарабатывал на жизнь переводами.

В период сталинских процессов большинство родителей боялось говорить откровенно со своими детьми. Отец, однако, открыто говорил с нами обо всем, что происходило, поэтому уже в детстве у нас было ясное представление о сталинской эпохе и соответственное отношение к ней. В классе мы с сестрой были единственными, кто не вступил в комсомол. Надо сказать, что среди своих сверстников я почти не встречал такого понимания всего происходящего и такого отношения к нему, какое было у меня. Я уже с детства чувствовал невыносимость существования в Советском Союзе.

Когда я был в девятом классе, я ушел из школы, сдал экстерном экзамены за десятилетку и поступил на Исторический факультет Московского университе-

¹ Исаак Ильич Рубин (1886–1937) – экономист; в 1927–1928 гг. преподавал в Московском институте народного хозяйства. Осужден по делу "Союзного бюро меньшевиков" на процессе 1–9 марта 1931 г. на пять лет заключения. После досрочного освобождения в 1934 г. был сослан в г. Актюбинск (Казахстан). При массовых арестах в 1937 г. был вторично арестован. Погиб в заключении.

та. К началу войны я окончил первый курс. Мне еще не исполнилось восемнадцати лет. Я пошел добровольцем в народное ополчение, и артиллерийский полк, в который я попал, был сформирован из студентов университета. Офицеры там всячески старались дать почувствовать этим "интеллигентам" их место, и в связи с этим было много конфликтов, но они не носили антисемитского характера, хотя среди студентов почти все были евреями.

В начале октября 1941 года наша дивизия попала в окружение — тогда был большой немецкий прорыв под Москвой. Мы стояли в районе Дорогобужа (Смоленская область) и довольно быстро оказались в глубоком тылу у немцев. Из окружения я выходил почти двадцать дней, с 3 по 22 октября. Сначала остатки дивизии собрались в лесу и пытались прорваться через занятую немцами деревню, но немцы отбили атаку. Тогда мы разбились на мелкие группы и так стали выходить из окружения. Сперва в моей группе было человек тридцать, но постепенно оставалось все меньше и меньше, поскольку так легче было просочиться. Потом осталось уже человек семь. Все это были русские. Они сразу поняли, что я человек другого типа, что я интеллигент, и относились ко мне не самым лучшим образом. Был какой-то момент, когда они, разозлившись на меня, спросили, не еврей ли я. Но я понял, что в этой ситуации я этим людям не могу сказать, что я еврей, и это был единственный случай, когда я отказался от своего еврейства. Шли мы большей частью ночью, а днем отсиживались в деревнях, где нас кормили.

После того, как мы попали в окружение, я выкинул свои документы. Когда немцы взяли нас в плен, они были в хорошем настроении — это было наступление. В какой-то момент около меня остановились два немца и стали спорить: "юдэ" — "нихт юдэ". И тогда они позвали одного из тех парней, что были со мной, и спросили его, ткнув пальцем в меня: "Русский?" Он ответил: "Да, русский". И у меня после этого не было

проблем. они даже не занимались этим. Я почти уверен, что если бы этот парень знал, что я еврей, то он бы и сказал об этом.

Когда нас взяли в плен, мы попали в немецкий обоз. С обозом шли солдаты, которые несли на себе пулеметы и патроны. Получив русских пленных, каждый солдат повесил на него пулемет или ящик патронов, а сам шел сзади. Надо сказать, что немец, который шел за мной, был славный парень, и я чувствовал, что он ко мне хорошо относится. Но вообще-то меня поразило, что эти немцы были ужасные барахольщики. На ногах у нас были не сапоги, а обмотки — так вот, они сматывали эти обмотки. Зачем они им были нужны? Нас они не кормили совсем. Один раз дали какие-то картофельные очистки. Они сгоняли нас обычно в какой-нибудь крестьянский дом и там держали. Жителей не было видно, немцы выгоняли их из домов. В один из таких моментов я и сбежал. Немцы послали меня и еще одного парня принести мешок картошки из подпола дома, а когда мы его принесли, я увидел, что дверь туда осталась открытой. Я предложил своему напарнику залезть в подпол и попробовать там скрыться, но он испугался. Я же это сделал, и пролежал там сутки. Немцы меня не хватились. Потом я услышал, что немцы ушли и вернулись хозяева дома. Я стал стучать в пол, и они меня выпустили.

Немцы в это время шли на Москву. Я был уже близко от Серпухова и пошел по направлению к своим частям. По дороге я зашел в крестьянский дом и переменял свою шинель на гражданскую одежду, чтобы больше не попадаться. Крестьяне с радостью дали мне какую-то дрянную одежду в обмен на шинель.

В тот же день я вышел к советским частям и был тут же заперт в какой-то хлев по распоряжению Особого отдела, а потом отвезен на грузовике вместе с еще несколькими такими же, как я, в Серпухов. Особый отдел Серпухова нас, однако, не принял, потому что он был забит вышедшими из окружения, и нас отвезли на пересыльный пункт, помещавшийся в местном теат-

ре. Весь зрительный зал был застроен двух- и трехэтажными нарами, на которых были сотни окруженцев. Из них формировали части и тут же отправляли обратно на фронт. Я встретил двух парней, с которыми вместе был в плену. Я тут же воспользовался их "братской помощью": у меня украли ложку — и они сразу же украли у кого-то ложку для меня. Мы стали просить, чтобы нас отправили в Москву, где формировалась наша дивизия, и, как это ни странно, нам в конце концов дали такой документ. Поезда из Серпухова уже не шли, но мы доехали на попутных машинах до Подольска и там сели в поезд. Он довольно долго не шел, потому что была бомбежка. Вечером мы приехали в Москву.

Когда я был в плену, некоторые немцы, узнав, что я говорю по-немецки, со мной довольно подолгу разговаривали. Они давали нам листовки на русском языке, в которых говорилось, что Красная Армия разбита. Одна листовка была с фотографией сына Сталина, Якова, который был захвачен немцами в плен. Некоторые листовки были неплохо составлены, там говорилось, что все наши жертвы напрасны. Немцы говорили мне, что Москва разбита, что от нее ничего не осталось. Поэтому, когда я приехал в Москву, я с интересом стал смотреть: что же на самом деле? И вот все это оказалось совсем не так. Подхожу к своему дому и вижу, что дом наш стоит! Я пришел в свою квартиру, но оказалось, что родители уехали в эвакуацию за пять дней до того. Через пару дней мы пошли в штаб своей дивизии (хотя дивизии уже давно не существовало), и нас отправили на московский пересыльный пункт. Там формировались новые части из вышедших из окружения и отправлялись на фронт. Там был какой-то капитан, который принимал каждого. Он стал весьма насмешливо говорить о моей гражданской одежде. Мол, как же так, куда я девал свою шинель?

Надо сказать, что, когда я вышел из окружения, меня охватила некоторая эйфория: в окружении я видел полную готовность населения повесить портреты Гитлера, так что, по сравнению с этим, портреты Сталина

казались меньшим злом. Я не думал, что меня могут в чем-то подозревать. И я сказал капитану, что был в плену и бежал. "Ах, вот как, — сказал он. — Был в плену? Тогда подождите". И тут меня заперли на гауптвахте. После этого меня стали вызывать на допросы и подробно расспрашивать о плене, об окружении. Я, ничего не подозревая, довольно подробно отвечал, рассказывая о разговорах с немцами и прочем. После пары вечеров таких долгих разговоров, капитан взял большую пачку бумаги и написал: "Допрос подозреваемого Рубина". Тут я понял, что у меня новый статус. Затем он спросил: "Ну, а какое задание вы получили?" Я ответил, что никакого задания я не получал. Но он сказал: "Как же так, немцы видели, что вы говорите по-немецки, неужели они не догадались вас использовать?" Я ответил, что, наверно, не догадались. Он говорит: "Ну, это вы бросьте, лучше просто расскажите, вам за это ничего не будет". Я снова говорю, что никаких заданий не получал, и меня снова отправляют на гауптвахту. И там я слышу историю какого-то парня, которого вот так уговорили рассказать то, чего не было, и он запутался, и ему стали "клеить дело". Тут только я понял, что из всего этого может произойти. Меня продолжали вызывать еще несколько дней, а потом отправили в Лефортово и там продолжали допрашивать. Но там был уже следователь еврей, который говорил мне: "Вы еврей, как мы можем поверить, что вы остались в живых, не получив никакого задания?" Я ответил, что скрыл свое еврейство. Он мне сказал: "Напишите объяснение". Я написал то же самое, что я ему сказал, и на следующее утро меня отправили обратно на пересыльный пункт, сформировали часть и отправили из Москвы. Я снова попал на фронт — в те же места, по которым выходил из окружения.

В начале 1942 года, после ночи, проведенной в холодном окопе (а морозы в ту зиму доходили до сорока градусов), я получил обморожение обеих ступней и был отправлен в госпиталь. Санитарный эшелон, в котором меня отправили в тыл, шел в Читу, но, когда он

проезжал Омск, я попросил, чтобы меня там оставили, потому что туда были эвакуированы мои родители.

Через полтора месяца меня выписали и направили в артиллерийское училище в Томске. Это было самое противное время моего пребывания в армии, потому что там я столкнулся с садистским издевательством над солдатами. Там был один антисемит из Белоруссии, который меня просто травил. Однажды, когда мы шли куда-то, и он шел позади меня, он стал на мое место, а меня поставил за собой. Когда его кто-то спросил, он сказал: "Ну, что он, жид какой-то". Я дал ему пощечину, и он почему-то не решился ничего сделать.

Однажды, когда мы были в летнем лагере, я заснул, а когда проснулся, то увидел, что ко мне подошел комиссар этого училища Обуховский (я помню его фамилию), еврей, и вытащил из моего кармана мою записную книжку. Это была немецкая трофейная записная книжка-календарь, в которой я записывал даты своего пути [на фронте], и в частности то, что я был в плену. Все это он передал в Особый отдел, и меня снова стали вызывать и спрашивать, какое задание я получил от немцев. Через некоторое время они отправили меня на пересыльный пункт в Новосибирск, а оттуда я попал в спецлагерь. Этот лагерь был под Тулой, на станции Узловая, в Подмосковном угольном бассейне. Там было все как в обычном концлагере — колючая проволока, охрана, бараки и пр. — но не было отношения к нам как к преступникам. Мы как бы "проходили проверку", т.е. я не был судим, не был осужден, не получил никакого срока. Я не помню, впрочем, чтобы при этой "проверке" нашли какого-нибудь шпиона или что-нибудь подобное в этом роде. Просто они нас там держали. У Солженицына в первом томе "Архипелага" очень правильно говорится об этом — что многих они там держали годами, потому что "пока уголек идет..." Это было точно так. Кормежка там была, может быть, получше, чем в обычных лагерях, но работа была очень тяжелая. Я работал откатчиком, катал вагонетки с углем.

Родители присылали мне в лагерь книги, но все это я получал через вольных, потому что мы работали вместе с вольными. Были там очень хорошие люди и было много евреев, с которыми я дружил. Там уже было чувство какой-то еврейской солидарности.

У меня была оживленная переписка с родителями и близкими.

[Из писем из лагеря]

11 августа 1943

...Мне всегда явственно вспоминается то, что было год назад. Я вспомнил тяжелое положение, в котором была наша страна тогда. Вспомнил я и свою жизнь в то время, то тяжелое впечатление, которое производила на меня шахта вначале, двенадцатичасовой рабочий день, тянувшийся бесконечно долго, ужасные условия, в которых я провел прошлую зиму, когда был вынужден спать на голых нарах, в холодном бараке, не имея одеяла. Теперь все совсем иначе. Поистине, "привычка свыше нам дана, замена счастию она". Я уже привык к шахте, отношусь к работе там спокойно, без тех трагических переживаний, которые испытывал сначала.

31 августа 1943

Здравствуй, дорогая моя тетя Полина!¹ Как живешь?

...Сегодня вновь прекрасный день после вчерашней пасмурной погоды и дождя. В связи с этим и настроение у меня улучшилось. Сквозь весь мрак и сомнения пробивается мысль: "Но как все-таки хорошо жить!" Радость и ликование, не имеющие никакой видимой причины, охватывают меня.

...Поздравляю тебя со взятием Таганрога. Расскажи, какое впечатление производят торжественные салюты

¹ Полина Петровна Рубина (1887–1958) – жена Исаака Ильича Рубина.

в Москве. Как жаль, что я не могу быть в эти праздничные часы в родной столице!

Сегодня у меня выходной день. Он особенно радует меня, тем более, что я не имел выходных с 13 числа прошлого месяца. Займусь ответами на корреспонденцию, полученную вчера, потом сварю вместе с товарищем котелок картошки, которую я купил вчера ради выходного дня за 25 руб. Не знаю, писал ли я тебе об этом моем товарище. Наша дружба многих удивляет. Он по возрасту вполне годится мне в отцы, человек довольно простой, русский рабочий, уроженец Ростовской области. Привлекает меня его прекрасный, широкий, истинно славянский характер, любовь к знанию, к чтению. Мы всегда делимся книгами, которые удастся достать одному из нас. Саша Попов (так зовут моего товарища) — очень практичный человек, хорошо готовит. Вот и сегодня я многого жду от картошки, которую мы уговорились сварить днем. А 14 сентября¹ он обещает устроить пир на весь мир...

Ну, всего лучшего, родная! Я постоянно думаю о тебе и вспоминаю тебя с глубокой любовью и благодарностью. Крепко тебя целую. До свидания!

Твой Виталий.

15 сентября 1943

Здравствуйте, дорогие мои!

...Поздравляю вас с нашим двадцатилетием. Мы с тобой, Маруся, вступаем в третий десяток...

Несмотря на то, что этот период — один из самых мрачных в моей жизни, я не теряю надежды. Я дал себе срок — до 14 сентября 1948 года, до того, как мне исполнится двадцать пять лет. Если я встречу эту дату не в Москве и не занимаясь историей, значит, жизнь моя погибла. До тех же пор будет жива надежда.

¹ День рождения Виталия и Маруси Рубиных.

...Ну, всего лучшего, родные мои! Горячий привет всем родным и знакомым. Крепко вас целую и поздравляю. До свидания!

Ваш Виталий.

23 октября 1943

Здравствуй, дорогая моя тетя Полина!

...На днях меня отпустили в амбулаторию в Узловую для консультации у врача. Врач осмотрел меня и заявил, что у меня радикулит, что лечить меня он не может, потому что у него нет ни синего света, ни соллюкса. Что это за радикулит? Не знаешь ли ты о такой болезни? Я впервые услышал это название. На этом кончилось мое лечение. К счастью, я не имею сейчас в нем особенной надобности.

...Последнее письмо Маруси меня очень обрадовало. Она пишет, что очень довольна своей учебой и жизнью, охотно посещает лекции на биофаке, хочет поступить на курсы переводчиков. Мне эта мысль кажется удачной. С каким удовольствием поступил бы я на такие курсы! Вообще ее письмо напомнило мне последний год перед войной, когда я учился в университете. Тогда я тоже жил полной жизнью, почти так, как хотел. Если я останусь в живых, то после нашей победы обязательно снова вернусь к такой жизни, буду жить так, чтобы жизнь и наука слились для меня в одно. Я уже сейчас много думаю о будущем. Думать о том, какой полной и прекрасной жизнью я буду жить после войны, особенно приятно сейчас, когда все мое существо прибито и задавлено тяжелой работой и плохими условиями. Уже сейчас я готовлюсь к моей будущей деятельности, усиленно изучая французский. Впрочем, занимаюсь я им не столько для этого, сколько ради удовольствия. Нервы мои теперь очень расшатались. Малейшая неприятность выводит меня из равновесия, и я буквально не могу найти себе места. Тогда я беру французскую книгу, словарь и начинаю читать. Через несколько минут я забываю обо всем и только люблю строй-

ными французскими фразами, стараюсь вникнуть в смысл того, что говорит автор.

...Ну, всего лучшего, моя родная.

Твой Виталий.

29 октября 1943

Здравствуйте, дорогие мои!

У меня сегодня большой праздник: в ленкомнате¹ у нас снова повесили лампочку. Уже около недели прошло с тех пор, как украли лампочку, и я, как и все жители барака, был совершенно лишен света. Это действовало на меня угнетающе. Я сейчас работаю в первой смене. Когда ухожу на работу, только рассветает, когда прихожу, уже темно. Я был лишен своих любимых удовольствий — чтения и занятий французским. Приходилось поневоле жить какой-то скотской жизнью. Уже несколько дней собираюсь написать письмо, но все не могу осуществить этого из-за отсутствия света.

Недавно как-то, откатывая в шахте вагонетки, я очень подробно размышлял о своем будущем. Я уверен, что если останусь жив после войны, то сумею посвятить свою жизнь науке, чего бы это мне ни стоило. Поручкой этому то, что даже сейчас, в таких совершенно непригодных для занятий условиях, я нахожу в себе силы заниматься.

Я решил для себя целый ряд вопросов. По некоторым из них я тут же принял окончательное решение, некоторые же отложил, решив в будущем посоветоваться об этом с тобой, папа. Думал я, прежде всего, о том, стоит ли мне поступить на философский факультет. Твои письма, полные глубоких и интересных мыслей, одно время так увлекли меня, что я уже решил, что истинное мое призвание — благородная наука философии. Но подумав, я решил, что настоящим фило-

¹ "Ленинская комната" ("Красный уголок") — клубное помещение.

Семья Хаима и Муси Лурье. Фотография сделана в 1886 г. в Двинске, к 25-летию свадьбы. Первая слева – их старшая дочь Анна, в замужестве Бахмутская, бабушка Виталия со стороны матери.

Этель Рубина, бабушка
Виталия.

Элиягу Рубин, дед Виталия.

Саул и Анна Бахмутские, родители матери Виталия.
Около 1890 г.

Семья Рубиных в Алуште (Крым). Лето 1926 года. Справа налево: Исаак Ильич, Виталий, Арон Ильич (стоит), Полина Петровна (жена Исаака Ильича), Мария, Софья Сауловна, Анна Васильевна Осокина (няня детей).

софом быть не смогу. Для этого нужно иметь всеобъемлющий ум, громадные способности, широчайшие интересы. Это по плечу тебе, но не мне. Однако, как только к тому представится возможность, я решил самым серьезным образом заняться философией. Решив в будущем заняться избранной мною уже в детстве наукой и ей посвятить свою жизнь, я перешел к вопросу о том, в какой области истории я буду специализироваться. Я планировал каждый год и час своей будущей жизни, думал о том, что в будущем надо будет посвящать больше времени науке, жить более целеустремленно, меньше слоняться по театрам и концертам, используя для этого воскресенья. Словом, лишь бы дожить, а там уже, я уверен, я сумею использовать как следует свое время.

Жду писем от вас. Горячо целую. До свидания!

Ваш Виталий.

7 декабря 1943

Здравствуйте, мои дорогие! Как вы живете? Как себя чувствуете? У меня сегодня свободный день. В предыдущих письмах я писал о том, что меня преследуют ужасные боли в пояснице. Вчера я пошел в санчасть, излил там свою душу, рассказав о том, что радикулит меня совсем замучил. Тогда заведующая санчастью сказала, что сегодня она пошлет меня в лазарет. Я сначала согласился, но потом пошел к ней и попросил, чтобы в лазарет она меня не посылала. Такое решение я принял потому, что перед отъездом в лазарет у нас в обязательном порядке сдают все постельные принадлежности, а когда возвращаются, то не получают их обратно, потому что их не хватает. Между тем, несомненно, что с радикулитом в лазарете меня долго бы не продержали, ну, максимум, неделю-полторы. Возвратившись, я вынужден был бы валяться неопределенное время на голых нарах, не имея даже одеяла, чтобы укрыться. Поэтому я предпочел остаться здесь и попросил ее только, чтобы она дала мне возможность отдох-

нуть день-два. Она согласилась и дала мне на сегодня освобождение.

15 декабря 1943

...Сегодня получил "Пуритан" [В. Скотта] и Тютчева. Если бы знали, какую радость мне принесло это. Хоть я и просил не посылать Тютчева, но читал его с огромным удовольствием. О "Пуританах" нечего и говорить. Они написаны страшно увлекательно, а это мне нужно больше всего. Ведь я почти целый день лежу на нарах. Сидеть, стоять, а особенно ходить мне очень больно. Отправка меня в лазарет задерживается из-за ветров и ужасных холодов...

15 января 1944 [из лазарета]

Здравствуйте, мои дорогие!

У меня большая радость: сегодня доктор сказал мне, что принципиально решен вопрос об отправке меня в Москву. Это должно совершиться в ближайшее время, быть может, еще в этом месяце. Здесь мне нужно будет пройти гарнизонную комиссию, которая освободит меня от военной службы, а потом я смогу ехать домой.

...Я страшно благодарен доктору за ту заботу, за ту доброжелательность, с которой он относится ко мне.

...Ну, до свидания, дорогие. Жду писем от вас.

Ваш Виталий.

* * *

В лагере я пробыл полтора года — в начале 1944 года я заболел. Когда выяснилось, что это был туберкулез позвоночника, меня освободили, потому что я уже не был годен для работы. За мной приехала мать, и меня на носилках отправили домой.

Я пролежал в постели четыре года, и в 1948 году вернулся в университет. За время болезни я сдал экстерном экзамены за второй курс и перешел на третий. За это время я убедился, что легко усваиваю языки, и решил специализироваться по Китаю. Я решил, что

должен изучить какой-нибудь трудный язык, чтобы получить редкую специальность. Сначала я хотел заниматься античностью, но отец знал античные языки, и, как только я с ним начинал говорить о какой-нибудь теме или проблеме, немедленно выяснялось, что он знает это в десять раз лучше меня, что он может тут же сказать, что из этого получится, и поэтому у меня появлялось чувство неполноценности. И тогда я решил изучить хоть что-то, чего он не знает.

Я помню, как все мы прореагировали на образование Израиля в 1948 году. Все это воспринималось как вещи потрясающие, которые нас глубоко волнуют, но абсолютно не смогут иметь для нас практического значения. Об Израиле никто никогда даже и не мечтал.

В 1951 году, по окончании университета, было распределение [на работу]. Я понимал, что это будет явно нацистская процедура. Биография у меня была в некотором роде идеальная: я был инвалид Отечественной войны, я вел большую общественную работу, в частности, прочитал около двадцати пяти лекций о Китае на разных заводах и в прочих учреждениях, у меня был диплом с отличием, и я был рекомендован в аспирантуру. Но я понимал, что в аспирантуре они меня не оставят ни за что. К чему же они придерутся? Я понял, что они придерутся к тому, что я не член партии.

На распределении было довольно много народа, человек двадцать пять представителей от различных учреждений. Вел распределение некий Почекутов, зам. ректора по кадрам. Это был явный ээсовец, белокурый, наглый, открытый антисемит. Как раз за неделю до этого в "Правде" был напечатан один из самых антисемитских фельетонов — "Виноградная выжимка". Там шла речь о евреях, которые набивают себе кошельки за счет советского народа на виноградарстве. Там было два реально существовавших персонажа: Рубин и Рабинович. Разговоры между ними были такие: "Ну, как, Рабинович? Как говорит Писание, запас кармана не тянет..." Авторы фельетона были Воробьев и Журавский.

И вот на распределении сидят эти представители и слышат мою фамилию. Начинаются вопросы: "Рубина из Архивного института вы не знаете? Это не ваш родственник?" и т.д. (о дяде никто не спросил, уже забыли в то время). И вдруг этот Почекутов спрашивает: "А родственников в области сельского хозяйства у вас нет?" — и все начинают хохотать. И только моя научная руководительница, тоже изрядная стервова, но не грешившая антисемитизмом, сидела, не разделяя общего веселья. Ну, а потом они меня все-таки спросили, почему же я не член партии, если все так у меня хорошо? Я ответил что-то вроде того, что только недавно встал с постели после тяжелой болезни. Никуда упечь они меня не могли и дали свободное распределение. В аспирантуру, конечно, не допустили. Тогда я решил попробовать самому поступить в аспирантуру Института востоковедения Академии наук.

Я подал документы и начал сдавать экзамены. Там была такая партийная крыса, зав. отделом аспирантуры Летова. Она дала мне направление на экзамен по немецкому языку. Я сдал экзамен и принес пятерку. Она говорит: "Слушайте, вы же поступаете на Китай, — так почему же немецкий? Для Китая нужен английский". Я говорю: "Хорошо, дайте направление на английский". Этого она никак не ожидала, но пришлось дать. Я снова принес пятерку. Потом я встретил парня, который тоже сдавал экзамен, и спрашиваю его: "Вы какой сдавали язык?" Он говорит: "Немецкий". Я говорю: "Но вы же поступаете на Китай, туда нельзя немецкий". Он говорит: "Кто вам это сказал? Можно любой иностранный язык сдавать". Потом я сдал китайский язык и тоже получил пятерку. По специальности они мне поставили четверку, хотя я на все ответил. Потом я пошел сдавать марксизм. Эти типы с кафедры философии дали мне какой-то вопрос, на который я ответил, так же, как и на другие вопросы, которые они задавали. Тут же с ними сидела Летова. Когда я кончил отвечать, они сказали мне, чтобы я вышел и ждал оценки. Летова осталась с ними. Я сел на лавоч-

ку напротив кабинета, рядом с каким-то парнем. Чтобы начать разговор, я спросил: "Вы ждете оценки по марксизму?" Он говорит: "Да". Я спрашиваю: "Как вы думаете, что поставят?" — "Дай Бог, чтобы тройку, я же полностью провалился. А вы на что рассчитываете?" Я говорю: "Думаю, на пятерку, я на все ответил". И так мы сидели примерно полчаса, а из-за двери слышен был долгий разговор и голос Летовой. Наконец, она выходит и говорит этому парню: "Вам — отлично, а вам — хорошо", — говорит она мне. В аспирантуру меня, конечно, не приняли. По сути дела, они на отметки всегда плевали, а принимали "своих людей", но четверка им давала формальное основание меня не принять.

После этого у меня никакой работы не было, и я уже собирался идти учителем географии в школу, но в это время выяснилось, что в Новочеркасске имеется группа китайских студентов, которых нужно учить русскому языку. Я поехал в Новочеркасск и работал там полгода.

Потом я вернулся в Москву, но постоянной работы у меня не было. В это время уже началась кампания по делу врачей. Она переживалась нами как угроза всем нам, как чудовищное дело. Мой отец, который был страшным оптимистом, в самые тяжелые моменты, когда все уже нагнеталось до предела, все время говорил: "Подождите — он [Сталин] еще подохнет!" Он называл его (кстати, и мы все дома так его называли) "Питоныч". Я помню разговор с моим родственником, человеком несколько мрачным, который в свое время сидел; он говорил: "Подохнет! Он никогда не подохнет, он еще нас с вами переживет!" И вот, через месяц примерно, было сообщение, что он подыхает, а потом — подход. Это было, конечно, очень приятно, и мы были одной из немногих семей тогда, которые сразу же восприняли это как праздник (а было и много жутких дураков-евреев, которые оплакивали его смерть). И вот я купил торт из мороженого и ехал с ним в троллейбусе, где все были с заплаканными глазами и смотрели на меня... Ну, за торт, правда, никого не посадили,

но опасность все-таки была. Мой приятель, который сидел в это время в лагере, рассказывал, что в это время туда прибыла волна "поздравителей" — тех, кто поздравлял друг друга на улице со смертью Сталина. Впоследствии мы ежегодно праздновали пятое марта как один из самых больших праздников.

Когда затем, 4 апреля, объявили о реабилитации врачей, казалось, что действительно происходит какой-то перелом, что покончат с антисемитизмом. Ну, а в день восстановления дипломатических отношений с Израилем меня приняли на работу в ФБОН [Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР] в отдел Востока, референтом литературы по Китаю.

Во время Синайской кампании реакция людей в моем окружении была однозначной, т.е. все сочувствовали Израилю. Как известно, это происходило одновременно с венгерскими событиями и наложилось одно на другое. Венгерское восстание взволновало, пожалуй, даже больше, потому что это было первое настоящее антикоммунистическое восстание.

В 1956 году можно было, в общем, о многом свободно говорить. Я хорошо помню, что после 20 съезда КПСС обстановка вообще резко изменилась. Однажды выступил директор библиотеки, в которой я работал, Шунков, и сказал, что спецхран¹ — это позор для библиотеки! И начался интенсивный перевод книг из спецхрана в свободный фонд. Я постарался как можно полнее использовать это время и прочитал целый ряд книг, считавшихся "антисоветскими", таких, например, как

¹ Отдел в ряде советских библиотек, в котором помещаются книги и периодические издания так называемого "специального хранения" (например, такие журналы, как "Тайм", "Ньюсуик" и т.п.), т.е. рассматриваемые советской цензурой как "антисоветские". Для пользования спецхраном необходимо разрешение, даваемое по месту работы.

воспоминания Бур-Коморовского¹ (о восстании поляков против немцев в период войны), книги Кестлера² и другие. Похоже было на то, что спецхран, действительно, ликвидируется. Обстановка была настолько свободной, что прекратился страх друг перед другом, люди приходили на работу и рассказывали, что они слушали по Би-Би-Си. В библиотеке свободно можно было читать западные газеты. Однако, после подавления Венгерского восстания все повернулось обратно.

В 1967 году я решил, что следует попробовать перейти из библиотеки, где я проработал к тому времени уже шестнадцать лет, и где мне уж очень надоела однообразная работа писания рефератов — я не видел там для себя никаких дальнейших перспектив — на какую-нибудь другую работу. Я отлично понимал, что это очень трудно, может быть, даже невозможно, но решил предпринять для этого все усилия. В это время вышла моя статья, которая фактически была совершенно вне рамок советского Китаеведения³. В ней я высказал свой взгляд на тоталитарные традиции китайской политической мысли, и эта статья обратила на себя внимание. Я предпринял ряд шагов для того, чтобы перейти в отдел Китая Института востоковедения Академии наук и в последние дни 1968 года меня туда взяли. Это было крайне странно, и все вокруг были потрясены, потому что уже давно в этот институт не брали ни одного еврея. А тем более беспартийного еврея, который, к тому же, никак не пользовался милостью начальства!

¹ T. Bor-Komorowski, *The secret army*, London, 1951.

² Артур Кестлер (1905–1983) — писатель, журналист. В числе его наиболее известных произведений — роман о сталинских процессах "Мрак в полдень", 1941, а также две книги об Израиле: "Воры в ночи", 1946 (русский перевод: изд-во "Библиотека-Алия", Иерусалим, 1981) и "Обетование и претворение", 1949.

³ Два истока китайской политической мысли, "Вопросы истории", 1967, №3, стр. 70–81.

Никто не мог этого понять, и один из сотрудников даже сравнил это событие по важности с происшедшим в тот момент полетом двух космонавтов, из которых один — Воынов — был, как известно, полувеврем.

Период Шестидневной войны воспринимался как нечто потрясающее: все мои друзья были в состоянии большого напряжения, все ждали, что произойдет, и с утра до вечера слушали израильское радио. И когда мы узнали о победе — это было потрясающее событие!

В 1970 году я узнал, что выезд в Израиль делается возможным. К этому времени я уже почувствовал глубокий интерес к Израилю и стремление жить именно там.

И в июне 1971 года я заказал вызов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ В. РУБИНА

- 14 сентября 1923 Родился в Москве.
- Сентябрь 1940 Поступил на исторический факультет Московского университета.
- Июль 1941 Записался добровольцем в ополчение.
- 3–25 октября 1941 Первый бой у Ельни (Смоленская область); окружение; плен. После трех дней пребывания в плену бежал и вернулся в Москву.
- Ноябрь 1941–январь 1942 Участвовал в боях под Калугой и был обморожен.
- Конец января – апрель 1942 Госпиталь в Омске.
- Апрель – июль 1942 Артиллерийское училище в Томске.
- 30 июля 1942 После того, как стало известно о пребывании Виталия в плену, он был исключен из училища.
- Ноябрь 1942–январь 1944 Работа на угольной шахте в спецлагере на станции Узловая (Московская область). Заболел туберкулезом позвоночника.
- Январь 1944 – весна 1948 Пребывание в туберкулезных больницах и санаториях.
- 1948 Возобновил учебу в Московском университете.

- 1951 Окончил исторический факультет Московского университета; специализировался по древней истории Китая.
- 1951–1952 Преподавал русский язык китайским студентам в Институте сельского хозяйства в Новочеркасске (Ростовская область).
- 1953–1968 Работал референтом по китайской литературе и литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР в Москве.
- Сентябрь 1956 Женится на И.М. Аксельрод.
- 1960 Защитил кандидатскую диссертацию "Цзо цжуань' как источник по социальной истории периода Чуньцю".
- 1969–1972 Старший научный сотрудник в Институте востоковедения АН СССР.
- Февраль 1972 Вместе с семьей подал документы в ОВИР на выезд в Израиль и в связи с этим был вынужден уйти с работы.
- Июль 1972 – июнь 1976 Отказ в праве на выезд; участие в борьбе советских евреев за репатриацию.
- 18 июня 1976 Приезд в Израиль.
- 1976–1981 Профессор Иерусалимского университета; преподавал историю китайской политической мысли и философию Древнего Китая.
- 18 октября 1981 Погиб в автомобильной катастрофе.

ДНЕВНИКИ
1962 — 1972

ДНЕВНИКИ 1962—1972

22.6.1962 Двадцать один год после войны. Целая человеческая жизнь!

Бумага, ты нужна мне и для того, чтобы сконцентрироваться, чтобы восстановить единство своей личности и продолжение дела.

12.8.1962 Вчера приехали [из отпуска]. Теперь, как и в прежние годы, надо приниматься за работу. Но, скажу правду, в этот раз я хуже отдохнул, больше измотался, и начинать работать поэтому не тянет.

И вообще, почему после смерти папы так не тянет меня домой? Неужели навеки вынут стержень из моей жизни, и я всегда только и буду ощущать, что неполноту и неполноценность ее?

Что делать, чтобы этого не было? С какого конца начать?

Самая главная беда моя здесь: угнетение огромным количеством обязанностей. Нужно приучить себя к тому, что, делая одно дело, не следует беспокоиться о других.

28.8.1962 Нужно вплотную взяться за статью о Цзы Чане*. Позор, что так долго тяну с этим.

Трудность трактовки в том, что при нашем подходе полагается говорить не о личностях, а о каких-то процессах.

* Объяснение китайских имен и терминов см. в алфавитном указателе в конце тома.

Кусок жизни, который дает хроника, с трудом поддается схематизации. По существу, в статью я контрабандой хотел провести другой метод и другой подход. Я писал, чтобы показать определенного человека, с личным отношением к этому человеку. Но именно это и встретило противодействие. Придется переделать, дать больше теории, процессов, меньше жизни. Назвать статью лучше так: "Цзы Чань и древнекитайский город-государство".

Я вскрыл некоторые новые особенности китайского государства VII—V веков, показал, что в политической структуре его были элементы демократии. Здесь нужно точно определить, что это значит: имеется в виду отсутствие деспотии и ограниченная возможность народного волеизъявления. Не имеется в виду демократия как некий политический строй, пронизанный определенным принципом. Такой единый принцип, если уж он может быть найден, скорее может быть выражен словом олигархия — политический строй, при котором государство принадлежит не одному деспоту, а совету знати. В этом смысле олигархия, конечно, существовала и в Китае.

Но как бы то ни было, большой интерес представляет и история реформ, проводившаяся в том обществе с целью его модернизации, и идеология людей, эти реформы проводивших.

А если так поставить вопрос: какую статью я с удовольствием прочитал бы о Цзы Чане? Пожалуй, в ней должно было бы быть прежде всего изложение событий, а потом уже идеологии. При этом — поменьше цитат.

15.9.1962 Вчера был день рождения.

Вспоминали, как хорошо и весело было с папой, и мне было несказанно грустно.

24.9.1962 Опять вышибивший из колеи перерыв. Снова нужно склеивать разорванную нить. Двадцать первого и двадцать второго я печатал отрывки из папи-

ных философских записей после разговора с И.Д. Левиным, который предупредил, что тридцатого он собирается начать новый сезон¹ с чтения каких-либо папиных вещей.

26.9.1962 Тот день не прошел даром. Я подготовил материал для тридцатого (я буду читать статью "Пушкин и Тютчев", а если останется время – "Женщины у Пушкина")² и написал подробное письмо с папиной биографией. У меня осталось ощущение не зря проведенного времени.

5.10.1962 Пожалуй, дело обстояло следующим образом. Уже в период Западного Чжоу выработалась теория тяньмин, состоявшая в том, что правитель является лицом, облеченным властью условно. Условие – забота о народе. Именно так надо понимать, как правильно отметил Дабс³, фразу "небу нельзя доверять". Впоследствии из теории тяньмин Мэн-цзы сделал революционные выводы. Появилось представление о Небе или Боге как обладающем нравственным сознанием верховном существе. Это верховное существо заботится прежде всего о народе, о том, чтобы стоящие во главе его правители относились к нему гуманно и заботливо. В случае, если они поступают иначе, небо отнимает у них право властвовать.

19.11.1962 Начинается опять плохое время – мрач-

¹ И.Д. Левин (1901–1984) – философ, востоковед; друг А.И. Рубина, отца Виталия. В его доме собиралась группа друзей для бесед по философии.

² Философские эссе А.И. Рубина о русских поэтах, в том числе упомянутые Виталием статьи, опубликованы в книге: А.И. Рубин, Статьи о русских поэтах. – Из философского дневника, Иерусалим 1985.

³ Н.Н. Dubs (1892–1969) – английский китаист, переводчик Сюнь-цзы.

ные дни, когда я не могу побороть гнетущее настроение, которое овладевает мной, когда я сижу дома. Время проходит в мрачных думах, нерешительности; ничего не хочется делать.

В чем же дело? Почему мне делается все тошно? Почему так неустойчиво настроение? Не следует ли сделать вывод, что ты не умеешь бороться с собой, что ты самоуспокоился и прощаешь себе свои грехи?

Но оставим это. Мое настроение, пожалуй, часто сводится к отчаянным попыткам борьбы с усталостью от жизни, которая представляется цепью нудных обязанностей. От них часто хочется освободиться. Такое настроение может быть иначе сформулировано как поиски радости, радости любой ценой.

28.11.1962 Сегодня выступил на обсуждении историографии СССР с предложением в подготавливаемой книге прямо сказать об уничтожении наших историков. Это предложение было почти всеми поддержано. Хорошо говорил П. "От этой правды, — сказал он, — волосы встанут дыбом, но все равно ее надо сказать".

30.12.1962 Вчера звонил Конраду¹. Он сказал, что приветствует саму идею [перевода летописи "Цзо Чжуань"], но в литературные памятники это пойти не может, ибо памятник исторический. Потом был очень хороший разговор с Эйдлиным². "Сделайте это делом своей жизни, — сказал он, — меньше думайте о договоре, больше о том, чтобы лучше сделать перевод. Ведь вы не голодающий ученый". Все это глубоко правильно.

7.1.1963 Сегодня отмечаем два года со дня смерти

¹ Н.И. Конрад (1891–1970) — известный востоковед, действительный член Академии наук СССР.

² Л.З. Эйдлин — видный специалист по китайской литературе.

папы. Думал о том, что трудно жить с мыслью, что все лучшее позади. Но именно это — доминирующее восприятие жизни. Без стремления в будущее, без планов и надежд время теряет смысл, превращается в однообразное, ненужное повторение.

31.1.1963 При чтении интересной книги Д.С. Лихачева "Человек в литературе древней Руси" (Москва, 1958) возник ряд параллелей и противопоставлений. Лихачев пишет, что в XVI веке были поколеблены старые летописные принципы работы — составление сводов, исторических компиляций с сохранением в их составе предшествующих исторических сочинений как своего рода документального материала.

Летописцы стремились сохранить тексты своих источников, историки же XVI в. усиленно перерабатывают использованные ими материалы, стремясь к единству всего повествования, идейному и даже стилистическому. Они стремятся к строгому и постоянному подчинению всего повествования единой авторской точке зрения.

В Китае путь исторической литературы шел иначе. В "Шуцзине" мы видим разрозненные документы, в "Чуньцю" — разрозненные записи, объединенные единством времени, в "Цзо Чжуань" — свод предшествующих материалов, нанизанный на канву "Чуньцю" и хронологически ограниченный этим отрезком.

Нужно будет поставить вопрос о том, что история сама по себе (история как летопись) возникла гораздо раньше Конфуция. Сакральная функция историка и в связи с этим — неприкосновенность исторического факта.

1.3.1963 Двадцать пятого февраля я с успехом прочитал доклад [о "Цзо Чжуань"]. Слушали с интересом и потом выступали с одобрительными речами. Очень хорошо говорил Миша Крюков. Все отмечали плодотворность сравнения с русскими летописями, что, кажется, Миша назвал типологическим подходом. Эйдлин

в результате предложил записать, что издательству они рекомендуют заключить со мной договор и что эта работа имеет всемирное значение.

4.4.1963 Сегодня в разговоре с Иной набрел на интересную мысль. Каким образом могло сразу возникнуть учение, подобное легизму, содержащее последовательную человеконенавистническую программу и открытое отрицание морали? Просто невероятно, чтобы оно появилось сразу; для этого нужна была бы слишком большая смелость мысли, слишком большая бесцеремонность. Невозможен был переход прямо от конфуцианства к идеологии всеобщей ненависти. В качестве посредствующего члена должна была появиться идеология всеобщей любви, подчиняющая всю жизнь одному — пользе народа. Затем требовалась лишь сравнительно незначительная подтасовка — вместо народа — государство, и в зародыше теория всеобщей ненависти уже была налицо.

6.4.1963 Еще одно интересное соображение. Мо-цзы был, по-видимому, ремесленником, механиком. С этим связан его механистический подход к общественным вопросам. Отсюда же и его сравнения с работой столяра, с машиной и т.д. Он первым ввел механицизм, заимствованный потом легистами.

8.4.1963 Знакомство с Мо-цзы помогло оценить специфичность Конфуция. Конечно, Конфуций нигде не защищал прямо фатализм, и все же нападки на Мо-цзы обоснованы. Дело в том, что Конфуций был врагом политики как чего-то отличного от морали. Он поэтому вовсе не стремился к каким-то политическим преобразованиям — он хотел не новых реформ, новых отношений, он прилагал усилия к гуманизации существующих отношений. Поэтому он нигде не выступает за какие-то мероприятия — его политические взгляды высказаны там, где он высказывается про-

тив ухудшения. В этом его сила и слабость. Сила — потому что его проповедь имеет вечный смысл, не устареваает. Слабость — потому что ограниченность. Впрочем, можно сказать, что история доказала, что значение моральных проповедников, пророков неизмеримо больше, чем значение политиков.

У меня явилась такая формула отношения трех систем. Конфуцианство: мораль и культура; моизм: мораль и отказ от культуры; легизм: отказ от морали, отказ от культуры.

17.4.1963 Вчера Гриша Померанц¹ пришел в восторг, когда я ему рассказал о своей идее; он сказал: "Как хочется видеть это напечатанным".

Не забыть: тринадцатого я позвонил Спиркину и спросил, будет ли помещено о папе что-нибудь в Философской энциклопедии. Он ответил необычайно тепло, сказал, что к папе они обращались всякий раз, когда не могли разрешить какой-нибудь трудный вопрос, что, по словам Асмуса, это был образованнейший философ. "Изумительный человек", — сказал он. Заметку о папе они поместят, и напишу ее я. Сделать это надо будет летом.

18.4.1963 Получается интересная вещь: моральные принципы, приложимые к взаимоотношениям в семье, Конфуций переносил на государство. У него по существу нет политики вне морали, мораль пронизывает собой все человеческие отношения снизу доверху.

Я всегда думал, что специфика легистов в том, что они поняли разницу между семьей и государством, оценили то, что в государстве нет места морали. Но теперь я убедился, что уже с Мо-цзы начинается другая крайность — политические принципы считают необходимым ввести не только в государство, но и в семью.

¹ Г.С. Померанц (род. 1918) — философ, публицист; друг В. Рубина.

Итак, конфуцианская мысль о принципиальной идентичности семьи и государства остается, но если у Конфуция был панморализм, то у Мо-цзы, а за ним и у легистов — панполитизм; в этом, может быть, и состоит одна из специфических черт западной мысли, что со времени Аристотеля было уловлено это различие. Отсюда — уважение к личности, признание существования сферы, куда не может вторгаться государство.

Как-то не вижу пока живой струи в освещении легизма. Начать что ли с феноменологии превращения революционного моизма в деспотический легизм? Тут интересна параллель.

10.5.1963 Со всех сторон одолевают неоконченные дела, запущенные отношения с людьми. Перед ними я чувствую себя скотом, а между тем причина только в том, что мне трудно часто звонить людям. Где-то я прочел, что трудность контактов — один из признаков старости. Да что об этом думать! Ничего все равно не изменишь. Угнетает, конечно, сознание того, что так мало успеваешь. Сократить, что ли, слушание радио?

24.5.1963 Чтобы иметь полное представление о "Шан цзюнь шу", напишу краткое содержание каждой главы.

Глава 1. Проблема реформы вообще, ее закономерности и желательности.

Глава 2. Это своеобразное произведение, представляющее собой перечисление мероприятий, необходимых для того, чтобы целина была возделана. Для этого нужно колоссально много: так, народ не должен обучаться, он должен быть тупым, не интересоваться ничем; народ не должен продавать зерно, купцы не должны его покупать, — таким образом будет нанесен удар купечеству и люди будут заниматься земледелием. Народ не должен заниматься музыкой и обращать внимание на одежду; не следует терпеть тунеядцев и т.д. Эта глава производит при внимательном чтении весьма странное впечатление. Предложение маньяка:

сделать всех земледельцами, чтобы не осталось никого другого: ни купцов, ни содержателей постоянных дворов, ни ученых. Одни земледельцы. А для чего столько земледельцев? Вот на это, очевидно, отвечает следующая глава: "Земледелие и война".

Глава 3. Мысль: только земледелие и война могут учитываться при награждении чинами и званиями. Направлено против тех, кто получает чины и звания за изучение истории и од, и вообще против всех тех, кто хочет избежать земледелия и войны (в том числе против ремесленников). Опять упор на простоту, даже против таланта и способностей у чиновников.

Первое перечисление десяти пороков, относящихся к конфуцианству, угроза, что они могут привести к расчленению страны. Совершенно ясно, что главный враг — конфуцианство. Еще одно подтверждение его распространенности — то, что здесь говорится, что в каждой семье (или роде) имеются ши [стихи] и шу [книги].

Наиболее откровенное и ясное выражение ненависти к образованию: если учеба становится популярной, народ отбрасывает земледелие и начинает заниматься болтовней и спорами.

Глава 4. Уничтожение силы. Тезис: ликвидация сильных при помощи слабых дает силу. Дабс интерпретирует: сильное государство может быть лишь при слабом народе.

Шесть паразитических функций: забота о престарелых, жизнь за чужой счет, красота, любовь, честолюбие, добродетельное поведение.

Автор как бы одержим ненавистью к конфуцианцам. Он пишет: "Если страна сильна, а война не начинается, то яд распространяется внутри страны, распространяются обряды, музыка, процветают паразитические функции и неизбежно расчленение". Отсюда важный вывод: цель — война. Ведь земледелие нужно для усиления страны, а кульминация усиления — война. Доказательство милитаристского характера идеологии.

Четкая формула: "Страна, где хорошие люди управляют плохими, будет страдать от беспорядков; та, где плохие управляют хорошими, будет управляться хорошо".

6.6.1963 Сегодня напишу о папе статью в Философскую энциклопедию¹. Задача трудная, и мне даже как-то страшновато. Не надо ставить задачу написать так, чтобы они все напечатали. Написать надо заведомо больше. Трудность вся в том, что лучшие его вещи, посвященные собственно философии, не напечатаны, а напечатаны только переводы.

7.6.1963 Как все трудные проблемы, и эта оказалась разрешимой. Помучавшись, я создал вчера текст, который во всяком случае приемлем.

Теперь выяснилось, что я смогу прочитать на Международном конгрессе антропологов доклад на тему "Роль народного собрания в древнем мире (на примере Китая)". Тема очень хороша тем, что по ней имеется мой собственный материал, который только по-новому надо будет интерпретировать.

Обсудили мои тезисы и решили, что стоит их несколько расширить. В конце надо добавить фразу о марксизме.

26.9.1963 Со мною вот что происходит — настроение начинает ухудшаться само собой, без видимых причин. Но с этим нужно бороться. Это слишком страшно. Так я не могу и работать. Но что же делать? Это своего рода душевная болезнь. Ведь в конце концов те же объективные факты жизни могут рассматриваться и совсем в ином свете. Вот сегодня я сел заниматься в семь часов утра, у меня было прекрасное настроение.

¹ Статья Виталия "А.И. Рубин" опубликована в 4-м томе "Философской энциклопедии" (Москва, 1967, стр. 529).

Сейчас девять двадцать, внутри ад. Как спастись от этого? Как вернуть радость? Когда-то она была для меня чем-то само собой разумеющимся, Божьим даром. Внутри все пело от радости. Потом это прошло. Но теперь от этой тоски просто невозможно жить. Меня не увлекает то, чем я занимаюсь. Я не могу себя заставить этим увлечься. Как будто какая-то тяжесть как камень увлекает все время на дно.

7.10.1963 Сегодня был хороший, интересный день, и все же вечером меня снова забирает тоска. Как мне не хватает папы! Его полета, его легкости. К папе относится то, что писал Пастернак о Живаго, то есть о себе; как и Живаго, он оживлял все вокруг себя тем духом свободы и незатрудненности, в котором сам он обитал. Пастернак рассказывал, что Лара чувствовала этот дух, даже когда вспоминала о нем. Я же могу чувствовать лишь тоску от его отсутствия.

Мой дневник, ты страдаешь от того, что я пишу не все, но ты становишься мне в моем одиночестве все более необходимым. Я могу жаловаться тебе сколько влезет, не боясь последствий, не думая о том, что отягощаю твою жизнь.

11.10.1963 Т.С. срочно надо было меня увидеть, чтобы предупредить (я, не дай Бог, могу перепугаться), что Думан¹ написал в ЦК какую-то бумагу, где на меня указывает как на главного преступника, виновного в картографическом преступлении, то есть в том, что я опубликовал карту, где Китаю отдается часть нашей территории. Сначала я вообще не мог ничего понять: где, когда я публиковал такие карты. Оказывается,

¹ Л.И. Думан – китаист, сотрудник Ин-та востоковедения Академии наук СССР.

речь идет о статье о Хуан Чао¹ (1952 г.). Я немедленно принес сборник, и выяснилось, что в худшем случае я виновен в том, что отдал Вьетнамскую территорию (!) Танской империи (!). Либо все это вообще сплошной вздор, либо, если Думан в самом деле это написал, это буря в стакане воды и закончится ничем.

1.11.1963 Вчера был на симпозиуме по поводу Морган². Тяжелое впечатление.

Во-первых, увидел, как еще силен проклятый догматизм. Семенов, казалось бы, мягкий и интеллигентный, в конце заседания, после выкриков Толстова и потрясения кулаками против тех, кто не хочет защищать Энгельса и Ленина, вылил ушаты зловонных помоев на Бутинова, назвав его иезуитом, софистом, антимарксистом, и т.д. Гнусно выступил. И что еще меня огорчило, славные ребята — сотрудники института — не нашли в этом ничего особенного.

И еще важная информация о С., с которым надо держать ухо востро.

4.11.1963 Вчера снился странный сон. Какое-то празднество у нас дома, много народу, мама, но папы почему-то нет. Уже поздно, все удивляются, я же говорю: "Наверно папа где-нибудь задержался, ведь он человек увлекающийся. Если бы он не увлекался, он не был бы тем Ароном Ильичом, которого мы знаем". Но самому тревожно. Где он может быть в самом деле? Ведь уже поздно. Я постепенно просыпаюсь с этой тревогой. Где он, где он? И вдруг вспоминаю — его нет,

¹ Руководитель крестьянского восстания в Китае (IXв.). Статья Виталия "Походы Хуан Чао" была опубликована в "Сборнике статей по истории стран Дальнего Востока", Москва, 1952.

² Л.Морган (1818–1881) – американский антрополог и социолог.

но беспокоиться не нужно. Я помнил во сне, что его нет среди нас, но забыл, почему.

21.11.1963 Твой недостаток в том, что ты с трудом пишешь свободно. Между тем, именно это нужно.

Как в самом деле увязать древнее конфуцианство с древней историей Китая?¹ Я хочу сказать, что не было никакого феодализма, во всяком случае, не это было сутью конфуцианства. Тогда почему же именно в VI веке появился Конфуций? Ты говоришь, что там были остатки демократии. Ну и что? В этом ли дело?

Да, это требует тщательного продумывания и увязки. В старых энциклопедиях (там, где вообще говорилось что-то стоящее), идет речь о феодализме, о том, что Конфуций боролся якобы за единство Китая. Чушь.

Ну, а что же тогда? Не выдвинуть ли такую мысль: конфуцианство возникло тогда, когда стали ставиться под сомнение основы древней религии и вообще древних традиций. Оно возникло, в смысле политическом, в условиях значительного хаоса и неопределенности. Основные вопросы, на которые отвечал Конфуций, не политические, а морального порядка. В это время искали каких-то новых основ морали. Религиозные идеи уже не удовлетворяли больше жаждающие умы.

Дун Чжун-шу настаивает на том, что существует некий вселенский континуум, в котором не только Небо влияет на человека, но и человек может воздействовать на Небо. В частности, дурные дела императора вызывают стихийные бедствия.

29.11.1963 Мне трудно жить из-за того, что я постоянно чувствую свое бессилие. И это особенно дома, где меня окружает обстановка, во всем мне напоминаю-

¹ В статье о конфуцианстве для Советской исторической энциклопедии.

щая Арона Ильича. Для издания его работ я так ничего и не смог сделать, и это меня больше всего мучает.

Что же я могу сделать для тебя, папа? Ты был человеком куда счастливее меня, ты делал счастливыми и других, твой свет озарял и жизнь нашей семьи, и жизнь твоих друзей. Ю.Я.¹ часто вспоминает, как она приходила к тебе как к источнику света, как к человеку, который утешал и внушал бодрость. Какая удивительная сила веры и надежды была в тебе, как тебе удавалось внушить эту веру в будущее всем вокруг!

Что же мне сделать для тебя? У меня так мало сил. Все, что я пишу, стоит мне таких усилий. Сначала, когда я начинаю, я еще ничего не знаю, я вхожу в работу медленно, и лишь постепенно, ошупью нахожу то, что мне нужно. Поэтому у меня постоянное ощущение загнанности, хотя делаю я, по справедливости, не много.

Ты всегда, всю жизнь надеялся на то, что доживешь до лучших времен. Надеюсь на это и я. Но я не умею надеяться, вот в чем ужас. Я на самом деле в это не верю, хотя и понимаю, что жизнь без этой веры невозможна.

При тех материалах, которые у меня есть, я мог бы написать о тебе книгу. Но нет надежды, что ее напечатают. Я думаю, что если времена переменятся, я все же ее напишу. А если нет? Как тогда успокоить свою совесть? При этом у меня еще нет детей, которым я мог бы передать твои рукописи, чтобы когда-нибудь они их опубликовали, как опубликованы были через сто пятьдесят лет после смерти рукописи Ван Фу-чжи.

Что же в самом деле я могу сделать? Что в моих силах? Прочитать папины работы, попробовать разобраться в его философском развитии, извлечь оттуда наиболее интересное, перепечатать это в нескольких экземплярах, переплести. Это то, что в моих силах. Но надо

¹ Ю.Я. Мошковская (1894–1969) – близкий друг семьи Рубиных.

за это взяться. Такая работа совершенно несовместима с погоней за деньгами. Она может дать только душевное удовлетворение – но это так много.

Склад ума у меня совсем другой, чем у тебя, папа. Поэтому мне трудно будет оценить все то, что ты пишешь, и разобраться в этом. Но попробую.

1.12.1963 Вчера закончил, наконец, статью о конфуцианстве для СИЭ [Советской исторической энциклопедии]. Теперь хочется написать об этом более обстоятельную статью, во главу которой положить полемику конфуцианцев с легистами.

Кончить можно было бы тем, что не следует подходить к истории идеологии с простыми прямолинейными мерками. Роль определенной идеологии в определенную эпоху следует изучать по документам этой эпохи. Изучать Конфуция по Лу Синю – неисторично.

6.12.1963 Как много можно сделать в два часа! А ты все киснешь!

Теория тоталитарного господства [Шан Яна], вернее, тоталитарной власти. Ничего не должно быть против государства, но не только это – ничто не должно быть вне государства. Цели, которые ставили себе легисты, были ясны. Конфуцианцев они считали главными своими врагами.

”Если министры и чиновники не будут иметь возможности слишком много отдавать времени знаниям, блестящим спорам и лени, если они не смогут путешествовать,.. то земледельцы не будут иметь возможности услышать о переменах. Таким образом, умные земледельцы не смогут отказаться от своего занятия, а глупые не станут умными и не будут любить учиться. Тогда они усердно займутся земледелием и целина будет поднята”.

Тут же указания на то, что нельзя терпеть бездельников и тунеядцев, а если их терпеть, то не удастся поднять целину.

Очень интересно рассуждение о том, что должно

быть уничтожено: "Если в стране имеются следующие десять вещей: стихи и история, правила поведения и музыка, добродетель и самоусовершенствование, благородство и честность, ум и споры, тогда правителю некого использовать для войны".

13.12.1963 Прочитал необыкновенно содержательную статью Нивисона "Ho-shen and his accusers"¹.

Она прямо напрашивается на параллели.

1. Параллель Хо-шэнь — Сталин. После смерти Хо-шэня, так же, как и Сталина, было признано, что он один является причиной взяточничества и т.д. Когда его не стало, все снова может быть хорошо. Никакого преследования друзей Хо-шэня не было. Автор это объясняет личным мягким характером Цзя-цина, которому абсолютно не хотелось проводить строгих чисток. Но дело, возможно, не только в этом. Ведь, может быть, признание существования какой-то гнусной клики повлекло бы необходимость реформ. Сейчас ситуация несколько иная вот почему: мы гораздо ближе к Европе, и наше чиновничество все же больше знакомо с европейскими идеями и больше о них информировано. Это внушает некоторые надежды.

2. Ослабление династии. В дальнейшем, когда трудности все более возрастали, неизбежно снова возникли партии, и влияние конфуцианских ученых возросло.

Мы наблюдаем другое, но кое в чем и здесь можно

¹ D.S. Nivison, Ho-shen and his accusers: ideology and political behavior in the 18th century, in: "Confucianism in action", Stanford University Press, 1959. Хо-шэнь (1750–1799) — фаворит императора Цянь-луна (1736–1796). В 1780–90 гг. обладал фактически неограниченной властью в Китае, жестоко расправляясь с неугодными ему. Он нажил огромное состояние, беря взятки. Это вызвало ненависть к нему и в конце XVIII века привело к народным восстаниям, ознаменовавшим начало упадка империи Цин. Цзя-цин — китайский император (1796–1820), правивший после Цянь-луна.

усмотреть параллель. К ученым, хотя они и не конфуцианцы, приходится все больше обращаться партийному руководству, без них не обойтись, а они — носители другой идеологии, прежде всего критического мышления. С возрастанием роли науки и их роль неизбежно будет возрастать. В этом — другая надежда.

16.12.1963 Снова тоска, пустота, неудовлетворенность. На что ты тратишь время? У тебя совершенно нет инициативы, ты плывешь по воле волн, встречаясь с людьми, которые тебе безразличны.

Рассказ Маруси [сестра Виталия] о вчерашнем вечере, который она провела с такими интересными людьми, навел меня на мысль, что она живет более полноценной жизнью, чем я. Надо себя как-то менять, используя те возможности духовной жизни, которые есть. При этом нужно основываться на трезвой оценке самого себя. На понимании, например, того факта, что ты один, без людей, как-то стимулирующих твой интерес к науке, не в состоянии серьезно чем-то увлечься. Полной жизнью ученого ты жить не можешь. Следовательно, тебе надо избрать какой-то другой путь. Но какой?

Мне хотелось бы задать священникам такой вопрос: как они представляют себе бессмертие души? В каком виде могут быть эти души? Ведь душа человека на протяжении его жизни менялась. Какая же будет на том свете? Душа молодого человека или старика? И что делается с душой человека, перед смертью утрачивающего часть своих способностей?

27.1.1964 Я устал от душной атмосферы "Хань Фэйцзы". Трудно читать подряд эти назойливые рецепты подозрительности, недоверия, обмана; призывы к тому, чтобы строго следить за подчиненными, которые только и думают о том, чтобы убить правителя и т.д. Противно. Сегодня несколько отдохнул, начав маме чтение воспоминаний Белого о Блоке.

10.2.1964 Вчера ночью читал о киббуцах. Совершенно другая жизнь. Совершенно другой ее смысл — борьба за будущее, отдача себя для своего народа, радостная отдача.

В чем же мне найти смысл? Я могу пытаться сделать это в плане научном; но для этого самому надо серьезно этим увлечься. Нужна какая-то научная среда, которая бы этим заинтересовалась. Отчасти в моей власти создать ее — выступить с докладом, как-то увлечь других и увлечься самому.

15.2.1964 Я попал на мысль, которая меня очень увлекает — мысль о двух глубоко отличных моделях политического мышления: конфуцианство — учение об органической природе человека, и фацзя [легизм] — механический подход к человеку. В этом смысле очень интересна модель семьи — органического естественного коллектива. Здесь выступает не только ограниченность, но и глубина этой модели. Я до сих пор не отмечал этого. Между тем это очень важно.

Теперь вопрос о методах. Не закончить ли такой мыслью: все, что касается функционирования государственного аппарата как машины — сфера легистов. Здесь они сделали много для того, чтобы эта машина хорошо функционировала. Но они считали, что машины достаточно, что не нужно ничего, кроме машины власти. В этом они были не правы. Государство должно быть одушевлено какой-то нравственной идеей. В марксистских терминах: у государства должна быть какая-то идеология, какой-то "опиум для народа". Причем не нужно считать, что это просто опиум, бесполезный дурман. Это гуманистические идеи, делавшие во многих случаях жизнь народа лучше, выносимее, внушавшие какую-то надежду, придававшие всему какой-то смысл.

Конфуцианцы создали гуманистическую теорию, которая, как они думали, достаточна для управления государством. На самом деле она была совершенно недостаточна. Она исходила из того, что государством

можно управлять лишь при помощи морали, без специфического механизма. Поэтому создатели механизма в какой-то момент сумели победить конфуцианцев; в конечном счете в китайской империи была создана машина, но эта машина одухотворялась, одушевлялась каким-то духом, а именно нравственными идеями конфуцианства. С течением веков эти идеи, застыв, превратились в лжеидеи, в оковы, но понадобились тысячелетия, чтобы они полностью себя изжили.

16.2.1964 Важное место из речи Н.С. Хрущева на пленуме ЦК 14.2.64 г.:

”ЦК партии придерживается того мнения, что нужно терпеливо относиться к научным спорам. В спорах, в столкновении идей рождается истина, рождается лучшее”.

Ты чувствуешь, что нет перспектив. Верно ли это? В значительной мере это зависит от тебя. Если ты разработаешь ту проблематику, которую ты наметил, то ты сумеешь написать ряд работ, которые так или иначе можно будет напечатать. Но тут еще, конечно, такая проблема: нельзя писать то, что думаешь. Правда, может быть, в ближайшие дни что-то выяснится, но трудно рассчитывать на решительную перемену к лучшему.

19.2.1964 Вчера из ”Вопросов истории” мне звонили и сказали, что ввиду ”вчерашних” (т.е. 18 февраля) событий моя статья будет готовиться к печати. 18 февраля на пленуме [ЦК КПСС] кто-то выступил о Китае, но до сих пор ничего не опубликовано.

28.2.1964 Вчера нашел необыкновенно интересные тексты. Надо поставить вопрос так: возможно ли, чтобы такое учение, каким принято считать конфуцианство (например, Г. Эренбург [китаист] – ”послушание и почтение к предкам”), могло стать идеологией у такого народа, как китайцы – древнего, великого культурного народа – и продолжало оставаться им в течение тысячелетий? Нет, здесь что-то не так.

1.3.1964 У меня впечатление, что то, что я пишу, правильно и понятно, но абсолютно неинтересно. Мне самому неинтересно. Надо найти какой-то новый подход. Но в чем? Не сказать ли о том, что нам заново надо оценить отношение политики и морали?

Надо показать, что борьба конфуцианцев с легистами была по существу борьбой за человека, борьбой в духе Кестлера¹. Позиции, собственно, совершенно соответствуют той дилемме, которая поставлена у него: личность или бесчеловечная логика "все позволено", "цель оправдывает средства", "для пользы дела", "лес рубят, щепки летят".

С легистами произошла очень интересная вещь. Они эмансипировали политику от морали. Но поскольку у конфуцианцев мораль самым тесным образом была связана с культурой, легисты, отбросив конфуцианство, одновременно выступили за уничтожение морали и культуры. В Европе аморализм в политике получил название макиавеллизма. Это объясняется исключительно европоцентризмом. На самом деле уже в IV в. до н.э. фацзя пошли гораздо дальше Макиавелли в своем отрицании морали. Надо остановиться на основном возращении легистов, самым непосредственным образом связанном с моралью: на том, что конфуцианцы занимаются воспитанием, в то время как людей надо использовать.

7.3.1964 Несколько дней плохо себя чувствовал. За это время прочитал "Лучи из пепла" Р. Юнга². Если

¹ Артур Кестлер (1905–1983) – писатель. В числе его наиболее известных романов – две книги об Израиле: "Воры в ночи", 1946 (русский перевод: изд-во "Библиотека-Алия", 1981) и "Обетование и претворение", 1949; а также роман о сталинских процессах "Мрак в полдень", 1941.

² R. Jungk, *Strahlen aus der Asche*, Bern-Stuttgart, 1959 (русский перевод вышел в 1962 г.) – роман о трагедии Хиросимы.

Юнг действительно коммунист, это очень интересно. Поистине занятно было бы проследить судьбу коммунистической литературы, ее идей, ее героев. Когда-то, в золотую пору ее расцвета, коммунистическая литература брала своими героями энтузиастов-коммунистов, идеи были марксистскими – классовая борьба, стремление к коммунистическому будущему, жертвенность (собой и другими). Теперь не то. Герой Юнга – христианин, мысли гуманистически-христианского толка (о приоритете личности, о сочувствии к несчастным и т.д.). Ни слова о классовой борьбе, хотя общество, по доктрине, осталось таким же капиталистическим, каким было при Марксе и Ленине. Коммунизм сказывается лишь в том, что... автор отвергает всякие подозрения о связи движения за мир с коммунистами как клевету.

13.3.1964 Вчера на работе был разговор о наших перспективах. Вопрос, очевидно, стоит так: либо политическая критика (вернее, подвывание), либо ничего – вернее, реферативный проект¹. Он мне гораздо более по душе, чем подвывание.

Вчера встретил В.С. Он показал мне составленную им бумагу, в которой несколько профессоров просят о разрешении издать логические работы А.И. Рубина. Если бы удалось!

19.3.1964 Вчера вечером звонил [китаисту] Васильеву и узнал, что он дал отрицательный отзыв на "Конфуцианство" [статья в СИЭ]. При этом он исходит из соображений, что конфуцианство всегда и везде играло отрицательную роль, было реакционно.

Я огорчился, хотя этого и надо было ожидать. Дол-

¹ В 1953–1968 гг. Виталий работал в Фундаментальной б-ке общественных наук Академии наук СССР референтом по китайской литературе и литературе о Китае.

го не мог заснуть, мне было тяжело от мысли, что борьба, которая предстоит, почти безнадежна — все будет решаться не в ходе научного диспута, а где-то совсем в другом месте, где такие тонкости, как то, что нужно отличать древнее конфуцианство от позднего, не будут приниматься во внимание. Но утром я позвонил Ю.Г. Лосеву, редактору, этим занимающемуся, и стало веселей. Он сказал, что поскольку статья за моей подписью, я имею право высказывать там свои взгляды. В крайнем случае можно указать в историографии, что существуют и другие точки зрения. Ну что ж. Прекрасно!

Вообще я вижу, что драка предстоит порядочная. Но это даже интересно. Плохо только, если в этой драке я окажусь в одиночестве. Но в одном отношении теперь легче. Я чувствую реального противника и против него и буду направлять основной удар.

Самое важное здесь, конечно, теоретические аспекты. Они сводятся к следующему:

1. Возможно ли говорить, что какая-то идеология, имеющая тысячелетнюю традицию, всегда и везде играла реакционную роль? Параллель — христианство, в частности, принятие христианства на Руси. Посмотреть энциклопедию и последние труды.

2. Можно ли говорить, что всякий теоретик непременно отражал взгляды определенных классов? Посмотреть историю философии.

Да, ситуация трудная. Выступить за человечность в обществе, построенном на бесчеловечности.

28.3.1964 Может быть, резюмировать так:

1. Целью правителя является достижение гегемонии. В борьбе за достижение этой цели он не должен быть связан ни моралью, ни традициями.

2. Народ должен быть использован как средство на пути к этой цели. Его роль заключается в том, чтобы поставлять солдат и земледельцев. Воспитание и образование его в направлении, отвлекающем от этих занятий, должно быть пресечено.

3. Поскольку человек по природе зол и эгоистичен, единственным эффективным методом воздействия на него являются наказания и награды. При этом средства устрашения (наказания) должны играть основную роль, средства поощрения (награды) — второстепенную.

4. Закон, в котором сформулированы наказания и награды, должен быть единственным критерием для оценки каждого члена общества. В нем должна выражаться лишь воля правителя.

Я наконец вижу перспективу окончания статьи об идейных корнях легизма.

4.4.1964 Важное место из речи Сулова от 15 февраля: "Китайские руководители... хотят нам предложить в качестве 'образца' такое общество, в котором идеализируется насилие, ограничивается демократия, процветает культ личности, игнорируется забота о трудящихся".

18.4.1964 Замечательную вещь рассказал И.Ф., и я ее непременно должен записать. Это было, еще когда он работал в ***. После лекции С-ва полковник — заведующий кафедрой — сказал: "Как это вы сказали, что англичане угнетают Индию? Разве вы не знаете, что в Англии есть буржуазия и есть рабочий класс?" С-в, струхнув, написал покаянное заявление, которое разбиралось потом на заседании кафедры.

Когда было прочитано его заявление, присутствовавший тут же аспирант спросил: "Я вот недавно прочитал в "Философских тетрадях" Ленина, что англичане угнетали Индию. Что, Владимир Ильич не знал, что в Англии есть буржуазия и есть рабочий класс"? Все посмотрели в сторону затеявшего все дело полковника. Но его не было там, где он сидел раньше, — он исчез, испарился.

21.4.1964 Приговор по делу [Иосифа] Бродского¹ (13.3.64).

”Бродский систематически не выполняет обязанностей советского человека по производству материальных ценностей и личной обеспеченности, что видно из частой перемены работы. Предупреждался органами КГБ в 61 г. и в 62 г. — милицией. Обещал поступить на постоянную работу, но выводов не сделал, продолжал не работать, писал и читал на вечерах свои упадочнические стихи. Из справки Комиссии по работе с молодыми видно, что Бродский не является поэтом. Его осудили читатели газеты ’Вечерний Ленинград’. Поэтому суд, применяя Указ, постановляет сослать Бродского в отдаленные местности сроком на пять лет с применением обязательного труда”.

25.4.1964 Надо, наконец, окончательно решить, как озаглавить доклад² и как его делать, в каком плане. Может быть, так назвать: ”Раннее конфуцианство и легизм. Опыт оценки”. О чем, собственно, будет идти речь? О том, что надо иначе оценить конфуцианство и легизм.

1. Доклад посвящен оценке учений легизма и раннего конфуцианства, не ставшего еще государственной идеологией.

2. В советской литературе борьба легистов против конфуцианцев изображается как борьба прогрессивных мыслителей, сторонников реформ, против консерваторов и реакционеров. На самом деле раннее конфуцианство является гуманистическим, просветительским, пацифистским учением: представление о его изначальной реакционности является незакономерным перенесением на раннее конфуцианство черт позднего

¹ Иосиф Бродский (род. 1940) — поэт и писатель; в 1964—1965 гг. отбывал ссылку по обвинению в ”тунеядстве”. С 1972 г. живет в США.

² Доклад, прочитанный 13.5.1964 на кафедре истории Китая в Ин-те восточных языков при Московском университете.

конфуцианства. Легизм же — человеконенавистническая милитаристская идеология, призывавшая к оболваниванию народа. Прогрессивная роль легизма очень ограничена и кратковременна, реакционное же его значение в государственной идеологии и практике Китая огромно.

3. Превознесение легизма может быть поставлено в один ряд с превознесением Ивана Грозного. Подтекстом там и тут является представление о том, что цель оправдывает средства и что совершенно не имеет значения, при помощи каких жестокостей и низостей достигнута централизация. Это представление, возникшее в мрачные годы сталинского культа и в настоящее время взятое на вооружение китайскими руководителями, ничего общего не имеет с гуманистическими идеалами нашего общества.

Вопрос о войне у легистов. Принципиальное отношение конфуцианцев к войне противоположно отношению легистов. Если для конфуцианцев война является попранием решающих ценностей: культуры, нравственного совершенства, основанного на базе роста народного благосостояния, то для легистов война — важнейший путь достижения вожделенной цели — гегемонии в древнекитайском мире. Можно сказать, что именно в усилении военной мощи смысл всех мероприятий, предлагавшихся легистами. Легистское государство создавалось для войны. И это очень хорошо видно во всех рассуждениях легистов. По существу, легисты стремились создать из государства военный лагерь, в котором действуют военные законы. Это вскрывает следующий текст Шан Яна: "Награды — гражданские меры, наказания — военные". Мы видели, что у легистов наказания играли гораздо большую роль, чем награды. Ясно, что если в государстве должны преобладать военные меры — наказания, то само государство строится как военный лагерь, создается для войны.

5.5.1964 Доклад назначен через неделю. Нужно будет в ближайшие дни дать тезисы. Они почти готовы, но надо дополнить их вот чем. Вместо целиком отрицательной характеристики легизма надо ясно сказать, что легизм способствовал созданию государственного аппарата, государственной машины. Ради этого готовы были простить ему все, ради этого провозглашали его прогрессивным учением. Но следует ли это делать? Не является ли это полным издевательством над принципами гуманизма?

16.5.1964 Тринадцатого сделал доклад. Он был подвергнут суровой критике. Справедливой ли? В основном, нет. Мне твердили то же, что много раз говорили раньше — о классах, которые представляли конфуцианцы и легисты и т.д. Конечно, доклад был небызупречен, но вовсе не в том плане, в каком говорили они. Он не был понят и не мог быть понят, учитывая, что я исходил из предпосылок, совершенно противоположных общепринятым.

Нужно было, наверно, более подробно охарактеризовать свою точку зрения. Сказать, что я рассматриваю идеи сами по себе, не в их исторической обусловленности. Впрочем, это не помогло бы: слышать может лишь имеющий уши, открытые уши, их же уши были заткнуты плотным слоем ваты.

В общем, после доклада у меня осталось чувство некоторой растерянности. Как будто ясно, что этот путь закрыт. Что же делать? Куда податься? Продолжить перевод? Пожалуй, это будет самое правильное.

Ужасно, что я опять становлюсь жертвой приступов депрессии.

20.5.1964 Вчера Л. очень забавно рассказывал о моем докладе. Начал он с того, что я нанес жестокое оскорбление советской исторической науке, сделав вид, что ее вообще не существует.

30.5.1964 Замечательный конец книги Поппера "Open society and its enemies", vol. 2, London, 1957.

"Я утверждаю, что у истории нет значения. Но это утверждение отнюдь не означает, что все то, что мы можем делать — это в ужасе смотреть на историю политической власти, или что мы должны смотреть на нее, как на жестокую игру. Ибо мы можем интерпретировать ее, имея в виду политические проблемы, решение которых мы хотим испробовать в наше время".

Вот то, что я хотел сделать, но что сделать, очевидно, будет очень трудно. Вернее, я делаю это, но напечатать это будет трудно.

"Мы можем интерпретировать политическую историю с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за господство разума, за справедливость, свободу, равенство... Хотя история не имеет целей, но мы можем наложить на нее наши цели. И хотя у истории нет значения, но мы можем дать ей значение".

То же, что и у Фейхтвангера¹ говорит Франклин и что произвело на меня такое впечатление.

"Ни природа, ни история не могут сказать нам, что мы должны делать. Ни факты природы, ни факты истории не могут решить за нас; они не могут определить цели, которые мы выбираем. Это мы даем цель и значение природе и истории. Люди не равны, но мы можем принять решение бороться за равные права. Человеческие учреждения, такие, как государство, не разумны, но мы можем принять решение бороться за то, чтобы сделать их более разумными".

14.6.1964 Опять плохо с Иной. Меня мучает совесть, что я был так черств с ней. Когда это было? В среду, кажется. Она мне тогда сказала: "Ведь я же не виновата, что я больна. Ты бы лучше пожалел меня!" А я? Со мной делалось что-то нехорошее. Я понимал, что так сухо, таким недовольным тоном нельзя говорить с

¹ В романе "Лисы в винограднике".

Иной, человеком таким чутким и так страдающим от всякой отчужденности и черствости. Но я не мог с собой ничего поделаться — я не чувствовал ничего, кроме того, что даже не знаю, как назвать — депрессия, тоска, тяжесть на душе, придавленность. Что-то мертвящее. Живого сочувствия не было. Я не мог к нему пробиться.

С мамой дело тоже плохо. После обморока ее состояние резко ухудшилось. Даже в уборную она ходит с валидолом, медленно, останавливаясь. Так мы не знаем ничего. Делаем то, что кажется нам лучше, а оказывается хуже. Моя вина здесь в том, что я решительно не воспротивился тому, чтобы мама ехала на машине с нами. Это моя слабость: не могу заставлять людей. А иногда нужно.

Но как она хорошо держится! Она смотрит на меня с такой лучезарной улыбкой, она так сейчас удивительно хороша. Мне все время хочется сфотографировать ее: в ее лице есть что-то такое доброе, это такой источник, живой источник любви.

15.7.1964 После смерти мамы¹. Об этом хочется еще много написать.

2.8.1964 В ходе разговоров с Юрой [Брегелем]² у меня созрело решение послать свою статью [о Цзы Чане] в "Тун бао"³ без всякой цензуры. По-видимому,

¹ Мать Виталия, Софья Сауловна Рубина (Бахмутская), умерла 10 июля 1964 г. (род. в 1891 г.).

² Ю.Э. Брегель — востоковед, друг Рубиных. В 1974 г. выехал в Израиль. В настоящее время — профессор ун-та Индиана (Блумингтон, США).

³ "Toung Pao" — известный востоковедческий журнал, выходящий в Голландии. Статья Виталия была опубликована в этом журнале в 1965 г. (т. 52, №1—3, стр. 8—34).

я ничем не рискую при этом. Кроме того, разговор с Юрой натолкнул меня на тему, о которой я уже думал, но о которой как-то забыл: проблема зарождения исторического мышления.

13.8.1964 Прошел месяц со дня похорон мамы. За это время так много событий. И снова я все время мысленно возвращаюсь к ней, к маме, к маминой смерти. И чувствую ужасную пустоту. Я всю жизнь прожил в семье, а сейчас у меня чувство, что все распалось. Как же мне жить? В последнее время я так мало получаю радости от жизни. Как будто я совсем разучился радоваться.

Но если нет радости, осталось удовлетворение. А оно дается от труда. Сохранять бодрость и работать — вот что мне нужно и чего я могу добиться. Труд и бодрость. Надежда все может окрасить в иной цвет. Но в том-то и беда, что у меня нет надежды, этого дара, которым так был богат папа.

7.12.1964 Сегодня почти целый день провел на похоронах Ревекки Ильиничны Р. Замечательное пение, глубокие и трогательные молитвы.

25.12.1964 Сижу на докладе Штаерман и думаю о мертвящей роли доктрины. Все то же, то же, Боже мой! Уже около часа она говорит, а между тем ничего нового. Кому это нужно, кому это интересно? Классовая борьба, эксплуатация и т.д.

Но потом было выступление Гриши Померанца — вот это было здорово! И, как это ни удивительно, его не били, напротив, ссылались на него как на классика.

8.3.1965 Сегодня получил открытку от Демьевиля, из которой узнал, что моя статья [в "Тун бао"] выйдет очень скоро. Ура!

31.3.1965 Сижу на кустовой конференции, читаю роман Трейза и вспоминаю вчерашнее¹. Я сказал им то, что считал нужным, хотя был одинок, и сейчас я чувствую глубокое удовлетворение от того, что не испугался, что сказал все смело и прямо перед лицом враждебной аудитории. Женщина против меня (я впервые видел ее) смотрела на меня влюбленным взглядом, особенно после того, как я выступил.

23.4.1965 Сегодня проводили Марусю [в экспедицию] и ее знакомая унесла Ромку. Прощай, пес.

26.4.1965 Не мог заснуть и думал, как я все же неэнергично действую, чтобы выполнить ту миссию, которую возложил на себя — миссию сохранения и издания работ папы. У меня нет никакого плана в этом отношении, никаких средств, никаких сроков. А прошло уже более четырех лет со смерти папы. Это четвертая или пятая часть срока, который у меня, наверное, остается.

Я начал перепечатывать папин дневник, но приостановил эту работу и давно к ней не возвращаюсь. В последнее время увлекся своими работами и забыл об этом долге. Нужно назначить какой-то день, когда я буду этим заниматься. Хотя бы понедельник. Начну сегодня после обеда.

Конечно, надо ясно представить себе, о чем идет речь, чего можно будет добиться, чего — нет. Папа был человек потрясающей стихийной одаренности, мыслить было для него естественным состоянием. Но работать над прежними записями, приводить их в систему, исправлять, согласовывать — этого он не делал. Он предпочитал мыслить дальше. И он был прав — высшей ценностью для него была духовная жизнь, жизнь

¹ Выступление на обсуждении рукописи книги М. Крюкова "Формы социальной организации древних китайцев". Опубликовано в 1967 г.

в мысли. Он умел радоваться всему тому, чему можно было радоваться. Этот талант радости — может быть, самое ценное его наследие мне. И он радовался каждой возможности выразить себя. Этим возможностей у него было не так уж много. Но в глубине души — он не раз говорил это — он считал неважным, будет ли что-то из написанного им напечатано или нет. Важно то, как прожита жизнь. И в каком-то смысле он прожил свою жизнь так, как хотел. В мысли, в общении с друзьями, без компромиссов с совестью. Хорошо сказал Д.: он жил так интенсивно, что в свои 70 лет прожил не меньше 300 лет жизни нормального, рядового человека.

23.6.1965 Вчера весь день простоял за абонементом на [кино]фестиваль. Потом вечером были на "Антимирах"¹. Очень интересная постановка.

Я как-то утратил интерес к работе о Мэн-цзы в результате столь длительного перерыва. Никак не могу заставить себя ее кончить. Между тем, осталось совсем немного. Но сейчас она меня не удовлетворяет. Надо как-то шире поставить вопрос.

Всякому, кто знаком с текстом Мэн-цзы, должно быть известно, что основное деление для Мэн-цзы: гуманные — негуманные. Это деление непосредственно связано с теорией жэньчжэн [теория гуманного управления] и со знаменитой теорией об оправданности революции. Раньше понимали под негуманными просто жестоких правителей. Это в известной мере верно, но это не достаточно. Это не объясняет, почему именно Мэн-цзы разработал теорию жэньчжэн — ведь негуманные правители были всегда, были они и при Конфуции.

¹ Постановка Ю. Любимова в "Театре на Таганке" по стихам Андрея Вознесенского. Ю. Любимов — главный режиссер "Театра на Таганке" — был известен своими смелыми постановками, пользовавшимися большой популярностью. Осенью 1983 г. остался на Западе.

Разработка теории гуманного управления Мэн-цзы была ответом на фронтальное наступление на принципы конфуцианства, предпринятое легистами. Именно в ответ на теоретическое наступление легизма, доказывающего, что моральные принципы не только бесполезны, но и вредны для укрепления государства, ибо их господство приводит государство к гибели, Мэн-цзы разработал теорию, согласно которой политика должна основываться на морали. Иначе говоря, вообще стремиться к власти — недостойно настоящего человека. Но уж если вы хотите власти, то путь к ней — только через гуманность.

14.8.1965 "Смех Маркса и Ленина, смех в нашем обществе" (В. Розенблом. "Знамя Ильича", 29.4.1959 г.)

"Этот всепобеждающий смех Маркса и Ленина как личные качества наряду и вместе с всеобщей истиной марксизма-ленинизма — ими открытой — творили чудеса великолепных побед в борьбе и жизни. Он им давал отдых и снимал усталость и горечь, он наполнял их души радостью и цементировал их напряженные нервы...

У нас есть над чем посмеяться.

Мы должны оружие смеха использовать для борьбы с унаследованными от старого строя пороками на историческом перевале от социализма к коммунизму, когда создаются по благородному почину Ленинского комсомола бригады коммунистического труда...

Смех в организации коммунистического быта должен занять большое и подобающее место. Он должен помочь искоренять уродливые явления проклятого прошлого и стать острым оружием в борьбе с такими пережитками капитализма в сознании людей, как бюрократизм, пьянство, хулиганство, алкоголизм, курение, разврат, излишества, распущенность, бескультурье, прогулы на производстве, недисциплинированность и т.д.

У нас есть чему радоваться, много комичного, волнующего, смешного. Это одинаково относится к ста-

рой гвардии, к старому поколению и к подрастающему поколению молодежи.

Надо, чтобы смех в гораздо большей степени нашел отражение и достойное место в нашем поступательном движении к коммунизму... Говорят, что смеется тот, кто смеется последним. Поэтому смех как выражение победы человека в борьбе над трудностями в жизни и природе принадлежит строителям коммунистического общества. Строя светлое солнечное завтра, мы смеемся по праву.

Страна, которая первая в двадцатом веке вышла победителем в борьбе с капитализмом, стала осью, вокруг которой вращается вся мировая система социализма, все передовое и прогрессивное, имеет право на постоянный, неистребимый и ликующий смех”.

15.8.1965 Ты берешь только одну сторону проблемы — вопрос о народе. Но вопрос надо поставить шире, и с этого начать. Речь идет о проблеме политики и морали. Должна ли политика строиться на морали? Должен ли политический деятель исходить из принципов морали или он, не будучи ничем связанным, должен действовать абсолютно свободно? Вот в чем проблема, которая не стареет.

Конфуций говорит о гуманности, справедливости, о необходимости соблюдать традиции (ли), но он не говорит о гуманном управлении потому, что не видел в управлении проблемы, которая бы качественно отличалась от проблемы личных отношений. Никакой необходимости техники управления он не признавал, потому что государство ничем качественно не отличается от группы связанных между собой узлами родства семей — и там, и тут нужны лишь моральные качества и ничего больше.

Эта позиция, возникшая в обстановке города-государства, полностью устарела ко времени образования крупных царств периода Чжаньго, когда необходимость в теоретической разработке проблем управления как чего-то специфического, отличающегося от этики,

начала сознаваться всеми. Эту-то слабость конфуцианской теории и использовали легисты, предложив свою теорию, в которой они, давая продуманную технику управления, провозглашали ее полную эмансипацию от морали. Можно сказать, что чжэн (управление) они оторвали от жэнь (гуманности). Миссия Мэн-цзы в плане истории конфуцианской философии заключалась в том, чтобы вновь соединить их, чтобы провозгласить, что политика может и должна быть основана на морали. Таково значение "теории гуманного управления" Мэн-цзы.

В основе этических взглядов Мэн-цзы лежит представление о том, что человек по природе добр. Эта мысль иллюстрируется знаменитой метафорой о спасении ребенка, упавшего в колодезь. Это же основное человеческое качество сочувствия должно лежать в основе управления.

"Силы смерти ('дьявола') раскрыли свои главные 'секреты', свои самые сильные методы умерщвления людей, и поэтому изучение опыта эпохи 'культы личности' жизненно важно для будущих судеб всего человечества. Эта великая битва в духовном мире в XX веке будет на веки веков одним из основных предметов изучения для науки и искусства. Забвение ее, пренебрежение ее изучением будет таить всегда смертельную опасность для человеческой души, как пренебрежение знанием свойств токов высокого напряжения или же внутриатомных излучений таит смертельную опасность для человеческого тела".

"После Маркса, Энгельса и Ленина эта диалектика как золотое обеспечение хранится в подвалах философского 'банка' — Института философии, являющегося одним из духовных управлений страны, где ею балуется несколько начитанных молодых ребят — 'философов'. Старики же — 'академики', 'профессора', идеологическое начальство, как и широкие массы интеллигенции, ничего в этом не понимают, но твердо верят в существование указанного обеспечения, при помощи

которого, если понадобится, можно будет все объяснить, а сами довольствуются бумажными философскими деньгами, то есть самым оголтелым, механическим, первобытным, собачьим материализмом. Безотчетная казенная вера в имеющуюся в запасе диалектику, с одной стороны, в идеологические комиссии, отделы кадров и МГБ — с другой — окончательно убеждают и утверждают людей в этом мировоззрении.

Когда, таким образом, весь духовный мир, вместе с душой, изъяты, в образовавшийся вакуум вставляется другой бог, вернее — целая иерархия, составленная по старым привычным церковным образцам: общество, класс, партия, ЦК и, наконец, вождь-первосвященник, без которого, как выяснилось, все начинает разваливаться. И вот, оказывается, что собственная индивидуальность человека — это, строго говоря, его кишки, мозги и т.п., сознание же его, то есть вся психическая жизнь — это общественное. Личности нет. Поэтому все добродетели и грехи, то есть вся мораль, существует только по отношению к обществу, а пока — по отношению к классу. Аморально делать то, что вредит классу, обществу, морально то, что полезно ему”¹.

2.9.1965 Относительно японского. Действительно, стоит ли за него браться? Тут вопрос стоит о перспективах вообще. Исходить ли из того, что мне уже сорок два и что я приближаюсь к концу, или из того, что я еще могу что-то сделать, что я еще в начале, что, вернее, я способен еще что-то начать. Пожалуй, независимо от того, что в самом деле верно (а решить это точно невозможно, потому что человек — существо открытое), надо жить так, как будто все только начинается. И с этой точки зрения японским заняться стоит.

Отказаться от японского было бы актом безнадежности. На это идти нельзя.

¹ Источник цитат Виталием не указан.

7.9.1965 Вчера звонил Г. и предложил написать для них статью "Проблема восточного деспотизма в советской историографии"¹. Я согласился и, может быть, это даст возможность как-то шире продумать собственную позицию по этому вопросу.

9.9.1965 Я все не могу представить себе пока этой статьи. Ограничиться ли обзором или дать свою концепцию? Включить ли туда свои наблюдения по Древнему Китаю? В какой мере использовать материалы по Древней Греции?

Одно мне ясно: нужно затронуть проблему происхождения деспотии и показать, что точка зрения, говорящая об ее изначальности на Востоке, не выдерживает проверки фактами, устарела. В этом, конечно, сказывается точка зрения современного историка, но только в том смысле, что совершается поворот к политической тематике от надоевшего экономического детерминизма. Но это, конечно, мало. Надо еще что-то. Одно дело — происхождение деспотии, другое — существование деспотии. В чем ее суть? В необеспеченности прав, в отсутствии закона, охраняющего права граждан. Вот это и должно быть магистральной линией статьи. Тут же указать, что, начиная с древних греков, деспотия связывалась с Азией. При этом можно сказать, что понятие деспотии менялось. Это сразу свяжет статью с нашей современностью.

Теперь (как всегда, через тоску, убожество) я наконец выхожу к постановке основных вопросов.

15.9.1965 Я переживаю тяжелый внутренний кризис и не знаю, как из него выйду. Вообще я ничего не говорю Ине, потому что меня всегда останавливает мысль, что теперь, после сказанного, все изменится,

¹ Статья "Проблемы восточной деспотии в работах советских исследователей" была напечатана в журнале "Народы Азии и Африки", №4 за 1966 г.

она на меня будет смотреть иначе, что-то произойдет непоправимое. Но вчера Ина сама об этом заговорила, и я тогда рассказал ей о том, как мне плохо.

Не закрывай глаза на факты. Речь идет о самом важном, о жизнеощущении, о том, что от меня ушла радость, что меня не радует ничто, решительно ничто. Я несу жизнь, как тяжелую ношу обязанности, в то время, как обязанностей у меня по существу очень мало. Дело, очевидно не в них, а в том, что что-то иссякло внутри, какой-то источник веры, надежды, радости, любви. Я погружаюсь в какую-то трясицу, и вырываться из нее становится все труднее.

Один из самых страшных симптомов всего этого — паралич воли. Принять какое-то решение — это мучительный труд, и вот я чуть не часами думаю над пустячными проблемами, пойти ли мне в библиотеку или остаться дома и т.п. И что бы я ни сделал, ничто не приносит мне удовлетворения. И не радует ни перспектива встречи с людьми, ни перспектива послушать музыку, — все безразлично, все неинтересно и только навеивает тоску.

Это, правда, не впервые. Я выходил из этого состояния разными путями: увлекшись работой, женщиной или просто развлекшись чем-то. Но чем дальше, тем все делается хуже и хуже. На это нужно смотреть как на душевное заболевание и бороться любыми средствами, которые кажутся подходящими. Иногда, впрочем, кажется, что здесь какие-то физиологические причины: на меня что-то находит, какая-то полоса, а потом столь же внезапно уходит, и жизнь снова начинает улыбаться.

16.9.1965 Вчера был у Л. вечером, очень весело провел время и почувствовал, как это бремя с меня сошло.

Сегодня солнце, и все, и сегодняшнее, и вчерашнее, кажется поэтому лучше и светлее. Сегодня как будто новый человек. Хочется работать, все снова интересно.

[В записи от 11.10.1965 приведены стихи И. Бродского: "Теперь все чаще чувствую усталость...", "Стансы" ("Ни страны, ни погоста не хочу выбирать..."), "Стансы городу" ("Да не будет дано..."), "Диалог" ("Там он лежит на склоне...")]

21.10.1965 Трудность в том, что ты хочешь написать теоретическую статью, в то же время не спускаясь до цитирования и вульгарного теоретизирования. Таким образом, тебе надо будет самому все заново продумывать, что, конечно, не так-то просто.

Просмотрел [журнал] "Историк-марксист" за годы 1930–1934.

За азиатский способ производства выступает Л. Мадьяр. Цитируя, по-видимому, Маркса, он приводит следующее место: "Многочисленные деспотии, поднимавшиеся и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие".

Вот, товарищи, роль деспотии в восточных странах! И так, деспотия полезна. Не развеять ли этот миф? Не выдвинуть ли такую мысль: проблема азиатского способа производства была прикрыта Сталиным, вместе с тем была ликвидирована и вся проблематика восточного деспотизма.

Интересная мысль: в прямом смысле, в смысле единой диктатуры тирана, деспота, деспотия в советской науке не появлялась. Как будто эта проблема была вообще снята теорией классовой борьбы, как будто личность была уже упразднена окончательно. Об этом тоже надо будет сказать.

30.10.1965 Вот что значит время! Вчера только с удовольствием читал Эйзенштадта¹, а сегодня — с тру-

¹ S.N. Eisenstadt (род. 1923) — современный израильский социолог и историк; автор ряда трудов о тенденциях развития современного общества.

дом себя заставляю. Но это зря. Книга очень умная, полная интересных мыслей, новых постановок. Мне не терпится начать писать, но с этим нетерпением надо бороться. Хотя бы прочитать внимательно такую работу — уже большое достижение, а если проштудировать ее, это даст возможность выйти в ряды теоретиков со своей темой, своим подходом. Теперь заниматься теорией — уже не так скучно и не так бесперспективно.

6.11.1965 Надо начать с термина "восточная деспотия" и отметить, что в Древней Греции он имел совершенно конкретный и ясный смысл. Потом, когда он, вместо обозначения ясного историко-географического явления, распространился на огромную область Земного шара, на 90% грекам неизвестную, и на многие тысячелетия, о которых греки также не имели представления, термин "восточная деспотия" этот смысл утратил. Я думаю, что надо ввести некоторые коррективы в первоначальную схему. И вот какие:

Теория восточной деспотии не бессмысленна и не беспочвенна. В ней глубокий смысл, указывающий на иную роль государства на Востоке. В этом смысле она и нуждалась в развитии, но развитии в несколько иных терминах. Важность указаний Маркса и Энгельса (на восточную деспотию, азиатские особенности и т.д.) в том, что имеются такие особенности политического строя, которые проходят через все формации, то есть они говорили о том, что есть такие социологические моменты, которые не относятся к формациям.

Между тем, в то время, как частности должны были подвергаться проверке на новом конкретном материале, следовало обратить внимание на то, что:

1) Высказывания Маркса и Энгельса говорят о том, что государство на Востоке совпадает с правящим аппаратом. Но если так, оно обладает в своих действиях несравненно большей самостоятельностью, чем западное государство.

2) Форма правления не безразлична. Но если так, то

имеет смысл рассматривать государство не только с точки зрения того, орудием какого класса оно является, но и с точки зрения того, каково это государство.

25.11.1965 Хочется выступить третьего декабря по вопросу о государстве. Вот краткий ход мысли.

Классическая теория государства — государственный аппарат представляет класс. Но здесь мы забываем, что, во-первых, государственный аппарат сам состоит из нескольких слоев. Причем, в общем можно наметить три компонента этого аппарата: а) правитель, б) его окружение, в) бюрократия.

Каждый из этих компонентов тоже не безличное орудие. Это люди. Но когда мы говорим, что они являются орудием определенного класса, мы как бы подразумеваем, что все или почти все их действия определяются именно тем, что нужно этому классу. Но откуда такая уверенность? Кто проделал исследование, доказывающее, что из всего того, что влияет на человека, из всех многочисленных сфер, входящих в его внутренний мир и влияющих друг на друга, именно его социальная позиция оказывает решающее влияние? Такого исследования нет, а следовательно, нет оснований и для утверждения, что государственный аппарат является всегда орудием определенного класса. Примеры: психопатология Цинь Ши-хуана, нежелание Сталина прислушаться к предупреждениям накануне двадцать второго июня.

Надо продумать заключение. О чем писать? В каком духе? Тут есть один момент, который я раньше не продумал. Наша теория говорит о классовости государства и запрещает считать его надклассовым. Витфогель¹, наоборот, говорит об исключительной его надклассо-

¹ К.А. Wittfogel (род. 1896) — историк, специалист по Востоку и проблемам тоталитарных обществ. Автор книги "Oriental despotism" (1957).

ности. Эйзенштадт, споря с ним, снова утверждает его связь с обществом, с различными его слоями. Какую позицию занять мне? Утверждение о том, что государство обязательно является орудием определенного класса, является чушью. Против него надо бороться.

Самое нужное и самое трудное — писать смело.

28.11.1965 Остался дома, не поехал на лыжах, чтобы позаниматься. Думаю, что надо прямо сказать о том, что теория деспотии противоречит классовой теории государства. Отсюда с самого начала — попытки как-то увязать ее с этой классовой теорией, указать, какие классы представлял деспот. Но это жалкие попытки. Если деспотия это единоличное правление — а только в этом смысл термина — то надо признать, что власть обладает значительной долей самостоятельности по отношению к обществу.

Смелее! Смелее!

6.12.1965 Вчера видели то, что происходило на Пушкинской площади¹.

6.1.1966 Снова прочитал свой доклад. Не удовлетворяет он меня теперь. Доклад я делал в мае 1964 года, и его тогда разгромили. Но с тех пор много воды утекло, и теперь можно говорить гораздо смелее. А смелость эта может найти выражение в оценках, которых я тщательно избегаю.

В этой связи уже сейчас можно поставить вопрос совершенно иначе. В советской литературе, давая характеристику конфуцианцам и легистам, отмечают только, что конфуцианцы были идеалистами, а легисты — материалистами. При этом, вырывая из контекста отдельные отрывки, совершенно не касаются главного, что

¹ Первая демонстрация, проведенная правозащитниками в "День советской конституции" 5 декабря, в знак протеста против ее нарушений в СССР.

имеется у этих мыслителей — их политической теории.

7.1.1966 Сегодня пять лет со дня смерти папы. Я думал сегодня, чем объяснить, что жить все же возможно, хотя сначала было невозможно? Тем, что само собой чем-то заполняется зияющая пустота? Что об этой утрате забываешь? Что привыкаешь жить с ней так же, как привыкает жить инвалид без ноги? Что в конце концов жизнь никто не оценивает — чего она стоит — и не решает, принять ее или не принять — это не книга, покупая которую, взвешиваешь, стоит ли; нет, тут слишком большое неравенство между принятием и отказом, принятие происходит само собой, а отказ требует усилий почти нечеловеческих. Так оно и получается, что принимаешь то, что дают, без разбора, независимо от того, стоящий ли это товар.

9.1.1966 Я подумал вчера, что все же в моем подходе к деспотии не все меня удовлетворяет. Дело в том, что я взял по существу западную точку зрения и перенес ее на нашу почву. Новое в моем освещении лишь то, что я снимаю некоторые предрассудки, что я показываю ненаучность генерализации деспотии на весь Восток, попытки красить весь Восток в одну краску. Но то ли это, что сейчас нужно? Ведь можно совсем иначе подойти к этому вопросу. Ведь можно сделать ударение не на том, что деспотия существовала на Востоке не всегда и не везде, а на том, что она существовала. Можно поставить вопрос о том, с чем она связана — с пассивностью ли населения, с религиозными ли какими-то привычками или с возможностью для правителя сконцентрировать все ресурсы страны в своих руках? Ведь можно поставить себе более положительную задачу — не разоблачения каких-то псевдонаучных предрассудков, а выяснения существа вопроса. Об этом надо еще подумать.

Надо попробовать выдвинуть свою классификацию деспотий. Отличие протодеспотии, традиционного общества, вырастающего из догосударственных структур,

от настоящей деспотии, основанной на разрушении традиционного общества. Это важно. И в этом отношении существует полная путаница.

Еще несколько задач.

Равносильна ли деспотия отсутствию демократии? Свойственна ли деспотия Востоку вообще? Существовала ли чистая деспотия?

28.1.1966 Сегодня проверил верстку [своей] статьи о Сыма Цяне. Читал ее с удовольствием — это хорошее исследование.

1.2.1966 Очень важная и интересная мысль: диктатура связана с "впадением в детство". Это впадение в детство G.M. Gilbert (The psychology of dictatorship, New York, 1950) называет authoritarian regressiveness и определяет ее следующим образом:

"Мы говорим об общей тенденции к тому, чтобы избежать социальной ответственности, свойственной взрослому, и подчиниться покровительственному (protective) руководству и авторитету, принять 'указания сверху', чтобы избежать устрашающей обязанности самому принимать решения... Коротко, это означает желание пользоваться плодами юношеской безответственности во взрослой жизни. Эта регрессивная тенденция может проявиться в жизни любого индивидуума и любой культуры и она может проявиться благодаря благоприятствующим социальным моментам в жизни целой нации".

Это очень интересно с точки зрения исследования диктатуры и деспотии вообще. В Китае, несомненно, эта авторитарная регрессия была облегчена конфуцианством, хотя непосредственным толчком к ней был легизм, идеология деспотии.

К Китаю хорошо приложима и другая мысль о патерналистском правительстве:

"Универсальный прототип патерналистски-авторитарной фигуры это, конечно, отец. В авторитарных культурах он более строго авторитарен, чем в демокра-

тических культурах. Именно благодаря этому факту авторитарная модель передается так упрямо от поколения к поколению. Послушание и отсутствие инициативы или критических суждений, прочно укоренившиеся в ребенке, дают постоянную основу для послушания властям и отсутствию независимости в общественном поведении взрослого. Послушание властям в политической жизни становится естественным распространением послушания отцу в доме”.

16.2.1966 Теперь надо, наконец, добить обзор о деспотии.

В принципе, политическая структура обладает определенной спецификой, не сводящейся к социально-экономической специфике. Забвение этого приводит к потрясающим несообразностям. Так, в одну рубрику рабовладельческого государства входят такие противоположности, как античная демократия и деспотия.

Как копнешь эту тематику, видишь, что тут одна нелепость нагромождается на другую, они друг за друга цепляются, и, разоблачив одну, ты оказываешься перед необходимостью заняться следующей.

6.3.1966 Опять ужасное настроение. Чувствую, что связи с людьми рвутся и я остаюсь один. По-настоящему, у меня нет друзей. Таких, с которыми я мог бы поговорить о том, что меня мучает. Иногда кажется, что такие люди есть, к ним влечет какой-то порыв, но потом, когда я мог бы говорить с ними, я снова замолкаю. Для того, чтобы состоялась беседа, нужны такие обстоятельства, которых почти не бывает. Во всяком случае, в нашей суетливой жизни.

11.3.1966 Вчера было партсобрание, на котором было принято постановление о том, чтобы провести еще одно открытое партсобрание о развитии социалистической демократии. Вчерашнее собрание было несомненным успехом: приняли постановление о том, чтобы обратить внимание на гарантии неприкосновенности лич-

ности и ходатайствовать об отмене неравноправного паспортного режима для крестьян и указания национальности в паспорте.

Теперь надо подготовиться к следующему собранию. Хотелось бы выступить по проблеме выборов.

11.4.1966 Мне нужно решить несколько трудных вопросов. Во-первых, нужно принять решение, писать или не писать обзор для "Вопросов истории". Это можно было бы сделать из двух соображений: чтобы познакомиться с работами, печатающимися в этом журнале, и ради денег. Но против здесь то, что уж для "Вопросов истории" наверняка придется писать всякие гадости, и это мне удовольствия не доставит. И деньги тут не помогут. Мне придется стыдиться этой статьи, а этого я не хочу. Так что здесь отрицательное решение принять не так уж трудно.

12.4.1966 Сегодня – новая дилемма. В НАА [журнал "Народы Азии и Африки"] хотят кастрировать мой обзор. Соглашаться ли на это? Не передать ли весь обзор в "Вопросы истории"? Ведь хуже, чем в НАА, пожалуй, уже не будет.

Конечно, тут надо учесть и то, что мне не имеет смысла ссориться с НАА. Ведь это теперь единственный орган, где я могу печататься и где я могу выполнить обязательства в отношении рецензий. В "Вопросах истории" именно этот обзор может пойти, но вообще с этим журналом у меня ничего общего быть не может, потому что выть по-волчьи я не хочу.

Здесь, в конце концов, речь идет о том, что из статьи хотят вычеркнуть единственную содержащуюся там оригинальную мысль, но зато не требуют, чтобы я что-то гнусное вставил. Для меня это обидно, но это еще можно выдержать, потому что статья не будет меня компрометировать. Совсем другое дело, когда вставляют всякую дрянь.

Реванш за это я смогу взять на выступлении на се-

минаре. Там я специально прочитаю то, что в редакции вычеркнуто, ибо это самое интересное.

18.4.1966 Вчера кончил Тейяра¹. Замечательная книга. Он прав, конечно, религия и будущее нераздельны, и связаны они в надежде.

19.4.1966 Надо подумать, чем кончить доклад, чтобы интересно было. Думаю, что надо будет сказать о том, что современное представление о государстве неверно, в этом нас убеждает опыт современности. Все прекрасно знают, что Сталин уничтожил Тухачевского; почему он это сделал? Исходя из общепринятых положений, надо искать здесь какие-то классовые корни. Исходя из политической линии, никаких классовых корней тут не было. Что же верно?

29.4.1966 Я взялся писать историю культуры средневекового Китая. Это огромная задача, не знаю, как с ней справлюсь. Надо пока как можно больше прочитать.

20.5.1966 Вчера был веселый вечер. Сначала смотрели [польский кинофильм] "Летна". Незабываемо. А потом встретил Н. с ее поклонником, в распоряжении которого было что-то вроде бронетранспортера. Я стал потешаться над Н. с ее бронетранспортером, и всем стало весело. Потом все поехали к нам, выпили, послушали Галича², потанцевали, а часов в одиннадцать они двинулись домой.

Веселый был вечер. Почему-то никак не могу оторваться от него в мыслях.

¹ П.Тейяр-де-Шарден, Феномен человека, Москва, 1965.

² А.А. Галич (1919–1977) — поэт, драматург. С начала 60-х годов его истинным призванием стали стихи-песни, распространявшиеся в магнитофонных записях. Эмигрировал в 1974 г.

18.6.1966 Интересная мысль¹: конечно, субъективный Ренессанс в Китае был. Но Ренессанс в Европе состоялся, в Китае — нет. Вот в чем дело.

1. Как объяснить, что после китайского Возрождения не только не последовало того взлета и экспансии, которое характерно для Европы, но, напротив, началась стагнация? Можно ли при этом говорить о Возрождении? В конечном счете, получается, что все это Возрождение сводится к борьбе против буддизма и к некоторым заявлениям о борьбе за возвращение к древности. Эти заявления не повлекли за собой огромного прорыва к чему-то новому, как это имело место в Европе.

2. Не было у Хань Юя никакой борьбы за свободу. Напротив, была борьба за насильственное подавление чуждых учений. Конрад, приводя его слова о необходимости запретить учения и сжечь писания, делает по меньшей мере странный вывод о том, что это программа борьбы в действии, "в рамках идеологической полемики". Ничего себе идеологическая полемика — сжечь книги!

30.6.1966 Читаю А. Гладкова "Встречи с Пастернаком". Замечательные мысли Пастернака:

"Самое сложное — это хаос. Искусство — это преодоление хаоса, как христианство — преодоление доисторических бесконечных массивов времени. Доисторический хаос не знает явления памяти; память — это история, и память — это искусство".

"Всякая стадность — убежище неодаренности. Все равно, на какой платформе, на основе ли нищестанства, марксизма или соловьевского христианства. Тем, кто

¹ При написании рецензии на сборник статей Н.И. Конрада "Запад и Восток", Москва—Ленинград, 1966. Опубликовано в журнале "Вопросы философии" №3 за 1967 г. под названием "Размышления о всемирной истории" (в соавторстве с А.В. Гулыгой).

любит и ищет истину, не может быть не тесно в любых марширующих рядах, куда бы они ни маршировали”.

”Сколько аморальных, жестоких, злобных понятий существовало под прикрытием великого слова ’Революция’”.

8.9.1966 Пишу свою первую книгу¹ — это волнует.

Надо не расплыться на много тем и направлений, а сосредоточиться на основном. На нескольких, конечно, основных темах. Они должны лежать в области политической мысли. И пафос книги должен быть направлен против догматизма. Против того, что конфуцианство, в известной мере демократичное, не сумело все же разработать настоящую демократическую теорию.

Вообще сфера интеллектуальной истории — сфера широких обобщений. Здесь не обойдешься такими филигранными аналитическими работами, как моя последняя статья о Сыма Цяне. Здесь нужно больше смелости и воображения. Я могу стремиться к этому и должен, потому что у меня уклон в другую сторону. Поэтому мне не грозит, летя, оторваться от почвы фактов.

Мне очень нравится стиль Б. Шварца² — размышление, но не фантазия. Размышление о том, что он знает. Не забыть и вот чего. Интерес и увлекательность изложению придают и неожиданные горизонты, сопоставления, экскурсы.

Мой обычный метод — эмпирический. Начинаю обычно с пустого места — в голове нет ничего. Потом, с ознакомлением с материалами, появляются мысли. Поэтому, прежде всего, трудно для меня заранее все рассчитать, составить план. Легче — знакомясь с материалом и исходя из довольно неопределенных критериев, выписывать то, что ”пригодится”, затем, постфактум, составлять список имеющегося и ставить на этом осно-

¹ ”Идеология и культура Древнего Китая”, Москва, 1970.

² В. Schwartz — современный американский китаист.

вании главные проблемы и, исходя из этого, вносить дополнения. Таков мой метод, метод эмпирика. Вопрос — не тратится ли при этом много усилий впустую? Не нахожу данных на него ответить. Как сопоставить результаты затраченных усилий? Тем более, что для историка огромное значение имеют и ассоциации.

29.9.1966 Вчера смотрели "Галилей"¹. Замечательная постановка. Особенно сильное место — ожидание его сотрудников, их надежда, что он не отречется.

3.10.1966 Не написать ли сейчас статью "Два истока политической мысли в Китае"? Надо разобраться во множестве бумаг, написанных у меня на эту тему. Среди всех вариантов надо взять тот, что я в свое время читал И.Д. Левину. Посмотреть, как его завершить и чем дополнить. Сегодня надеюсь написать начало. Все у меня так движется — медленно, мучительно. Сегодня при взгляде на свои бумаги я подумал: вот мои порабитители.

Доклад этот я сделал 13.5.1964. Итак, речь о его напечатании идет лишь через два с половиной года после того, как мысль написать его у меня зародилась. Все же ничто не пропадает даром. Когда я выступал и меня ругали, дело казалось безнадежным. Я писал тогда: "Как будто ясно, что этот путь закрыт" (запись от 16.5.1964). Теперь, по-видимому, этот путь открывается. Китайцы, конечно, помогли своим идиотизмом, но и мы не стоим на месте.

Но как бороться с апатией? Как добраться до живого волнения в душе, до стремления, до страсти?

6.10.1966 Сегодня пошла, наконец, моя статья. Нужно решить теперь, как лучше — переделывать ли все или нет. Пожалуй, стоит переписать, потому что при са-

¹ Пьеса Б. Брехта в постановке Ю. Любимова в "Театре на Таганке".

мой переписке приходят в голову новые мысли и вся работа приобретает более стройный вид. Итак, сдвинулось с мертвой точки!

Все же получается все так интересно, что хоть в "Новый мир" пиши. Посмотрим, может быть и напишу. Вот это в самом деле было бы здорово. И хорошо материально. Только успею ли? Так много всякой работы, а идет все так медленно.

9.10.1966 Чтение "Хунлоумэн"¹ дает очень много. Я вижу "в действии", прямо в ткани человеческих отношений, такие последствия идеологии (может быть, не последствия? причины, особенности?), о которых на основании исследования одной идеологии никогда бы не додумался. Вот, например, удивительная черта действий Бао Юя — бесцеремонность. Не раз описывается, как он входит, прерывая коитус, в том числе своего друга Цзин Чжуна. Вчера мне пришло в голову, что это отсутствие понимания того, что существует нечто интимное, личное, во что нельзя, неприлично вторгаться — что эта черта как-то связана с той принципиальной единообразностью социальной модели, которая характерна для подхода и конфуцианцев, и легистов, в отличие от Аристотеля.

10.10.1966 Вчера проводил Ину в Мозжинку². Был чудесный тихий осенний день, мы великолепно погуляли. Почему-то мне особенно приятно вспоминать двух очаровательных котят, которые резвились перед домом.

11.10.1966 Вчера на работе весь день писал отчет производственной комиссии [месткома]. Он имел не-

¹ Китайский классический роман "Сон в Красном тереме" (XVIII в.). Бао Юй, Цзин Чжун — действующие лица романа.

² Подмосковный поселок, где находились дачи академиков, а также дом отдыха Академии наук СССР.

ожиданный успех, и Гр. Гр. даже предложил мне присудить премию за изящество формы, а Элла воскликнула: "Как роман!". Потом Гр. Гр. заметил, что такой отчет меня, конечно, приковывает к этому креслу. Наплевать. Уже привык, и живу, не очень-то об этом думая.

Я еще успел к началу [фильма] "Затмение"¹. Вещь поразительная, незабываемая по какому-то особому ощущению жизни. Здесь соприкасаешься с великой тайной искусства, ускользающей от точных формулировок.

12.10.1966 Смотрел вчера "Расемон"². Страсть рвут в клочки. Выросли мы из этого воющего стиля.

Вообще человек бы сам должен определять, что ему в данный момент, на данном этапе его развития нужно смотреть и слушать. Жизнь так устроена, что хочешь-не хочешь, приходится принимать то, что сейчас дают. "Расемон", например, смотреть мне было абсолютно ни к чему, но и мода, и кинопрокат диктовали необходимость его посмотреть.

13.10.1966 У меня появились некоторые мысли о конфуцианстве в связи со статьей в "Известиях", где рассказывалось о том, что предколхоза избил мальчика, а тот покончил с собой. Статья кончается морализированием, смысл которого сводится к тому, что поскольку у председателя огромная власть, люди от него зависят во всем, он должен думать о людях, должен быть по отношению к ним внимателен, добр и т.д. Прочитав это, я сразу подумал о том, что это типичное морализирование, обращенное к помещику, в то время, как дело в том, что надо уничтожить крепостное право, уничтожить положение, когда крестьяне у пред-

¹ Фильм итальянского кинорежиссера Микеланджело Антониони.

² Фильм японского кинорежиссера Акира Куросава.

седателя в такой унижительной зависимости.

А сегодня это как-то стало в связь с конфуцианством. Ведь в этом и конфуцианский порок – вместо того, чтобы обеспечивать права человека, обращаться с увещаниями к правителям о том, что надо быть хорошими. И с этим в связи – судьба конфуцианства и Китая.

В Китае сложилось так, что две тотальных модели противостояли друг другу. Одна из них полностью отрицала значение техники управления, законов, институтов, говоря лишь о моральном усовершенствовании. Другая, целиком отрицая мораль, говорила лишь о необходимости организации, техники, слежки. Получалось, что государству, в принципе аморальному, противостоит моральная семья.

Что же произошло потом? Аппарат власти сохранился, но в него была сделана попытка вдохнуть новый дух – дух семейной благожелательности. Чиновники должны были быть нравственными. Об этом говорил уже Конфуций, но в тех условиях, когда он жил, сам аппарат был настолько неразвит, что пренебрежение связанными с ним проблемами было простительно. Не то в эпоху Хань.

Можно ли в самом деле сказать, что конфуцианцы вопросы конкретной политики отдавали на откуп легистам? Вряд ли. Они обращали на это внимание, но их пороком было полное отрицание права человека на борьбу за свое счастье.

Об этом надо будет еще подумать. Отметить, что и конфуцианцы и легисты были выходцами из одного общественного слоя, но нравственные позиции, которые они избирали, были противоположны.

15.10.1966 Du musst wagen¹. Вчера, подумав о перспективе напечатания этой статьи, сравнив ее с тем, что пишется, я пришел к печальным выводам. Но нужно

¹ Нужно рискнуть (нем.).

пытаться, нужно рисковать. Только статья должна быть сугубо научной, она должна внушать к себе серьезное отношение эрудицией. Еще путь к печати — придать статье остроту путем критики китайцев. Показать их вульгаризаторские упражнения во всей красе, конечно, не трудно. Пожалуй, стоит закончить статью именно так.

19.10.1966 Статью кончил 17 октября. Сейчас навожу лоск. Приятное чувство законченного труда, хотя, конечно, пройдет ли это — весьма сомнительно. Вечером идем на [фильм] "Девушка Роз-Мари".

30.10.1966 Были вчера вечером у Л.Е. Пинского¹. Хороший вечер, он был в ударе, шутил, произносил речи, шуточно нападал на присутствующих. Показывал чудесный цикл [художника] Кропивницкого "Лешие, домовые, всякая нечисть" — очень мило. Картины Зверева, Рабина.

3.11.1966 Был в Философской энциклопедии, и большой радостью было узнать, что статья о папе (правда, сокращенная) все же пойдет в следующем томе. Поскольку я ничего от них не получал, я думал, что они ее исключили. Обстановка у них исключительно приятная, и из благодарности к ним и от радости приобрел вечером три тома, уже вышедших, и заказал четвертый. Получил у них заказ на статьи о легистах и неоконфуцианцах, который надо будет довольно спешно выполнить. Вечером был в библиотеке концерт "Мадригала". Теперь нужно срочно готовить статьи для Философской энциклопедии.

4.11.1966 Вчера тоже хороший день. С утра позвонила П. [редактор из "Вопросов истории"] и сказала, что статья ей понравилась, и она просит принести

¹ Л.Е. Пинский (1906–1981) — известный литературовед.

и официально зарегистрировать первый экземпляр. Потом выяснилось, что статья будет поставлена на редколлегию не в декабре, как она сказала мне утром, а в ноябре, ибо был звонок сверху, китайские материалы нужны. Исправления, которые она внесла, совершенно не касались главной мысли статьи, и я легко на них пошел.

25.11.1966 Думал ночью о том, правильно ли искать возможности новой работы. Надо испытать это все же.

29.11.1966 Говорил вечером вчера с С.И., и разговор внушил мне некоторые сомнения в правильности решения о переходе [на другую работу]. Может быть, действительно и был бы свободнее, оставшись, но уж больно осточертело писать рефераты. Не хочется как-то больше работать тут, надоело. Значит, надо переходить. Значит, это правильно.

Вчера же вечером звонил Лера, говорил, что меня собираются пригласить в новый Институт¹. Посмотрим, о чем там идет речь. Пока мне понравилось в ИМЭМО [Институт мировой экономики и международных отношений].

Ура! Статья пойдет в №3 "Вопросов истории". Удивительно, но факт.

30.11.1966 Новости поразительные. С одной стороны, митинг на Бабьем Яру², организованный украинским националистом Дзюбой, на котором выступали Виктор Некрасов³ и какой-то представитель из ФРГ.

¹ Институт Дальнего Востока Академии наук СССР; в действительности Ин-т занимается исследованием Китая. По своему статусу приравнен к секретным учреждениям.

² В 25-ю годовщину расстрела евреев – 29 сентября 1966 г.

³ В.П.Некрасов (1911–1987) – писатель, лауреат Сталинской премии (1947 г.) за книгу "В окопах Сталинграда". Пос-

Там же, на Украине, забаллотировали на съезде писателей Корнейчука и прочую сволочь на общесоюзный съезд писателей, и провели их только каким-то особым постановлением. Между тем, съезд писателей, говорят, отложен, так как отказались приехать гости из-за границы.

С другой стороны, директорам школ было прочитано постановление МК партии относительно Солженицына. Ему, мол, рязанский обком давно запретил всякие встречи, но он изловчился и устроил встречу в Москве. Руководители не проявили в этом отношении достаточной бдительности. Кроме того, отдельное постановление касалось деятельности каких-то учителей, которые оказались "не на высоте". Их список для отстранения от преподавательской деятельности будет передан особо.

2.12.1966 Вчера вечером – встреча с Солженицыным¹. Впечатление потрясающее, не знаю даже от чего больше – от его личности или от того, что он читал. Все время вспоминаю разные отрывки оттуда, их глубину, человечность. А впечатление от личности выразить трудно, но мне кажется сейчас, что это какое-то сочетание внутренней свободы и напряжения, что-то бесконечно радостное и светлое, от чего веселее становится жить. Особенность именно его видна в ритме движений, и в голосе, во всей манере – какая-то alertness, Wachsein², быстрота, интенсивность, радостная бодрость. И интеллект поразительной силы, систематизирующий и организующий.

Когда вспоминаешь его, видишь его перед собой, как-то легче становится жить.

ле многочисленных диссидентских выступлений был вынужден эмигрировать во Францию в 1974 г.

¹ В Ин-те востоковедения Академии наук СССР.

² Alertness (англ.). Wachsein (нем.) – живость, бодрость.

10.12.1966 Вчера отнес документы в Институт философии [Академии наук СССР]. Посмотрим, что получится.

13.12.1966 Опять начал день не с рефератов – черт бы их побрал – а с чтения увлекательной книги Л. Шестова "Умозрение и откровение" (Париж, 1964).

14.12.1966 Сегодня был вечер, на котором мне как участнику битвы под Москвой вручили на память книгу – "Греческая живопись". Сидел в Президиуме.

Дочитал Гинзбург¹. Какой поток жестокости, какое чудовищное время! И это мы все пережили, если не там, в лагерях, то эта угроза чувствовалась каждым, и мрачная тень ложилась на всю жизнь. Мы в той или иной мере все моральные уроды.

22.12.1966 Интересно все же получается, когда через несколько лет приходишь к пересмотру старых материалов, к их использованию. Недавно сдал статью², представляющую лишь чуть-чуть измененную версию доклада, сделанного в мае 1964 года. Если эта статья действительно пойдет в №3 "Вопросов истории" (на это сейчас есть надежда), то это будет несколько напоминать *mutatis mutandis* историю "Ивана Денисовича" – нужен был Двадцать второй съезд, чтобы Солженицын послал его [в редакцию журнала "Новый мир"]. Нужна была нынешняя ситуация, заставшая врасплох официальное болото, чтобы такая работа, исходящая из совершенно новых посылок, вышла в свет. В этом есть что-то чудесное и неожиданное.

3.1.1967 Нерешительность – главная моя язва. Я способен час просидеть, размышляя, что мне делать

¹ Книга Е. Гинзбург "Крутой маршрут" (ч. 1), распространявшаяся в то время в самиздате.

² "Два истока китайской политической мысли".

в течение этого часа. Так и сегодня. Тут иногда помогает водка. Выводит из этого состояния.

Дело человека — принимать решения, и принимать ответственность за свои решения. Уклониться от этого — значит уклониться от того, чтобы быть человеком. А какое это великое искушение — снять с себя страшное бремя, передоверить все другому, "стать солдатом", а значит, "ни в чем не виноватым". Но ты не можешь идти этим путем, он тебе заказан. Ты осужден на то, чтобы быть человеком, осужден на свободу.

5.1.1967 Ездил за статьей в "Вопросы истории". Конечно, целину¹ они оттуда все же выкинули — говорят,

¹ Отрывок, исключенный редакцией из статьи "Два истока китайской политической мысли" ("Вопросы истории", 1967, №3, стр. 70–81):

Одним из основных пунктов экономической программы легистов был подъем целины. В специально посвященной этому вопросу главе "Шан цзюнь шу" говорится, что подъему целины должна быть подчинена вся жизнь страны. Так, например, для подъема целины следует запретить крестьянам продавать зерно, а купцам — покупать его. Если купцы не смогут покупать зерна, то у них не будет особой радости от урожайных лет и больших прибылей в голодные годы. Они станут боязливými, неуверенными, в конце концов пожелают снова стать крестьянами, и значит, "целина обязательно будет поднята".

Припев "целина обязательно будет поднята" многократно повторяется, завершая самые разнообразные и, казалось бы, никак не относящиеся к этому вопросу проекты. Так, например, в главе говорится, что музыка и хорошая одежда не должны проникать в деревню. Тогда крестьяне, работая, не будут обращать внимания на одежду, а отдыхая, не будут слушать музыку. Они не будут, следовательно, развращены и изнежены, будут заняты только работой, и "целина обязательно будет поднята". Далее, следует упразднить все гостиницы на дорогах. Тогда смутьяны, заговорщики и те, кто смущает покой крестьян, не сумеют путешествовать; трактирщики, которые не будут иметь средств к существованию, вынуждены будут стать крестьянами, и "целина обязательно будет поднята".

в тот день, когда в "Правде" была хвалебная статья о целине. Пришлось согласиться и на idiotское окончание заметки о времени¹ — ради хороших отношений с П., что ли. То, что заметка идет под псевдонимом — слабое утешение.

Утром много думал о том, как написать о конфуцианстве, как в каждом разделе нужно найти нерв, который взволновал бы современного интеллигента. Как это совместимо с цензурными требованиями — вот вопрос. Надо, очевидно, исходить из того, что писать следует все, что думаешь, стараясь освободиться от внутреннего редактора и уповая на то, что какая-то часть пройдет, и это уже будет не плохо. Так, как с этой статьей в "Вопросах истории", которая останется интересной, несмотря на все купюры.

8.1.1967 Вчера было отвратительное настроение. Сегодня утром — тоже, все никак не мог решить, идти ли с Иной на лыжах. Потом остался, долго сидел один и думал о своей жизни. Иногда мне это необходимо — побыть в одиночестве. Легче становится потом, многое проясняется.

11.1.1967 Вчера Ю.Я. [Мошковская] прекрасно говорила о папе². Был хороший вечер, и счастливой мыслью было записать это на пленку. Не мог долго заснуть, думая о преемственности поколений и культуры. Образ папы так ясно всплыл, что когда все разошлись, мне странно в какой-то момент стало: "Неужели мы одни?"

¹ Рецензия на статью американского социолога Коринны Гилб под названием "Возвращение к истории" была напечатана в том же номере "Вопросов истории" (с. 200–201) под псевдонимом В.А. Ронов.

² 10 января — день рождения А.И. Рубина. В этот день в семье Рубиных обычно собирались друзья Арона Ильича, вспоминая о нем.

Думал еще об удивительном прошлом воскресенье, когда, оставшись один, я уяснил основные линии своей жизни.

15.1.1967 Завтра на неделю еду на профкурсы в "Правду" – возможность провести неделю на воздухе, походить на лыжах.

Тринадцатого, в "черную пятницу" был веселый капустник, в котором и я участвовал – "В море не обойтись без кормчего". Изумительная переработка "Дубинушки" – "Это песня родных хунвейбинов", "Эй, культурная [революция], сама пойдет". Но моя средневековая культура так и стоит.

5.2.1967 Вчера читали Булгакова ["Мастер и Маргарита"] – хорошо.

Прочитал еще раз предисловие Nivison'a к "Confucianism in action"¹. Замечательная штука. Настоящая феноменология превращения неоконфуцианства в идеологию деспотии. Обязательно надо будет использовать в работе.

6.2.1967 Прекрасное рабочее настроение.

Теперь что я скажу о государстве? Традиционная постановка вопроса, при которой базис (экономика) всегда воспринимается как первичное, а государство выводится из него, безнадежно устарела. Мы должны, наконец, понять, что вообще механическое применение этой схемы завело в тупик нашу историческую науку. Проблема государства связана гораздо теснее с вопросами идеологии, чем с экономикой, при этом линия "причина – следствие" ведет большей частью не от экономики к политике и идеологии, а наоборот.

В связи с этим актуальнейшей проблемой делается исследование взаимодействия идеологии и государст-

¹ "Confucianism in action", edited by D.S. Nivison and A.F. Wright, Stanford University Press, 1959.

ва. Этой проблеме на материале конфуцианства, скажем, в американской науке посвящается очень много внимания. В нашей — исследований почти нет.

7.2.1967 Ужасно почему-то волнует судьба статьи в "Вопросах истории". Давно ничего такого не было. Уж очень будет удивительно — в "Вопросах истории" — и без ссылок на основоположников. И замечательный удар по Вяткину etc. Представляю себе их удивление, когда они увидят это в "Вопросах истории". Нудное бесплодие их писаний станет ясно всем.

16.3.1967 Надо еще продумать выступление сегодня. Начать с того, что я буду говорить как историк. Ни для кого, я думаю, не секрет, что наша историческая наука находится в глубоком кризисе. Исторические книги до последнего времени были написаны так сухо, схематично и неинтересно, в них так назойливо проводилась мысль, что везде все было одинаково, они были настолько лишены всякого нравственного содержания и из них настолько была изгнана личность историка, что их попросту перестали читать. Этому сопутствует и полное падение авторитета истории и историка в обществе. Я вспоминаю здесь свой разговор с артистом МХАТа, который в ответ на мою критику этого театра спросил, кто я, и узнав, что я историк, сказал: "И вы, историк, представитель профессии, которая по заказу превозносила Ивана Грозного, а потом по другому заказу снова его развенчивала, беретесь судить о нас!" Я думаю, что история, лишенная нравственного содержания, становится не только занятием пустым и неинтересным, но и занятием в известной мере вредным. Я опять позволю себе сослаться на внеисторический пример — на кинофильм. В картине "Иду на грозу" [по роману Д. Гранина] приспособленец в ответ на осуждение его действий бросает: "История нас оправдает". Иначе говоря, история стала теорией оправдания подлости.

Это имеет самое непосредственное отношение к ис-

тории культуры. И вот в каком плане. Когда наши историки, касаясь культуры, рассматривали идеологические учения прошлого, то они, как правило, занимались только одним: "Интересы какого класса представлял тот или иной мыслитель, то или иное течение". Всякий иной подход, всякая попытка разобраться в сути этих учений, в нитях, связывающих их с иными учениями, в их нравственном смысле, наконец, рассматривались чуть ли не как идеализм. Создалась весьма любопытная ситуация: мы только и делали, что искали, чьи интересы представляло то, чего мы совершенно не знали. Я возьму пример из близкой мне области. Если вы посмотрите, что написано о конфуцианстве в наших книгах, то вы увидите, что это учение, представлявшее интересы правящего класса и проповедовавшее рабскую покорность власти. В доказательства приводились одна-две затасканные, вырванные из контекста цитатки из "Луньюй" и "Мэн-цзы". А если пойти немного дальше, то мы встретим следующее рассуждение: поскольку конфуцианцы стояли за старое, а против них выступали легисты (фацзя), то, значит, легисты -- представители нового, прогрессивного, и мы их за это будем хвалить. Великолепной иллюстрацией того, к чему приводил подобный подход, является книга Радуль-Затуловского "Распространение конфуцианства в Японии", где чуть ли не воспеваются расправы Цинь Ши-хуана над конфуцианцами и учиненное им уничтожение культуры.

Я считаю огромной заслугой Н.И. Конрада то, что он, порвав с описанной традицией, первый у нас подошел к истории идей с точки зрения того, что же они представляют собой по существу. А по существу древнее конфуцианство было учением гуманистическим, а учение легистов было учением антигуманистическим и человеконенавистническим. И этот факт гораздо интереснее, важнее и значительнее, чем квазифакты, касающиеся того, кто чьи интересы представлял.

19.3.1967 Приехал вчера из Ленинграда. Выступить там так и не удалось: почему-то меня не записали, и я не стал добиваться. Обратное ехать было веселее, чем туда, в одном купе с И.Ф. и С.А. Утром разговорились о проблемах культуры, и С.А. высказался в том плане, что человек самостоятельной ценности не представляет, что важно развитие духа, который может выступать вовсе не в человеческих формах. На нравственность, как сказал он, он плюет. Не для распространения и не для публичности он "признался" в буддизме, на научном же уровне для него вполне достаточно вульгарного материализма. Мы с И.Ф. выступили против, причем я сказал, что подобные теории вполне пригодны для оправдания любых гнусностей.

20.3.1967 В конечном счете борьба с коллективистским утилитаризмом (типа Мо-цзы) вырождается у Чжуан-цзы в эгоистический утилитаризм. В этом смысле очень характерна фраза в конце главы IV: "Люди понимают, как полезно, когда тебя используют, но не понимают, как полезно быть бесполезным".

23.3.1967 Скоро выступаю с докладом. В заключительном слове надо сказать об истории вообще, о том, что живой историческая наука становится лишь тогда, когда историк интерпретирует прошлое с точки зрения своей эпохи. Его добросовестность должна служить порукой тому, что он не фальсифицирует материал, но отнять у историка право выделять в прошлом то, что волнует человека современного, — значит засушить историческую науку.

27.3.1967 Я подумал, что в жизни папы с 1914 года не было такого события: ни одна его статья проблемного порядка, в которой он выражал бы свои мысли, выношенные, родные, не появлялась в большом журна-

ле. Незадолго до смерти он напечатал рецензию на Ахманова¹, но это была всего лишь рецензия, хотя и творческая.

Нужен был всемирно-исторический цикл, чтобы появилась такая статья, как "Два истока".

28.3.1967 Не предложить ли тему: "Проблемы войны и мира в древнекитайской мысли". Еще одна тема: "Понятие закона в древнегреческой и древнекитайской философии".

30.3.1967 Доклад Переломова. Я выступил, и, как говорит Аня Г., хорошо. Но потом и Алаев, и Тверитинова сказали мне, что я был излишне резок, и меня это ужасно огорчило.

Послал вчера Конраду "Вопросы философии" №3 с надписью: "От одного из авторов рецензии, считающего честью для себя быть в главном — в гуманистическом подходе — единомышленником высокочтимого автора книги".

4.4.1967 Получил хорошее письмо от Конрада. Наконец-то он откликнулся. Он пишет: "В вас я вижу одного из тех немногих еще наших китаистов, которые не толкуются на старых заезженных путях старого, наивного (в общенаучных вопросах) русского китаеведения или храбро демонстрируют свое научное невежество на путях нового советского китаеведения. Хорошо, что все-таки несколько человек, работающих по-новому, есть, и вы — один из них".

7.4.1967 Прочитал "Раковый корпус". Настоящая книга; в ней просвечивает грусть сквозь радость и радость сквозь грусть.

Но все не идет со статьей. Как-то не удается сосредото-

¹ А. С. Ахманов (1893–1957) — философ и логик. Ряд работ посвящен Аристотелю.

точиться. Очевидно, стоит попытаться писать свободно. Начать, может быть, с вопроса о том, что то новое, что провозглашается в [современном] Китае, вовсе не ново.

9.4.1967 Опять находит тоска, ничего не нужно. Время проходит зря, почти ничего не успеваю, статья не двигается. А что, если плюнуть на все и делать что нравится? Как хорошо пишет Солженицын, что великое несчастье человека — что он не может в середине жизни, все изменив, освежить себя, избрав новую профессию. Как все надоедает! Хочется чего-то нового. Тут мог бы помочь только отъезд куда-нибудь.

Я как-то намечаю себе путь развития китайской этико-политической мысли:

1) Конфуцианство — нащупывание и определение ценностей.

2) Моизм — замена всех ценностей одной — пользой. Максимум пользы — всеобщая любовь.

3) Легизм — этический утилитаризм. Максимум пользы — польза деспота.

Сравнение с текстом "Шан цзюнь шу" конспекта Вандермерша¹ показало всю его пристрастность. Он берет из 5-й главы, носящей ярко выраженный антинародный характер, одну фразу, и отсюда строит свою концепцию, согласно которой наказания как бы оберегают народ, подобно боли, оберегающей организм. Тем самым фальсифицируется вся мысль Шан Яна, открыто озабоченного тем, как бы ради сильной власти согнуть в бараний рог народ, ликвидировав его силу. Так из жуткой, ничем не прикрытой идеологии тоталитаризма (современный человек не может не чувствовать ее логики и мрачной силы, не может не прозревать здесь мотивов, красной нитью проходящих через тысячелетия истории тоталитаризма) делается сравнительно невинное метафизически-натуралистическое учение.

¹ L. Vandermeersch, La formation du légisme, Paris, 1965.

Из циньской истории, до сих пор отбрасывающей зло вещую тень на Китай, делается "эпизод", и легизм из политического учения, до сих пор по существу оставшегося живой силой, превращается в благожелательный позитивистский натурализм.

Итак, день, начавшийся тоской и ненужностью всего, заканчивается не без пользы.

12.4.1967 Теперь надо вплотную заняться статьей для "Вопросов философии"¹. Сверхзадачей ее должно быть — нанести удар не только по Мао. Надо все же продумать основные повороты. Сначала сказать о том, что маоизм — не марксизм, это доказано хотя бы в статье Федосеева. Но что же это такое, откуда он взялся? Является ли это абсолютно новым явлением или это нечто давно известное?

Известное. Я, кажется, нашел слово — философия казарм. Вот отсюда и надо танцевать. Казарменный коммунизм. Построить все общество по образцу казармы. Итак, нужно решить вот что — во-первых, выводить ли Мао из одного только легизма или привлечь и Мо-цзы; и, во-вторых, настаивать ли на милитаризме, на казарме как на едином принципе, из которого выводить все, или же как на одной из черт, наряду с другими чертами — деспотизм, ненависть к культуре, оболванивание народа. Пожалуй, философия казарм — интереснее. Ведь из казарм можно все остальное вывести без особого труда.

Уже сейчас можно разработать общую концепцию. Она должна сводиться к тому, что теория легизма с самого начала была теорией превращения государства в военный лагерь для того, чтобы завоевать соседние государства. Для этого необходимо было, во-первых, установить военный порядок, полное единоначалие, взаимное доносительство, беспрекословное, механиче-

¹ Статья "Традиции китайской политической мысли" была опубликована в "Вопросах философии" №5, 1970, стр. 90–100.

ское повиновение. Люди должны быть превращены в винтики этой военной машины. Но для того, чтобы они были винтиками, нужно лишить их всего человеческого — нравственности, культуры, семейных привязанностей. Нужно, чтобы среди них не оставалось ничего сильного, самостоятельного, независимого. Отсюда — теория ослабления народа.

Сейчас мне кажется, что писать надо так: прежде всего сказать о том, что это не ново, что идеи, из которых исходит в настоящее время группа Мао, давно уже в Китае известны, что они составляли основной фонд идеологии легизма (фацзя), возникшей в IV в.

Философия казарм, философия милитаризма и безжалостного насилия, и до тонкостей разработанная техника этого насилия. Вот откуда нужно идти. Надо дать цельное изложение легизма, исходя именно из этого, подчеркнув: 1. Антиинтеллектуализм. 2. Ненависть к культуре. 3. Ненависть к нравственности. 4. Оболванивание народа. 5. Деспотизм внутри. 6. Агрессия — вовне.

И еще — бедный народ. Хорошо!

Не забыть отметить, что со времени легистских гонений еще не было в Китае такой открытой борьбы против нравственности.

14.4.1967 Пансионат. Погода великолепная, начало весны. Солнце. Перед глазами, за заливчиком, лес накануне пробуждения.

Все не дает покоя "Раковый корпус". С какой-то щемящей болью вспоминаю конец книги. Зачем он ее так кончил? Может быть, Бела права: это сознательный вызов. Только не такой, как она думала. Это не эротика, а антиэротика, но не в форме каких-то общих проповедей à la Толстой, а в форме личной исповеди и показа через поразительное по глубине и тонкости осмысление интимнейшей ситуации, что жизнь этим не исчерпывается, что она глубже, шире, человечнее.

30.4.1967 Что такое творчество? Откуда оно берет-

ся? Где его импульс? Наверно, нет единого ответа. Но это одна из радостей жизни, самовыражение и самоутверждение.

3.5.1967 Три группы интеллигенции в конце периода Мэйдзи¹ – классификация², в известной мере, пригодная и сейчас.

1. Прогрессивная – политически ориентированная интеллигенция (intelligentsia).

2. Устроенные интеллектуалы (intellectuals), работающие для правительства или обладающие солидным положением в университетах, газетах и других учреждениях и чувствующие больше "ответственности", чем склонности к "критике".

3. Неидеологические интеллектуалы, как деятели культуры, так и техники, рассматривающие свою задачу как художественную и техническую скорее, чем моральную и политическую. Эта группа быстро растет в настоящее время.

Это очень интересная классификация, о которой стоит подумать.

5.5.1967 Явилась интересная мысль в плане изложения легистов. Не подчеркнуть ли их "боевитость", их воинствующий характер, их постоянный упор на борьбу внутри и вовне? Подтекстом будет критика подобной революционности, и поэтому надо сделать такую попытку. Тем более, материал дает возможность для этого.

12.5.1967 Шесть дней в Вильнюсе позади. Как всег-

¹ Мэйдзи (япон.: "просвещенное правление") – официальное название (с 1868 г.) правления японского императора Муцухито (годы правления: 1867–1912).

² В статье: Н. Passin, Modernisation and the Japanese intellectual: some comparative observations, in: "Changing Japanese attitudes toward modernisation", Princeton, 1965.

да после путешествия — масса впечатлений. Но главное — даже не впечатление, а чувство, которое я испытывал сегодня на людных улицах Москвы — радость, что я дома. Мне не нужно думать, как на меня смотрят, я не ощущаю этой проникающей всюду ненависти, я об этом не думаю, я свободен для того, чтобы думать о другом. Не знаю, в какой мере литовцы в самом деле этой ненавистью проникнуты и дышат — во всяком случае это заразительно, и я тоже начал под конец в Вильнюсе чувствовать себя своего рода негром.

1.6.1967 Интересное известие — у Майи [Улановской] говорили с С. [Солженицыным] по еврейскому вопросу, высказали ему все претензии, и он краснел и бледнел, говорил, что писал то, что видел, а потом обещал кое-что исправить. Конечно, в этом плане его роман все же неприятен. В особенности эпизод из детства Ройтмана. В конечном счете читателю внушается мысль, что евреи страдают за дело, не зря, и что в том, чтобы говорить "жид", нет ничего преступного. Если говорить о том, кто страдал за дело, то в известном плане весь русский народ тоже страдал за дело. Что же касается второго, то это вообще ерунда. Мысль о том, что можно оскорблять, вообще слишком убога для такого писателя, и он здесь предаёт тот идеал заступничества за угнетаемых, который сам провозглашает. Снять же с себя ответственность за подобные ходы он не может — роман слишком идейный и слишком ясно в нем выражена позиция автора, прямо провозглашающего — и справедливо — своим кредо субъективность.

Думал не ехать в ГДР, но Ина меня переубедила. Все же будет интересно¹.

¹ В июле-августе 1967 г. Ина и Виталий были в ГДР: Ина ездила на международные летние курсы немецкого языка в Веймаре; Виталий поехал по приглашению своего коллеги из Лейпцига. Последнюю неделю июля они провели в Веймаре вместе.

6.6.1967 Вчера – начало [Шестидневной] войны. Сегодня утром – хорошая сводка. Похоже на 1956 год. Совсем другое настроение.

7.6.1967 Замечательные известия: в Совете Безопасности принято требование о прекращении огня. Занят иорданский Иерусалим.

Сегодня совсем другое настроение, бодрость, веселье.

8.6.1967 Замечательные новости. Полная победа, Сирия согласилась на прекращение огня. Сегодня выступает по радио Насер. Интересно, как будет изворачиваться.

10.6.1967 После потоков дерьма, обрушившихся со страниц газет, почти не мог заниматься. Потом пришел в себя, а сейчас понял, что все это – бомбардировка на словах.

15.6.1967 У меня явилась такая схема происхождения легизма (ср. запись от 9.4):

1. Конфуцианство. Установление ценностей. С другой стороны, попытка изменить существующий порядок постепенным, длительным усилием гуманизации, проходящей под лозунгом возвращения к старому. Хотя и не пассивность, но активность в рамках существующего порядка и имеющихся моральных норм. Гуманизация традиций.

2. Против:

а) Мо-цзы. Основа протеста – активизм, попытка построить все общество, исходя не из определяемых, лишь интуитивно постигаемых нравственных идеалов гуманности и добропорядочности, но из принципа пользы. Движение не за освобождение, но за еще худшее порабощение на основе унифицированного деспотического регулирования и доносов. Выступление против пассивности, фатализма конфуцианцев и, уже на втором плане, против культуры. Хотя утилитарный подход в

принципе исключает культуру, это еще не осознается до конца Мо-цзы, его протест ограничивается порицанием роскоши и таких проявлений культуры верхов, как музыка и ритуал.

б) Даосизм. Вместе с протестом против регулирования со стороны государства радикальное отрицание и морали, и культуры. Если Мо-цзы выступает с позиций революционера, старающегося, одним ударом все изменив, навести железный порядок, то здесь, так сказать, критика справа – против всякого регулирования и против всего человеческого вообще с точки зрения возвращения к дочеловеческой природе. Если моистов конфуцианство не удовлетворяло своей пассивностью, то для даосов оно слишком активно, они проповедуют недеяние. Ряд выступлений против утилитаризма направлен не против конфуцианства, а против моизма.

3. Легизм. В основном – продолжение моизма, но:

а) с поворотом к открытой службе деспоту и к отказу не только от всех моральных принципов (это сделал уже моизм, все заменив пользой), но и от идеи пользы народа. Полная механизация и дегуманизация всей политической структуры, превращение ее в чудовищную машину на службе у безликого идола;

б) с использованием даосского отрицания культуры и морали в контексте ликвидации любой силы и любой идеи, которая могла бы противостоять тоталитарной дисциплине казармы. Ввиду необходимости что-то противопоставить конфуцианству, на потребу берутся ключья даосской теории, перетолковываемые вкривь и вкось.

Дальше вести так: на самом деле легизм вышел не из даосизма; основные понятия его прямым путем заимствованы из моизма, т.е. из учения, даосизму по существу противоположного, хотя и имеющего с ним общее отрицание конфуцианства. Но для того, чтобы это было понятно, необходимо коротко оценить роль конфуцианства в истории политической мысли Древнего Китая.

То, что пишет Вандермерш о Конфуции и конфуци-

анстве, не дает ни малейшего представления о действительной роли этого учения. Идя проторенным путем отождествления конфуцианства с консерватизмом, Вандермерш бездоказательно объявляет конфуцианство идеологией знати, лишившейся средств к существованию, и дает не биографию Конфуция, а шарж на него. Прочитав посвященные этому страницы, читатель может лишь недоумевать, как подобная ничтожная личность и ничтожная теория сыграли такую роль в истории одного из великих и культурных народов. Недоумевает и сам Вандермерш, не нашедший на это лучшего ответа, чем "по недоразумению".

Вряд ли этот ответ может быть принят всерьез. Чтобы оценить роль конфуцианства, надо прежде всего изучить "Лунью" и идеи, которые там содержатся; никакого следа такого изучения, к сожалению, нет в книге. Ибо если бы автор попытался это сделать, он увидел бы, что в "Лунью" имеется прежде всего идея гуманности, что там содержится мораль, на которой держалось китайское общество в течение тысячелетий.

Пожалуй, не стоит этого всего высказывать в этой статье, даже в общей форме. Это должно составить объект специальной работы: "Основные этапы развития политической мысли Древнего Китая". В том, чтобы создать новую концепцию, и состоял смысл рецензирования Вандермерша. А доклад о политической мысли можно впервые прочитать в Лейпциге.

17.6.1967 Поистине, я набрел на собственную концепцию, а это очень ценно. Нигде еще не видел противопоставления в этом плане даосизма и моизма. И раньше самому в голову не приходило. Очень интересно было бы все это сейчас развить в статью. Попробуем. Моя сила — в анализе. С другой стороны, исторический синтез, не опирающийся на твердый базис анализа, не имеет особой ценности. Он тогда тяготеет к социологическому доктринерству.

22.6.1967 -Писать с годами становится все трудней.

Зато появляются мысли, убеждения, вырабатывается свой подход — то, чего раньше так не хватало. Именно этот свой подход и делает "сформировавшегося ученого". По существу таковым я могу считать себя с 1963 года, когда я разработал свою теорию конфуцианства и легизма. Но теперь надо эту теорию развить и изложить в достаточно развернутом и убедительном виде.

Из "Мыслей" [А. Терц, "Мысли врасплох"]:

"Надо бы умирать так, чтобы крикнуть (шепнуть) перед смертью: 'Ура! Мы отплываем!'"

"Иногда (очень редко) умершие снятся во сне совсем по-другому, чем снятся обыкновенные люди. То есть они говорят и выглядят как живые, но это не сон о прошлой их жизни с нами, а сон о теперешней встрече с ними, вдруг ожившими и пришедшими к нам повидаться. Быть может, они лишь временно приняли прежний облик для того, чтобы нам было легче их узнать и понять.

При виде их мы испытываем радостное удивление и задыхаемся во сне от счастливых слез, от сознания, что все было неправдой, и они живы. Мы нисколько не забываем, что перед нами умершие, но их появление происходит как бы в нарушение смерти. Мы страшно волнуемся и ликуем ("не умер! не умерла!") и не хотим ничего другого, как только жить вместе с ними и никогда не расставаться, и обещаем им что-то, и просим, и договариваемся или пытаемся о чем-то с ними договориться. А они — тоже счастливые в эту минуту — почему-то очень спокойны и совсем не волнуются, а только стараются ласково нас успокоить, точно знают больше нашего, точно они сильнее и терпеливее нас. И улыбаются, и кивают на наши жаркие речи.

Но вот свидание кончено, и они уходят незаметно, не желая печалить нас проводами и прощанием, уходят, оставляя нас спящими в каком-то глубоком и блаженном, детском сне. Когда же мы просыпаемся, на душе у нас тихо и покойно, и сновидение это — в отличие от других, обычных снов — прочно откладывается, укореняется в памяти. От него остается воспоминание, как

от действительной встречи. Словно вечность снизошла и из хорошего к нам отношения отпустила на побывку своих домочадцев. Все, все вплоть до старенького, поношенного пальто! Чтобы мы не скучали, чтобы мы не забывали, чтобы нас обнадежить до следующего раза.

Нет сомнений, за время сна они нам успели что-то внушить. Поэтому, проснувшись, мы не маемся, не терзаемся, не рвемся бесполезно вслед за улетевшими образами. Одно лишь грустно: мы не помним в точности, о чем мы с ними договорились, о чем условились, да и смогли ли мы с ними обо всем договориться?"

"Окружающая природа — лес, горы, небо — наиболее доступная нам, зримая форма вечности, ее вещественная имитация, подобие, олицетворение. Сама протяженность природы во времени и пространстве, ее длительность, величина по сравнению с нашим телом внушает мысли о вечном и пробуждает в человеке недоверие к своему ограниченному существованию. А это сочетание в одном каком-нибудь дереве старости и молодости, сложности и простоты, движения и покоя, мудрости и наивности? А эта неизменная смена времен года, ночи и дня, которые, повторяясь, каждый раз открывают новое? И безразличие природы к добру и злу, безразличие от уверенности, что в конце концов все оказывается добром. Эта всеполнота бытия, предведомляющая о вечности, позволяет нам, за неимением другого выхода, бежать на природу так же, как когда-то уходили в монастыри".

30.6.1967 Замечательная статья С. Франка "Этика нигилизма", много дающая для понимания и оценки моизма ("Вехи", с. 146—151).

Морализм: "Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые".

Это, пожалуй, к моизму не относится. Его морализм

еще более примитивен. Он, по существу, меньше морализм, чем нигилизм.

”Вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет... Вся писаревщина, это буйное восстание против эстетики, было не просто единичным эпизодом нашего духовного развития, а скорее лишь выпуклым стеклом, которое собрало в одну яркую точку лучи варварского иконоборства, неизменно горящие в интеллигентском сознании. Эстетика есть ненужная и опасная роскошь, искусство допустимо лишь как внешняя форма для нравственной проповеди — т.е. допустимо именно не чистое искусство, а его тенденциозное искажение — таково верование, которым в течение долгих десятилетий было преисполнено наше прогрессивное общественное мнение”.

Вот где корни теперешнего. Интересно, мне пришло на ум, что даже в письме Солженицына в Союз Советских писателей отсутствует аргументация недопустимости вмешательства цензуры в святая святых искусства. По существу его аргументация исходит из просвещенного подхода к общественной функции искусства, а не из утверждения его автономии.

11.7.1967 В общем, двигаюсь медленно в плане работы о Мо-цзы, потому что отвлекает [кино] фестиваль.

Вечер. Вернулся из Узкого, от А.И. [Неусыхина]¹. По дороге пришли некоторые мысли по поводу Конфуция. Надо провести мысль о том, что Конфуций работал над определением понятий впервые в истории китайской мысли. Он предпринял первую попытку философствования. И в этом смысле он очень напоминает Сократа.

Надо еще отметить, что Конфуций означал новый этап в том смысле, что выделил челове-

¹ А.И. Неусыхин (1898–1969) — видный историк-медиевист, друг А.И. Рубина.

ка из природы. В этом его программа по сравнению с мифологическим мышлением, в котором человек не проводил различия между собой и природой, которая для него ничем не отличалась от человека.

15.7.1967 Смотрел "Мужчина и женщина"¹. Прекрасная картина. Кульминация – сцена в постели – наверно, в нашем варианте будет выпущена. Современный happy end – не соединение двух невинных существ в неизведанной, но как бы гарантированной радости брака. Нет, это соединение двух сексуально опытных людей в счастливом мгновении, сулящем, наверно, брак; но брак, который утверждается здесь всей предысторией героев, в основном повествовании даже не упоминается. Он где-то на фоне, в неясной перспективе, а в центре – история знакомства, встречи, неудачного сексуального слияния и нового обретения друг друга.

16.7.1967 Заплатил пошлину, и теперь у меня паспорт, можно сказать, в кармане. Очень интересно, скоро ли мне захочется из Германии домой, скоро ли почувствую Heimweh². Последнее время, когда я бывал в Ленинграде, я даже там это ощущал. Что же в Германии? Чужая страна, чужие люди, чужие нравы. Ну что ж, посмотрим.

24.7.1967 Weimar. Приехал вчера утром. В поезде познакомился с француженкой и с негром, потом долго говорил с полячками, вышедшими в Варшаве.

Ехать было тяжело. Засыпал, просыпался, снова засыпал, а когда начался рассвет, стал смотреть в окно на уютные пейзажи Тюрингии. Впервые страна понравилась мне ее небольшими масштабами – маленькими домами, мостами, речушками, холмами.

¹ Фильм французского кинорежиссера Клода Лелюша.

² Тоска по родине (нем.).

Веймар очаровывает. Удивительно приятный город, в котором просвечивает какая-то тихая и непритязательная радость, умение устроить свою жизнь и любовь к тому, чтобы ее устраивать — нечто привлекательное и чуждое русскому характеру. Но более всего меня поразило то, что я встретил здесь, в Ringhotel'e. Это приветливое отношение хозяев. Они предоставили мне возможность жить в одной комнате с Иной и заявили, что, так как за постель уже все равно уплачено, она, по-видимому, обойдется мне бесплатно. Проклятые капиталисты, они думают не о том, как бы с меня побольше взять, а как бы дать мне возможность сберечь побольше денег. Вопрос паспорта решен был фрау Штейн столь же быстро и просто — ну что вы, какой может быть разговор о полицейском разрешении для туриста, приехавшего из Советского Союза, и зачем ему [для этого ехать в] Лейпциг? Завтра я позвоню по телефону и все устрою, вам даже не придется, наверно, ходить в полицию.

Я понял, что для этих людей смысл их работы не только в том, чтобы наживать деньги, но и в том, чтобы помогать людям. Это поистине немало и представляет разительный контраст с тем, что встречается у нас, где обслуживающий смотрит на обслуживаемого как на врага №1 и где в подобных местах встречаешь, как правило, либо официальное безразличие, либо откровенную грубость и враждебность. Смысла в своей работе подобные люди вообще не видят, они выполняют ее рабски, из-под палки, в той или иной форме они ее ненавидят. А этот официант? Интеллигентное, сообразительное лицо, достоинство во всем. Вечером он явился в отель, к своим знакомым, с двумя близнецами и женой.

И эти впечатления и мысли занимали меня даже больше, чем те памятники, которые мы вчера посетили (два дома Гете, могилы Гете и Шиллера). Хорошо ли это? Может быть и не так плохо. В "Мужчине и женщине" вспоминается чье-то изречение о том, что если бы ему было нужно спасти при пожаре кошку или карти-

ну Рембрандта, он спас бы кошку, ибо жизнь выше искусства.

Утром бродил по городу, заходил в канцелярский магазин, где очень приятно побеседовал с хозяином, который спросил меня, откуда я, и довольно быстро отгадал Россию. Удивительно приятно все же говорить с этими пожилыми немцами. Вчера с нами разговори-лась во дворике гетевского дома старушка, удивительно умно говорившая о том, почему Гете полюбил Христиану — у нее была простота, она была дитя природы, а он отдыхал с нею. Старушка восхищалась нашей любовью к немецкой литературе и русскими вообще. Популярность русских за границей просто удивительна — ведь не может же быть, чтобы и поляки, и француженка, и эта немка просто нам льстили.

Я чувствую, что ко мне здесь относятся вообще хорошо. Сегодня за ужином пожилая дама, нас обслуживавшая, принесла мне порцию какой-то чешки, отказавшейся ужинать. Грузинка приветствовала меня по-русски, воскликнув, что все завидуют Ине. Я чувствую себя своего рода "сыном полка" — "мужем курсов". Может быть, это, помимо прочего, импонирует немецкому Familiensinn¹ ?

25.7.1967 Вчера были в Эрфурте — удивительная готика. Около часа сидели в монастыре августинцев. Это было удивительно хорошо. Мы были совершенно одни в огромной базилике, отдыхали, глядя на старинные витражи. Потом пошли в Kreuzgang², где находится семинария евангелистов, встретили там веселых ребят — семинаристов, которые дали нам ключ от кельи Лютера — все же удивительное доверие — которую мы осмотрели, как и чудесную евангелическую Hospiz³ —

¹ Привязанность к семье (нем.).

² Внутренний двор в протестантских и католических церк-вах (нем.).

³ Монастырское подворье, гостиница для паломников (нем.).

какое-то радостное место, где под деревянной галереей во внутреннем дворике стояли столики и молодой человек беседовал о чем-то с девушкой. Там же — интересная выставка христианских плакатов; некоторые были поразительно интересны. Например, Israel — история взаимоотношений евреев с немцами, плакат с цитатами из Франциска Ассизского, удивительно глубокими и тонкими. Тут это все же разрешается.

Очень приятна была обратная дорога. Ехали не через Арнштадт — это путь туда, — а через Бад Берка, чудесными лесными дорогами. В автобусе все развеселились, а поляки так под конец устроили даже танцы в хвосте автобуса. Приятная атмосфера международных курсов сказалась.

30.7.1967 Позади несколько тяжелых дней. Поездка в Эйзенах двадцать восьмого была мучительна. Туда я доехал хорошо, но уже в начале одиннадцатого, когда я был там, началась ужасная жара. Пошел в Bachhaus¹, приятный домик с музеем музыкальных инструментов, а оттуда пошли пешком в Вартбург. Сам Вартбург, конечно, красиво расположен, но разочаровал меня в том смысле, что стены старинных залов, восстановленных в XIX в., украшены удивительно безвкусными росписями в каком-то тяжелом, неприятном стиле.

Не желая задерживать Ину, у которой предстоял Abschiedsfeier² я вернулся в отель на такси и совершенно почти без сил явился на Feier, но там пришел в себя и даже, к собственному удивлению, довольно много танцевал. Для Ины в честь ее дня рождения был даже специальный танец, который мы протанцевали вместе. Но утром вчерашнего дня я никуда не годился. Сказались усталость и опьянение прошедшего дня. Только постепенно пришел в себя. Особенно плохо мне

¹ Дом-музей Баха.

² Прощальный вечер (нем.).

делалось при виде вещей, разбросанных по всему номеру. Но собирала их Ина, купили утром еще один чемодан и таким образом решили проблему вместительности для многочисленных вещей.

Сегодня проводил Ину, и мне грустно и одиноко.

31.7.1967 [Лейпциг].

Вчера смотрел Völkerschlachtdenkmal¹. Более уродливого здания и представить себе невозможно. Нечто черное, мрачное и унылое. Внутри — огромные фигуры, весящие тонны, десятки тонн, выступающие мускулы, сделанные с анатомической точностью. Все безвкусно до предела. Но вид сверху изумительный.

Что сегодня было самое интересное? Пожалуй, Thomaskirche. Изумительное, радостное творение. А когда я увидел плиту с могилой Баха и вспомнил, сколько радости снизошло от этого человека прямо ко мне через два столетия, слезы выступили у меня на глазах. На могиле лежали свежие цветы.

На улице меня остановили девушки, спросившие дорогу в тех же выражениях, как делаю я. В ответ я спросил у них, откуда они, оказалось, из Польши, и мы тогда перешли на русский. Забавно, когда тебя принимают за немца.

Думал снова о немцах. Почему-то никогда они не считались особенно вежливым народом, а теперь вот и англичане удивляются их вежливости. Пожалуй, более приятного народа я не видел вообще.

2.8.1967 Вчера — автобусная поездка. Увидел, наконец, знаменитые Autobahn'ы², нечто, в самом деле производящее впечатление. Дороги великолепные.

¹ "Памятник битвы народов" (нем.) — битвы союзных войск против Наполеона 16–19 октября под Лейпцигом. Памятник был воздвигнут в 1913 г. в честь столетия битвы.

² Автостреды (нем.).

Drachenhohle¹ оказалась ерундой — открытая в 1928 году пещера, в которой, чтобы пощекотать нервы, сделано освещение, несколько имитирующее дракона. Впрочем, я никогда в пещерах вообще не бывал, и поэтому посмотреть на все эти геологические чудеса было тоже небезынтересно. На обратном пути проезжали мимо огромных химических заводов, окутывавших зловонным туманом всю местность вокруг.

Со мной в дороге приключилось комическое несчастье. Когда автобус был на стоянке в Шлейце, я вышел и при этом зацепился за дверь, не полностью открытую, вернее, за ручку, и оторвал все пуговицы от своей новой немецкой рубашки. Пришлось пристегивать ее английскими булавками. Вид у меня сделался при этом несколько подозрительный, что еще уменьшало мои шансы на контакты. Их было так-таки мало-вато. Я, правда, все время чувствовал благожелательное отношение, в особенности со стороны шофера, который дружески подмигивал мне и т.д., но в разговор удалось вступить только во время обеда, и соседи были мало разговорчивы и неинтеллигентны. Правда, несмотря на это, меня поразило, что женщина, ехавшая со своей примерно пятнадцатилетней дочкой, постоянно очень мило восклицавшей "Mutti!", — сама эта женщина была похожа по нашим масштабам на учительницу — оказалась простой работницей.

И несколько общих наблюдений над немцами. Familiensinn у них развит больше, чем у нас. В автобусе ехала эта пара и, кроме того, мальчик со старушкой — очевидно, со своей бабушкой. Уж совсем редкое явление у нас. Вообще тут гораздо чаще видишь родителей с детьми, часто это отец с целым выводком, с тремя-четырьмя. Приятное зрелище.

И еще одно. У них больше человеческих контактов. С удовольствием смотрел, как старые женщины разговаривают с официантом. И это у них обычно.

¹ "Пещера драконов" (нем.).

16.8.1967 Вернулся из Потсдама раньше, чем думал. Видел там чудесную вывеску: "Suchen dringend Raumpflegerin (Роланд мне объяснял специально это слово, означающее вежливый термин для домработницы). Angenehme Arbeit, nette Kollegen!"¹. На обратном пути заметил, что перед этой занятной вывеской собралось человек пять. Тут им не хватило чувства юмора. Наши давно бы хохотали.

Во время Stadtrundfahrt² [в Берлине] познакомился с милейшей польской четой — Анджеем и Кристиной, которые сразу обратили на себя мое внимание тем, что вели себя не как немцы — оживленно переговаривались на своем певучем языке, шутили и т.д. Когда в Pergamon-Museum я оказался с ним рядом у модели города, я спросил его по-русски, поляк ли он, на что на чистом русском языке он ответил, что да.

После окончания Stadtrundfahrt мы с Кристиной пошли в Tierpark³, а Анджей поехал в Werkstatt⁴ за мотороллером. Я получил еще особое удовольствие от того, что Кристина называла животных по-польски (страус — струсь, носорог — носорожец, лиса — лисек и т.д.), что было очень мило. Потом, встретившись с Анджеем, вместе пообедали в Gaststätte⁵, хорошо поболтали — я получил передышку от немецкой тяжеловесности — мы понимали друг друга с полуслова, иногда Анджей переводил жене, но большей частью и она понимала. Потом они сказали, что первый раз видят русского, который так гуляет один, рассказали, что в Болгарии русские у них все время спрашивали, где их группа, рассказали, как в вагоне в Польше поляки хохотали

¹ "Срочно требуется уборщица. Приятная работа, симпатичные коллеги!" (нем.).

² Экскурсия по городу (нем.).

³ Зоопарк (нем.).

⁴ Мастерская (нем.).

⁵ Кафе, закусочная (нем.).

при виде русских, которые слушали, как им вслух читают "Правду".

20.8.1967 Утром в Москве. В поезде — первый случай антисемитизма, исходивший от особы русского происхождения, живущей в Польше. Со времени войны она была в Германии, и, рассказывая об этом, сказала, что тогда уже решила, что никогда не выйдет замуж ни за немца, ни за жида (еврея — поправились она; жид, впрочем, был ею употреблен в польском, т.е. не обидном смысле). После этого она стала рассказывать, как евреи ненавидят русских, что было прервано мной, когда я сказал, что я еврей, но никаких дурных чувств к русским не испытываю. Она, разумеется, тут же повернулась на 180°, сказала, что это относится не к русским, а к польским евреям, среди русских евреев есть много друзей ее мамы, но и среди польских евреев есть замечательные поляки и т.д. Остаток пути, после того, как вышли минчане (оказавшиеся прекрасными ребятами, хотя и политическими тупыми), я мало говорил, а утром долго болтал с немкой, ехавшей со всей семьей в гости к своей сестре в Москву. Она должна была бы быть весьма чуждым мне типом, но держалась так приятно, весело и естественно, что говорить с ней составляло истинное удовольствие. Так мои впечатления о немцах все время колебались — от хороших к худшим, а потом вновь к лучшим. В общем поездка была исключительной по богатству впечатлений.

30.8.1967 Сегодня утром позвонил на работу и выяснил, что мне пришло приглашение из Новосибирска прочитать там лекции о китайской политической мысли. Замечательно! Одно из последствий, совершенно неожиданное, моей статьи в "Вопросах истории".

Виделся в библиотеке с И. — сведения о предполагающемся решении еврейского вопроса. Что-то не верится.

Придумал название для книги: "Культура и политика в идеологии Древнего Китая".

К. предлагает перейти к нему на кафедру философии. Не знаю, серьезно ли это, да и все равно. Надо с А.Г. посоветоваться, отвечать ли ему вообще или считать это пьяной или полупьяной блажью. Разговор был смешной: когда я, а потом Лена, спрашивали его, что же собственно преподавать: историю философии, истмат, диамат, он отвечал: "Да не все ли равно". Обещал три свободных дня, "золото, перлы и радость сулил", обещал, что я буду преподавать у девочек и т.д., сначала буду получать двести сорок рублей, потом что-то вроде трехсот рублей. Но, конечно, об этом глупо думать. Надо, как правильно сказала Лена, слишком себя не уважать, чтобы соглашаться на такое предложение. Говорят, ему очень нужны люди. Когда я ему (Владимиру Алексеевичу) сказал, что я еврей и беспартийный, он ответил, что второе имеет большее значение, чем первое, первое он берет на себя, потому что у них евреев нет, "единственная антисемитская кафедра".

1.9.1967 А.Г. предложил сформулировать просто "Идеология и культура Древнего Китая". Это, конечно, название, под которым может скрываться все что угодно, но я думаю в центр поставить проблему культуры. Это мне очень с руки и потому, что с этой точки зрения удобно выступить в защиту конфуцианства. Но надо очень тщательно продумать формулировки.

Ты должен для своего душевного здоровья знать, что в последние годы одержал много побед. Ведь в какое-то время тебе казалось, что все кончено, ты идешь вниз, не в силах остановиться, удержаться, выпрямиться. Но как-то незаметно все же удалось не только удержаться, но и силой убеждения, интереса к делу, добросовестности, честности и идейности выйти в первые ряды. То, что мне удалось написать неплохую работу по китайской культуре средневековья, перевести на английский язык и издать "Цзы Чаня"; напеча-

тать последнюю статью в "Вопросах истории", прочитать на немецком доклад в Лейпциге — несомненные достижения. В трудные часы об этом надо помнить.

Следующими этапами должны быть: 1. Книжка. 2. Лекции в Новосибирске. 3. Докторская.

3.9.1967 Вчера явилась интересная мысль об отличии понятия нового в humaniora¹ от понятия нового в технике. Это — к интерпретации Конфуция и Мо-цзы. Как и ряд других вопросов, этот вопрос не утратил интереса и до сих пор. Вот при чтении лекций в Новосибирске надо будет подчеркивать эти моменты, чтобы убедить их в том, что это не мертвое занятие. Впрочем, своим приглашением они показали, что сами это понимают.

8.9.1967 Сегодня появилась мысль о том, что очень интересно было бы проанализировать средства и цели в китайской политической мысли. В "Луньюй" [есть] текст о том, что Конфуций против убийства вообще, независимо от цели, ради которой убийство совершается. У Мо-цзы — отпадает моральный подход, средства выдвигаются на первый план, но как чистая механика. Моральная неразборчивость совмещается с вниманием к механическим деталям. Может быть всю главу о Мо-цзы озаглавить: "Человек-робот" или "Наступление человека-машины".

Еще важная мысль: с Мо-цзы в китайской мысли начинается традиция максимализма. Конфуцианскому чжун [середина] противопоставляются всякого рода крайности, вплоть до самых невероятных — таких, например, как требование упразднить искусство или ввести тоталитарную немислимую систему шан тун [унификация].

Учение конфуцианцев о чжун должно быть поставле-

¹ Гуманитарные науки (лат.).

но в связи с их представлениями о множественности ценностей и, в связи с этим, о гармонии. Гуманизм несовместим с экстремизмом. Лишь с тех пор, как представление о личности было выхолощено Мо-цзы, стал возможен максимализм и экстремизм. Личность в представлении конфуцианцев нечто не только потенциально значимое (в соотношении с идеалом), но и актуально ценное, ибо она способна к совершенствованию.

Стоит обратить внимание на то, что представление конфуцианцев о достойном обществе еще и в том плане связано с семьей, что исключает закон. Отсюда представление о законе как о чем-то противоположном семье с ее традицией, культурой, моралью. Вторжение аппарата, машины, которой придал экстремистский характер Мо-цзы, продолжало свой опустошительный марш уже в виде закона легистов.

Чем больше думаю о Мо-цзы, тем больше убеждаюсь, что именно от него в самом деле пошли легисты. Не от даосов с их пассивностью, а от его активизма. Поразительный урок подготовки революционером почвы для деспота.

9.9.1967 Читал вечером Масперо [La Chine antique, Paris, 1965]. Очень занятно было встретить восторженное отношение к Мо-цзы. Теперь я вижу, что нужно сосредоточиться еще на одном: показать, что "учение о всеобщей любви" — вовсе не единственное и отнюдь не главное, что есть в Мо-цзы. Очень интересно проанализировать его сравнение государства с машиной. Не поставить ли во главу угла то, что Мо-цзы первый понял, что государство — это машина? По существу и до сих пор это значение играет огромную роль — ср. государственный аппарат. Это открытие заворожило Мо-цзы.

12.9.1967 Интересная история с И.Э., который дал пощечину парню, говорившему, что евреев надо бить по морде. Это было в метро, все всполошились, но ког-

да И.Э. сказал, что ударил его за антисемитизм, все успокоились, а парень вышел на следующей остановке.

13.9.1967 Линия моего исследования все время держится на границе [дозволенного], только что появившейся. От судьбы этой границы все и зависит. Я делаю ставку на прочность этой границы, на то, что она стабильна. Я вижу эту тенденцию, хотя понимаю, что существуют и другие. Так моя судьба связана еще и здесь с судьбой мира. Решительным прорывом было напечатание статьи в "Вопросах истории". Теперь можно сказать, что это направление существует, оно имеет право на голос наряду с другими направлениями.

14.9.1967 Как и предыдущая тетрадь [дневника], эта начинается в знаменательный день. Та — в день доклада, совпавший с выходом статьи, эта — в 44-ю годовщину. Уж не столь веселая годовщина.

Слушая удивительный Девятый квартет Шуберта, подумал о том, как много значит интерпретация. Что ты прочтешь в том, что написано было когда-то — зависит почти исключительно от тебя, от твоего внутреннего мира. Это может быть хорошо или плохо, интересно или скучно в зависимости от того, что у тебя внутри. Это и в музыке, и в чтении древних классиков, в изложении их — во всем.

15.9.1967 Хорошо поработал сегодня. Метод свободного писания действует хорошо. По существу мне помогло высказывание Пинского: "Все равно, с чего начать". Действительно, когда есть что сказать, получается так, что стоит начать, как одно тянет другое. На многое натыкаешься уже в ходе самого писания.

17.9.1967 В работе — спасение от пустоты, от тоски и безрадостности. И как-то на этот раз я работаю с удовольствием. Дело, наверно, в том, что я избрал новый метод — свободного писания, почти без плана. В

этом была разгадка — та адекватная форма, которая нужна была. Конечно, остается второй этап — распределение написанного в логическую схему, но это все гораздо легче.

Пришла в голову интересная тема: "Человеческая личность в древнекитайской мысли". Здесь можно будет противопоставить конфуцианцев даосам и моистам.

20.9.1967 За ассимиляцию или против? Подумал, что ассимилированное современное еврейство гораздо хуже относится к ассимиляции, чем неассимилированное дореволюционное. Принципиальных сторонников ассимиляции просто нет среди сколько-нибудь мыслящих людей. Дело, очевидно, в том, что иллюзии, с этим (как и со многим другим) связывавшиеся, рассеялись. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов и факта потрясающего успеха сионизма. Все это вместе способствовало повороту общественного мнения.

27.9.1967 Все же пока никак не могу сформулировать основного подхода к учению Конфуция. Чувствую, что мне еще не хватает теоретической глубины. Посмотреть, может быть, будут интересные параллели в [книге С. Levi-Strauss] "La pensée sauvage". Может быть, там можно найти подтверждение мысли, что традиционализм был общей чертой всей эпохи, но заслугой Конфуция было то, что он, этот традиционализм облагородив, превратил мифологическое мировоззрение в этическое.

Что основное? Связь традиции с нравственностью, культурой. Прежде всего этика цзюньцзы. С этого и надо начать. Идеал гармоничной личности, противоречия этого идеала.

Подумать о том, что возникновение определенного идеала уже говорит об известной высоте нравственного сознания.

28.9.1967 Замечание М. Вебера¹ о конфуцианстве необычайно хорошо.

”Конфуцианский идеал всесторонне развитого человека делал крайне непривлекательной всякую дифференциацию общественной деятельности. Таким образом, протестантская идеология благоприятствовала прогрессирующему разделению труда, а конфуцианская — препятствовала ему”.

Эта цитата из М. Вебера дает мне ту теоретическую опору, которой мне не хватало. Вернее, один из концептуальных моментов. По существу, М. Вебер сформулировал недостатки той модели китайской идеологии, которая казалась единственной в то время, когда он писал. Поэтому так поразили меня его замечания именно в то время, как я обрабатываю конфуцианство — они очень точно бьют в эту цель. Но он совершенно не знал того, что это вовсе не единственная китайская традиция. В том плане, в котором работаю я, это и есть важнейший момент. Уже в древности, начиная с Моцзы, появляются те тенденции, которые он приписывает Европе. Вопрос, сформулированный им: ”Почему тот подход к миру, который был характерен для Китая, не мог привести к индустриальной цивилизации?” — должен быть дополнен вопросом: ”Почему другой подход к миру, наметившийся уже в древности в Китае, не мог пробить себе дорогу?” Чтобы все исследование приобрело глубину и значительность, нужно дополнить его сравнением с европейской древностью. Как я понимаю, М. Вебер постоянно сравнивает Китай с пуританством. Возможен и совершенно другой подход: сравнение с Древней Грецией и с Древним Римом. Здесь, как мне кажется, очень интересным может быть сравнение с римским правом.

2.10.1967 С Институтом Дальнего Востока ничего не получилось. Вполне естественно. Может быть и к

¹ Max Weber (1864–1920) — крупный немецкий социолог.

лучшему. Ставку надо делать теперь на докторскую. И только на нее.

Собственно, для меня интерес работы в углубленном рассмотрении концепций, в их вдумчивой интерпретации. Только тогда меня начинает это увлекать.

Все же во многом холодный рационализм пуритан напоминает рационализм легистов. Но если последний был неосвящен и поэтому бессмыслен, то первый освящен верой в Бога и поэтому дал так много.

3.10.1967 Купил "Музыкальную эстетику стран Востока", и, просматривая предисловие, подумал о том, что понятие гармонии соединяет этику конфуцианства с эстетикой.

Еще одна сторона проблемы цзюньцзы – вопрос о его гармоничности. Отсюда, с одной стороны, гуманизм, с другой – отсутствие "боевого духа". Нужно подчеркнуть, что теория цзюньцзы могла возникнуть лишь в ответ на страстное желание услышать что-то о человеке. Пробуждение интереса именно к человеку. Отсюда – антропоцентризм.

Если поставить во главу угла учение о цзюньцзы, и уже отсюда вести рассуждение, доказывая, что, с одной стороны, не может быть проповедью деспотизма учение, придающее такое значение человеческой личности, а с другой, что это была в своей основе гуманистическая этика, то это будет тот новый подход, который я ищу. Так и надо будет изложить конфуцианство, поставив в центр эти черты. Но хватит медлить. Надо больше работать, иначе не успеешь.

6.10.1967 Из Н. Arendt. The origins of totalitarianism. N.Y., 1966:

"Евреи теперь обвинялись в 'космополитизме', не в сионизме, и тип обвинений, развившийся из этого лозунга, еще ближе подходил к нацистскому типу 'еврейского мирового заговора' в духе сионских мудрецов. Теперь стало поразительно ясно, какое глубокое впечатление эта опора нацистской идеологии произвела на

Сталина(...). В известной мере, конечно, вследствие своей очевидной пропагандистской ценности в России и в странах-сателлитах, где антиеврейские чувства были широко распространены и антисемитская пропаганда всегда пользовалась широкой популярностью. Другой причиной было то, что этого типа фиктивный мировой заговор давал идеологически более подходящее основание для тоталитарных претензий на мировое господство, нежели Уолл-Стрит, капитализм и империализм. Открытое, бесстыдное принятие того, что стало для всего мира самым важным признаком нацизма, было последней почестью, которую Сталин отдал своему покойному коллеге и сопернику по тотальному господству, и с которым, к своему глубокому огорчению, он не мог придти к прочному соглашению”.

Читаю Вебера¹. Он сравнивает еврейских пророков с Лао-цзы и Буддой и, конечно, отмечает противоречие ”активного действия в миру” израильских пророков и бегущей от мира или индифферентной к миру мистики Индии и Китая. Однако, конфронтация некорректна. Поскольку положение о ”Weltanpassung”² конфуцианцев совершенно неверно, по существу надо было бы сравнивать активное действие в миру конфуцианцев (чего Вебер не заметил) и активное действие пророков. Но в силе остается соображение о значении того, что Бог евреями представлялся как личность и поэтому верующий хотел стать его орудием.

Очень интересно – об ”экономии сил”. Она, по Веберу, состоит в том, что Десять заповедей ограждали от всякого размышления о смысле космоса. ”Благочестие состояло в действии по приказу Божьему, а не в познании смысла мира”.

9.10.1967 Начал читать ”Самопознание” [Н. Бердяе-

¹ Max Weber, *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Bd. 1, Tübingen, 1920.

² Приспособление к действительности (нем.).

ва]¹. Сейчас продолжу главу о Конфуции. Времени остается очень мало, надо торопиться. Как я буду читать лекции в Новосибирске, пока мне совершенно не ясно, но прежде всего надо создать основной текст, исходя из которого можно будет написать книжку и прочитать лекции.

Писать о Конфуции очень трудно, потому что это касается уже самых основ китайского образа жизни. Здесь очень интересно, конечно, проводить параллели, но есть опасность выплыть в открытое море каких-то безграничных сопоставлений. Поэтому надо ограничиваться известными проблемами. И еще — доказательство пользы свободного писания: в ходе его я набрел на свою концепцию конфуцианства, в центре которой — учение о личности.

Еще одна задача, здесь возникающая и на которой, пожалуй, стоит остановиться: было ли в Древнем Китае понятие свободы?

10.10.1967 Узнал, что Шунков² не пускает меня в Новосибирск. Надо форсировать докторскую. Иначе мне деваться некуда. В сущности, ситуация более или менее банальная. В такой ситуации находятся почти все порядочные люди. Кто через это не прошел?

Читал вчера вечером Бердяева. Замечательно.

”В мирный период я испытывал не раз ту же тоску. Это было чувство удушья, отсутствие воздуха, свободы дыхания”.

”Наш мир, которым для слишком многих исчерпывается реальность, мне представляется производным. Он далек от Бога. Бог в центре. Все далекое от Бога провинциально. Жизнь делается плоской, маленькой, если нет Бога и высшего мира. В таком мире, лишен-

¹ Автобиография русского философа-эмигранта Н.А. Бердяева (1874–1948), опубликованная в 1949 г. в Париже.

² Директор Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, где в то время работал Виталий.

ном измерения глубины, нет и настоящей трагедии, и это, вероятно, и пленяет многих”.

Папа всегда говорил, наоборот, что для настоящего религиозного сознания нет трагедии, и он был, по-моему, прав.

”Промысел Божий можно понимать лишь духовно, а не натуралистически. Бог присутствует не в имени Божьем, не в магическом действии, не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте. Наиболее неприемлемо для меня чувство Бога как силы, как могущества и власти. Бог никакой власти не имеет. Он имеет меньше власти, чем полицейский. Категория власти и могущества — социалистическая, она относится лишь к религии как социальному явлению, есть продукт социальных внушений. Бог не имеет власти, потому что на него не может быть перенесено такое низменное начало, как власть”.

23.10.1967 Сижу на китаеведческой сессии. Скучно. Думаю о судьбе различных понятий, как они живут и умирают. Вся мифология устарела, продолжать ее скучно. Как хорошо сказано [у Бердяева] о ”чувстве удушья, отсутствии воздуха”!

Вчера Шунков мне, наконец, сказал причину. Он не может допустить, чтобы в библиотечное время работали в других учреждениях. Интересно, является ли этот принцип действительным только для меня или для других тоже. Но это все чушь. Вполне могу обойтись без этой поездки, тем более, что сейчас надо гнать книгу.

25.10.1967 Бердяев: ”Мои мысли несвоевременны, идут против эпохи, которая стоит под знаменем отрицания человечности и даже упоена бесчеловечностью. Я и не хочу быть своевременным. Дух времени, обоготворенный Гегелем, в сущности всегда заключает в себе обманное и злое начало, потому что время в известном смысле есть обман и зло. Время в человеке, а не человек во времени”.

”Я принадлежу к людям, которые взбунтовались против исторического процесса, потому что он убивает личность, не замечает личности и не для личности происходит. История должна кончиться, потому что в ее пределах неразрешима проблема личности. Такова одна сторона историософической темы. Но есть другая сторона. Я переживаю также историю как мою личную судьбу, я беру внутрь себя весь мир, все человечество, всю культуру. Вся мировая история произошла и со мной, я – микрокосм.

Судьба неповторимой индивидуальности не вмещается ни в какое мировое целое...

Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос – все мне представляется вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности.

Свобода совсем не есть познанная необходимость, как хочет Гегель и за ним марксизм, свобода уже скорее есть нежелание знать необходимость”.

Закончил ”Самопознание”.

30.10.1967 А.Г. одобряет идею давать главам названия, характеризующие их содержание. Первый вариант:

1. Конфуций: воспитание благородного человека.
2. Мо-цзы: государство как машина.
3. Чжуан-цзы: слейся с природой, человек!
4. Легисты: политика против этики и культуры.

2.11.1967 Начал даосизм, продолжу. Вообще надо ориентироваться на то, чтобы стать величиной по китайской философии. По истории у нас много специалистов, по философии фактически почти нет.

3.11.1967 Чувствую потребность заняться папиными рукописями. Переписал первое письмо и почувствовал вновь радость от духовного общения с папой, радость, которую уже так редко вспоминаю. Его трагическое самоощущение и удивительное благородство

с необычайной силой раскрываются здесь. Замечательны слова о доверии в любви. Но интересно, что папе импонировало католическое воззрение (которое он находил у Данте) о том, что есть определяющие человека мгновения, в том числе и мгновения, за которые он потом должен быть осужден на вечные муки. Конечно, эти вечные муки не понимались им буквально. Если бы он думал об этом так всерьез и вплотную, он, наверно, согласился бы с Бердяевым, ад вообще отрицающим и называющим весь этот комплекс взглядов "судебным христианством". Бердяев хорошо говорит, что признание ада лишает всякого благородства добро, потому что оно тогда уже становится не добровольным, а под страхом, под угрозой террора.

5.11.1967 Когда долго нигде не выступаешь, начинает появляться чувство безвоздушного пространства, какой-то пустоты. Трудно тогда бывает заставить себя работать. А между тем, нужно гнать и гнать. Надо уметь зажигаться вне зависимости от того, нужно это кому-нибудь или нет. Когда это нужно тебе, потом оказывается, что это нужно и другим.

14.11.1967 Это будет уроком. Забыл эту тетрадь в спецхране¹, приехал вечером, но все было закрыто из-за похорон В. Шункова. Только сегодня получил ее. Было бы, разумеется, неприятно, если бы она попала в чужие руки.

22.11.1967 Интересно, что моя рецензия на Вандермерша, оказывается, вызвала ярость Вяткина, обвинившего меня в "зоологической ненависти" к легизму.

¹ Отдел в советских библиотеках, в котором помещаются книги и периодические издания (например, такие журналы, как "Тайм", "Ньюсуик" и т.п.) так называемого "специального хранения", т.е. разрешенные советской цензурой к чтению только для "избранных". Для пользования спецхраном необходимо разрешение, даваемое по месту работы.

Вяткин говорил, что в моей критике Вандермерша нет марксизма; я идеалист, а Вандермерш больше марксист, чем я. Тем не менее, статья должна пойти в №2 НАА.

23.11.1967 Л.Ф. сказала, что с Замошкиным [директор ИМЭМО] у меня ничего не выйдет, так как он не может сейчас больше принимать людей от нас. При этом она сказала, что я невезучий. Но, с одной стороны, я все равно туда, к нему, идти уже не собирался. С другой стороны, я подумал, что если бы я был окончательно невезучим, мои кости давно гнили бы между Дорогобужем и Серпуховом¹.

2.12.1967 Были на пьесе Паперного "Человек, похожий на самого себя" (о Светлове). Еще раз убеждаешься, как вся эта военная идеология (гражданская война, юнкера, Гренада) далеко отошла и никому не нужна. Гальванизация симпатичного трупа. Вернее, труп гражданской войны малосимпатичен, но симпатичен был сам Светлов, находившийся в кричащем противоречии со своей темой.

12.12.1967 Замечательный доклад [Аверинцева о средневековом христианстве]. А.Г. хорошо сказал, что нам надо его [Аверинцева] изрезать и съесть по куску, чтобы приобщиться к его гениальности.

14.12.1967 Вчера утром, часов в восемь, меня пронзила мысль: "Представь себе, что до девяти — последний твой час, как ты используешь его, этот час жизни?" Час жизни! Это словосочетание меня как бы наэлектризовало, наполнило бодростью. Ведь это бесконечно много — час жизни — надо только его использовать; не киснуть, не колебаться на каждом шагу, а работать с радостью.

¹ Под Серпуховом Виталий в начале Великой Отечественной войны попал в окружение и был взят в плен немцами.

18.12.1967 Вчера видел Ахмадуллину. Впечатление как после Бродского — воплощенная поэзия. Но здесь воплотившаяся в красавицу, как-то по особому, подчас физиологически, ощущающую свой дар ("озноб"). Поражает напряженность внутренней жизни, сила, крайность переживаний. Изумительна поэма о дожде со страшной песней детей и с высказанным сознанием себя как волшебницы, призывающей живой дождь в высохшее от искусственности общество. Стихотворение о Елабуге, посвященное смерти Цветаевой, где живописуется, как она давит Елабугу, как гадину. Елабуга — столица страданий Цветаевой, в отличие от Берлина и Парижа — провинций. Замечательно стихотворение памяти Мандельштама, впервые прочитанное: "Не плачьте обо мне, я проживу!" И во всем — безупречный вкус, благородство, энергия, искренность. Но главное — ощущение какого-то особого существа, иначе, не так, как мы, живущего. Впрочем, это же можно сказать и о папе.

23.12.1967 Теперь — оценить мой основной подход в "Двух истоках". Он правилен в смысле анализа отношений к человеку, вскрывая специфику оценки действия. Но он не достаточен. Он, так сказать, берет во главу угла "моральную" сторону проблемы; выявляется предпосылка легистского действия, его "моральные" (в смысле антиморальные) параметры. Да, легисты считали, что с народом можно обращаться, как с материалом. Но дальше встает вопрос, как его обрабатывать. Этот вопрос их очень интересовал. Это был их вопрос, потому что отношение к народу не было для них вопросом, а было аксиомой. И вот на этот-то вопрос и отвечает концепция милитаризма. Легисты хотели создать из человеческого общества военную организацию, и из этого делали самые крайние выводы.

28.12.1967 Из "Эспрессо"¹ от 18.6.1967 г. [О съезде писателей].

"Напротив массы делегатов восседали на канонических креслах на большой трибуне под бюстом Ленина члены Президиума: сидели, выражаясь словами Заболоцкого, прямые, 'как выстрел из ружья'. Из них меня особенно поразил экс-поэт Прокофьев, который, ни разу не потревоженный какими-нибудь чувствами, просидел неподвижно весь съезд, не сделав ни одного жеста, не моргнув глазом, бесстрастный, приклеенный к сиденью. Между роботами-делегатами и роботами в Президиуме помещались на кафедре говорящие машины, сеятели слов. Громовыми голосами они выкрикивали свои лозунги, особенно настаивая на 'партийности' и 'гуманизме'. Некоторые вещали, как пифии, охваченные радостью за советскую литературу, которая всегда на баррикадах идеологического фронта. Лжепоэт Дудин громыхал: 'Я не пытаюсь пророчествовать, но я твердо уверен в том, что с каждым днем человеку больше будет требоваться мужества'".

До этого: "Я не сожалею, что присутствовал на этой мрачной комедии, ибо полагаю, что мне никогда больше не придется увидеть такое скопище мумий, такой богатый музей восковых фигур. Писателишки, писаки, писцы, переписчики, бумагомаратели всех мастей, эта чернь, эти важные 'труженики пера' с тупым и бесстрастным видом вызывают, говоря словами Саккетти, 'представление, что человек мертв'.

Была атмосфера казармы, и не только в силу тщательности контроля полицейскими у входа, но из-за железного тона и самого содержания многих выступлений... Что же сказать о речи генерала Епишева, который передал привет от армии и флота и с неукротимым пафосом пустил в ход все общие места из справочника по гражданскому воспитанию, призывая писа-

¹ "L'Espresso" – еженедельная итальянская газета, выходящая в Риме.

телей к боевым доблестям и патриотизму, к бдительности. Впечатление, что находишься в казарме на церемонии по случаю годовщины войска, еще более усилилось в последний день, когда группа членов продефилировала, словно пожарные, со знаменем Союза писателей, на которое Подгорный прикрепил орден Ленина, и когда Федин провозгласил: "Красное знамя, под славной сенью которого работа советских писателей обретает энергию и вдохновение, сегодня увенчано прекрасным символом бессмертного Ленина"

29.12.1967 Дошел до места, над которым надо подумать. Я привел место из Чжуан-цзы, представляющее собой проповедь антикультурного погрома. Что по этому поводу сказать?

Здесь ненависть к насилию, к принуждению оборачивается по существу призывом к насилию, причем замечательно, что это насилие направлено не против угнетающего простого человека государства, а против культуры и против ее носителей. Чем это объяснить? По существу эта ненависть к культуре гораздо сильнее, чем ненависть к государству.

Можно сказать, что здесь мы встречаемся с тем, что в русле даосской традиции имелось течение, не просто отрицающее культуру, но с культурой боровшееся. Здесь надо отметить, что и даосизм, как и конфуцианство, был теорией действий. Но в основном это было действие асоциальное. Однако, наряду с этим был призыв и к социальному действию, но это был уже тогда погром.

Даосизм привыкли рассматривать как невинный квиетизм, дополнявший конфуцианство и служивший утешением отставным чиновникам. Его взрывчатой силы не замечали. Между тем, сам стиль философствования Чжуан-цзы далек от квиетизма. Он проникнут борьбой, ненавистью.

Нужно все это сформулировать осторожно, чтобы, с одной стороны, не поставить себя зря под удар (что я охаиваю крестьянскую идеологию или что-нибудь по-

добное), а с другой, показать связь этой традиции с современностью. Я думал сначала отметить второстепенность этого, но так ли это? Не является ли это весьма сильной струей в даосизме?

Итак получается двоякая возможность: 1. Либо погром. 2. Либо уход. И тот, и другой путь сыграли впоследствии свою роль в истории. Исследовать это очень интересно.

Противопоставление конфуцианству следующее.

Конфуцианство: гуманизм с принятием существующего порядка, попытка путем мирных, постепенных реформ гуманизировать управление. Роль культуры, воспитания, рационализм, постепенность.

Даосизм: антигуманизм и антикультурная тенденция, полное неприятие существующего порядка, призыв к уходу или к погрому. Вместо воспитания и образования — почвенничество, культ простоты, безыскусственности. Иррационализм, движение путем скачков.

Интересно, что Ине так понравился доклад — эффект нового, неизвестного.

5.1.1968 Очень интересный был доклад [П. Гайденко о рациональности у Вебера]. Еще интереснее обмен репликами с Батищевым. Он говорил о том, что наука занималась не только "как", но и вопросом "на кой", иначе из обезьяны не произошел бы человек. Возглас из зала: "А на кой?"

6.1.1968 В чем величие Конфуция? В том, что он первым в Китае говорил о том, что важнее всего — внутренний мир человека, что в центре человеческих стремлений должно быть внутреннее совершенствование, стремление к достижению нравственного совершенства.

В чем слабость Конфуция? Вот тут мне надо еще подумать. В том, что он не понимал значение закона?

Я пришел к выводу, что само страдание от того, что не можешь начать писать — момент в творческом про-

цессе. Когда уже не можешь больше жить, тогда начинаешь писать — нет другого выхода.

10.1.1968 Мой анализ духовной ситуации в Китае перед Конфуцием отмечен презентизмом, вместо тщательного исследования источников я пошел по пути довольно-таки произвольного транспонирования в Древний Китай духовной ситуации современности. По пути, в метро, я это ясно осознал и стал думать о том, как это исправить.

Мой взгляд на Конфуция крайний, но не нелепый. Он основан на собственном осмыслении некоторых черт, которые раньше я не видел отмеченными почти ни у кого, и на их новой оценке. Если не понять "донкихотства" раннего конфуцианства, то невозможно будет понять и того, каким образом оно завоевало Китай.

Хорошая мысль о том, что Конфуций не строил свое убеждение на каких-либо утилитаристских соображениях. Он прямо говорил о том, что настоящий человек должен сознавать, что путь гуманности и путь выгоды — не одно и то же. Здесь, может быть, и сделать акцент: в отличие от прежней религиозной веры в то, что добродетель вознаграждается, Конфуций повернул к тому, что стал прямо говорить о том, что добродетель не вознаграждается. Это близко Спинозе: добродетель — сама себе награда.

Нужно показать привлекательность конфуцианства. Показать, иначе говоря, почему конфуцианство могло завоевать Китай и не только Китай, в то время, как подобная в некоторых отношениях конфуцианству стоическая философия осталась всего лишь одной из философских систем. В чем тут загадка? По-видимому, арреал¹ состоял в том, что борьба за правду и справедливость требовала безграничного мужества.

¹ Здесь: привлекательность (англ.).

Меня занимает вопрос о цзюньцзы. Какое значение имеет в нем момент гармонии? Нужно ли это подчеркивать? Да, потому что:

1. Это связано с важной мыслью о "среднем пути", о том, что это была борьба с экстремизмом.

2. Важно для доказательства гуманизма Конфуция. Гуманизм и гармоническая личность неотделимы.

18.1.1968 Вот сейчас я мог бы выступить об отчуждении, вчера¹ же еще нет. Теперь мне ясно, что это — широкий термин для социальной и культурной критики, столь широкий, что использование его непродуктивно; лучше говорить о каких-то более конкретных и ясных явлениях. Если можно говорить об отчуждении интеллигенции от народа, об отчуждении будней от праздников (Померанц) и т.д., то это значит, что в термин "отчуждение" может быть вложено все что угодно.

20.1.1968 В "Авангарде" [дом отдыха], под Серпуховом. Когда-то недалеко отсюда решалась моя жизнь², а сейчас я об этом даже не вспомнил до вечера.

25.1.1968 Вчера был Павел [Литвинов]³. Поразило его спокойствие, отсутствие позы, благородство, ум. Рассказывал о своих встречах, о письмах и т.д. Очень интересные вещи говорил о своем деде, который бы одобрил его в глубине души, но вел бы себя иначе. Все же удивительно приятно видеть человека, в мужестве которого есть такое спокойствие и такая надежда.

¹ На докладе философа Ю. Давыдова о проблеме отчуждения.

² См. примеч. на стр. 123.

³ Один из зачинателей правозащитного движения в СССР, внук народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова. По специальности физик. В настоящее время живет и работает в США.

26.1.1968 Слушал передачу с десятью голосами¹. Замечательно сказал И. Менухин: "Поразительно, что действия власти продиктованы страхом, действия слабых людей – мужеством".

3.2.1968 Сейчас прежде всего надо кончить доклад о даосизме для Ленинградской сессии.

Тезис о том, что борьба между материализмом и идеализмом и т.д. является отражением в идеологии борьбы между отдельными классами – догматическая чушь.

Проповедь недеяния и призыв к насилию на самом деле являются двумя сторонами одной медали. В самом деле, если считать, что цивилизация безнадежно плоха, то есть два выхода – либо бежать от нее, либо ее разрушить. Я подчеркиваю: "безнадежно", потому что в этом корень вопроса. То, что в мире дела обстоят плохо, признавали и другие школы древнекитайской мысли. Никто не говорил, что хорошо, и каждый предлагал свой рецепт. Конфуцианцы предлагали действовать при помощи примера морального поведения, длительной и упорной работы по подъему благосостояния и культуры народа. Моисты предлагали ввести декретом всеобщую любовь, чтобы так излечить человечество от его бед. Но даосы, не верившие в возможность какого-либо изменения к лучшему, предлагали либо бегство, либо разрушение.

7.2.1968 [Ленинград.] Вчера был полный день. Утром поехал на заседание и после яхонтовского доклада выступил со своим. Отклик был неожиданно гораздо лучше, чем я ожидал. При этом я начал с того, что, в отличие от Яхонтова, мне не приходится спрашивать, есть ли несогласные с тезисами, потому что я знаю точ-

¹ Радиопередача "Голоса Америки", в которой приводились отклики видных деятелей культуры на процесс Ю. Галанскова и А. Гинзбурга.

но, что несогласны многие, и буду удивлен, если найдутся мои единомышленники.

Теперь, размышляя об этом, в особенности имея в виду Ф. и Я-ва, я думаю, что решился высказать то, что они думали уже давно. Это собственно прямо и сказала Ф., говорившая о том, что воспиталась в таком духе, что даосизм – идеал крестьянских восстаний, и, значит, это хорошо. В то же время она видела, что программные идеи мыслителей XVII в. связаны с конфуцианской традицией. Но в принятых концепциях не могла найти этому объяснения.

Менее развернуто об этом сказал Я-в. Он упомянул, что, читая со студентами тот отрывок, который приведен мною, он всегда чувствовал, что это нечто отвратительное, и говорил, что это в духе хунвейбинов. Потом он упомянул о том, что Хань Фэй-цзы – это уже просто эсэсовец, что полностью совпадало с моим определением легизма, высказанным на заседании редколлегии НАА, когда я сказал, что по существу легизм – это фашизм.

Приятно все же, что мой доклад был гвоздем китайской программы. Отклик был лучше, чем я думал.

13.2.1968 Надо отметить следующее: конфуцианство, утверждая право человека на самостоятельность, провозглашая, что он не орудие, в то же время в принципе признавало существующий порядок вещей, лишь стремясь его реформировать. Но когда в центре этого порядка вещей стала тоталитарная государственная машина, оно [конфуцианство] не давало человеку никакой опоры. Мало того, высоко ставя семейные добродетели (и прежде всего заботу о родителях), оно ставило каждого протестующего перед дилеммой: отстаивать свои принципы или идти на компромисс для того, чтобы поддерживать свою семью.

Не связаны ли друг с другом консерватизм конфуцианства, его гуманизм и традиционализм? Думаю, что именно в нерелигиозных системах традиционализм

должен был занять особенно большое место. Традиция не могла иметь такого большого места ни в буддизме, вообще отрицающем посюстороннюю жизнь, ни в христианстве, в котором хотя и не было такого абсолютно отрицания жизни, но которое все же, как и буддизм, заключает мироотрицающий элемент. Лакмусовой бумагой может служить феномен монашества, играющий такую огромную роль в буддизме, присутствующий в христианстве и отсутствующий в конфуцианстве.

Получается очень интересная картина. Традиционализм конфуцианства, с одной стороны, связывает его со сверххархаичными идеологиями, а с другой — сближает с современным европейским нерелигиозным гуманизмом.

15.2.1968 Не спал и думал ночью о том, имеет ли все это какой-нибудь смысл. Так, извне, все это кажется ерундой, но когда думаешь об это все время, вникая в сущность этих явлений и видя все новые связи, все приобретает смысл. В общем плане, смысл — предмет веры. Мне запомнилась мысль Джемса о том, что если мы в самом деле начинаем какие-то большие работы, то делаем мы это потому, что верим в их смысл, в то, что их удастся закончить. Без такой веры жизнь была бы невозможна.

Для выступления [о маоизме на семинаре в Ин-те Китая].

Вся пропаганда строится на таком рассуждении: "Это не марксизм, маоизм — наследие традиционной китайской философии, следовательно, это плохо, потому что вся эта философия плоха". Такое рассуждение никуда не годится. Оно, прежде всего, неправильно, ибо маоизм вовсе не является наследием всей китайской философии, ибо в ней есть традиции, в корне ему противоречащие. Оно, во-вторых, вредно, ибо обидно для китайцев; они, т.е. те здоровые силы в Китае, которые против Мао, никогда не согласятся с тем, что вся китайская традиция в корне порочна. Такой тезис может их только оттолкнуть.

Нам нужно строить свое исследование, да и пропаганду, исходя из совершенно другого подхода. Конечно, то, что Мао не марксист, верно. Но неверно, что он предал марксизм, унаследовав традиции Китая. Он предал и лучшие традиции Китая — вот из чего нужно исходить.

Какие же это традиции? Здесь, на мой взгляд, тоже надо внести ясность. До сих пор в советской науке всячески превозносился даосизм и поносилось конфуцианство. Основанием для этого служил весьма сомнительный довод, что даосы были материалисты.

1.3.1968 Надо больше сказать о том, что Конфуций освящал отношения в семье. Это связать с традицией. Постановка вопроса такая: основная организация, передающая традицию — семья. Именно здесь, по мнению Конфуция, рождаются те качества, те добродетели, которые должны сыграть решающую роль в дальнейшей жизни человека: это сыновняя почтительность, любовь к братьям. В одном месте Конфуций говорит о том, что сыновняя почтительность — основа человечности. При этом Конфуций рассматривал семью как прообраз любого человеческого коллектива и в первую очередь государства. Отсюда — параллель послушания отцу с повиновением правителю. В обществе, где положение человека определялось главным образом его принадлежностью к той или иной семье и к патримониальной организации цзунцзу, возвращение на пьедестал семейных добродетелей было одной из существенных причин, обеспечивших победу конфуцианства над его идейными противниками. Это же было и причиной того, что конфуцианство впоследствии воспринималось как консервативная сила.

2.3.1968 Подумал, что выявление семейной модели с ее этикой послушания позволяет понять, почему в конфуцианстве одержал победу конформизм. Можно проследить конфронтацию в нем [конфуцианстве] двух моделей — модели послушного подданного и сы-

на и модели цзюньцзы. Это совершенно новый подход, который, наконец, дает мне возможность предложить удовлетворяющую меня концепцию. Конфликт конформизм — нонконформизм. В то же время это дает возможность признать ограниченную правильность оценок конфуцианства как идеологии деспотии.

Каковы же эти две модели поведения, создавшиеся в Китае?

а) покорный сын — подданный. Это очень важная сторона, которую раньше я недооценивал;

б) цзюньцзы — самостоятельная, самодовлеющая личность. Начало трагическое и творческое. Гуманистическая традиция связана именно с этим.

Сила конфуцианства — в соединении этих двух компонентов. Оно таким образом удовлетворяло потребности широкого спектра личностных типов: с одной стороны, тех, кто, не претендуя на руководство, удовлетворялся скромной ролью послушного подданного. Ему оно предлагало определенное достоинство; дело в том, что отношения как в семье, так и в государстве, должны быть проникнуты определенными чувствами, являющимися как бы аспектами жэнь [гуманности]. Поэтому в принципе любой человек, выполняя свою роль, мог чувствовать вокруг себя определенную человеческую атмосферу. С другой стороны, оно удовлетворяло и потребности высшей личности.

Итак, сегодня для меня этапный день. Я наконец создал концепцию конфуцианства, с которой могу выступить в печати, которая меня удовлетворяет и лишена односторонности, от которой я до сих пор не мог избавиться. Задача в том, чтобы провести эту мысль через всю работу.

Мое открытие теперь сводится к принятию существования не одной, а двух моделей в конфуцианстве. Двух моделей, непримиренных и в решающих аспектах противоречивых. Без понимания этой двуликости конфуцианства невозможно понять его силы.

Победа модели послушания была обусловлена тем, что она соответствовала условиям жизни тоталитарной

империи с ее чиновным аппаратом, а модель цзюньцзы — нет.

8.3.1968 Пятого марта — бурное празднование¹ с резкой перепалкой между Ю.Г. и В. Я почувствовал тогда опасность ситуации, когда моральный авторитет, выпадает на долю неумных, но решившихся на риск людей. Зародыш пути от жертвы собственной жизнью к жертве жизнями других был уже налицо.

26.3.1968 Сегодня, во время защиты А.Г., когда С.И. мне сказала, что хочет со мной поговорить, я пережил припадок страха². Но придя домой, успокоился. Особенно мне было страшно за Ину, страшно и тоскливо.

11.4.1968 Вчера был П. [Павел Литвинов]. Правильно, нельзя исходить из тезиса о существующем беззаконии. Это неверно и демобилизует.

¹ 5 марта в семье Рубиных традиционно праздновался день смерти Сталина.

² Эта и ряд последующих записей относятся к репрессиям против так называемых "подписантов". В январе 1967 г. в Москве были арестованы Ю. Галансков и А. Гинзбург за составление "Белой книги" о процессе над писателями А. Синявским (Абрам Терц) и Ю. Даниэлем (Н. Аржак). Осенью 1967 г. Павел Литвинов и Лариса Богораз (жена Ю. Даниэля) написали обращение в Верховный Совет СССР с требованием открытого суда над Галансковым и Гинзбургом. Это обращение подписали более 100 человек; оно распространялось в самиздате. Зимой 1967—1968 г. среди оппозиционной интеллигенции Москвы и ряда других городов распространялось несколько петиций и писем протеста, особенно после суда, состоявшегося в январе 1968 г. Виталий и Ина подписали одну из петиций. Вскоре после этого начались репрессии против "подписантов": исключение из партии, увольнение с работы, проработка на собраниях и т.п.

Сегодня диссертация Гриши [Померанца]. Думаю выступить.

Тринадцать часов. Через пятнадцать минут после того, как зал набился почти полностью, Ким [зам. директора Института востоковедения] сообщил, что, поскольку кворума нет, защита диссертации откладывается.

Итак, начинается новый этап борьбы. Как мне сказали, какая-то Шапошникова (секретарь МК КПСС) сказала, что мы можем обойтись без интеллигенции, т.к. власть у нас рабоче-крестьянская. К. сказал комиссии, которая по поручению Келдыша интересовалась лишь тем, как он относится к напечатанию документов за границей, что нынешняя политика как раз и играет на руку тем, кто хочет конфликта советского правительства с интеллигенцией. Один парень из МРД [Ин-т международного рабочего движения] спрашивал меня о конвенции МОТ [Международная организация труда] относительно запрещения увольнения за политические взгляды.

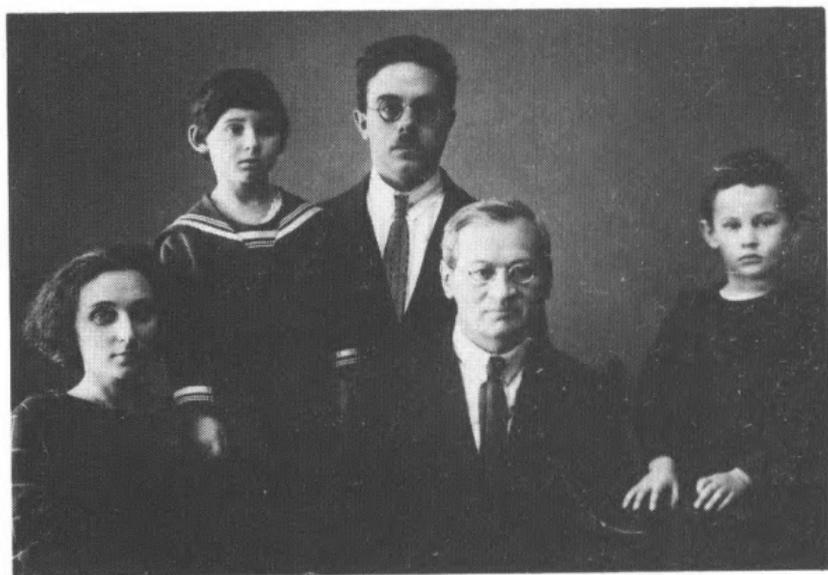
Теперь все зависит от сплоченности интеллигенции, без которой им обойтись не удастся никак. В современном государстве это такая сила, с которой не считаться нельзя. И теперь особое значение приобретает поведение каждого человека.

Битва начинается в условиях совсем других, чем в тридцатые годы. Разница в том, что тогда интеллигенции как отдельной силы не существовало, был такой мощный и безжалостный тиран во главе, как Сталин, и народ был захвачен врасплох и оболванен кампаниями индустриализации, коллективизации и т.д. Все, что делалось во имя революции, коммунизма и т.д., под прикрытием этих слов, все это принималось как нечто неизбежное и прогрессивное.

Этот туман рассеялся, урок тридцать седьмого года у всех жив в памяти, на это по существу ответить нечего, как и на указание на культурную революцию. Позиция "революционеров", "сторонников классовой борьбы" безнадежно слаба, им нечего сказать. Это лю-

Исаак Ильич и
Полина Петровна
Рубины.
1910-е гг.

Виталий и Мария с родителями. Рядом с Марией – друг
семьи, Беня, погибший в Двинске от рук фашистов.
Москва, январь 1929 г.

Виталий при поступлении
в Московский университет.
1940 г.

Виталий (стоит первым справа) среди членов исторического кружка при Московском доме пионеров. В нижнем ряду первая слева – Лена Зонина, рядом с ней – Лена Огородникова. 1939 г.

Виталий в туберкулезном санатории в Мытищах (Московская область). Лето 1946 г.

Виталий с группой студентов Московского университета на прогулке в Подмосковье. 1950 г.

Виталий с родителями. Москва, 1953 г.

Виталий с группой китайских студентов Новочеркасского сельскохозяйственного института. 1951 г.

ди убогие и старые, вся молодежь, все лучшее против них. Вижу горящие глаза Т.Г., которая говорит: "Ребята, не бойтесь! Они же дураки, им нечего сказать!". Она говорила о том, что во время месткома, когда разбиралось дело Юры [Глазова]¹, они злились из-за того, что, будучи подонками, чувствовали перед собой личность.

Теперь встает несколько вопросов: 1) Как будет держаться интеллигенция? 2) На что пойдет руководство? 3) Сколько эта кампания продлится?

Судя по всему, они будут встречать сопротивление на каждом шагу. Что же касается сроков, то, по-видимому, тут будет несколько этапов. Острый этап продлится месяца три (статьи в газетах и т.д.). Потом начнется медленное гниение. Вернее, продолжится. Откуда можно ждать улучшения в обстановке, когда дело уже не в отдельной личности, а в целой группе тупиц? По-видимому, надо ждать выдвижения каких-то новых людей из их же среды. Здесь сейчас обстановка в известном смысле вернулась к модели царской России. Каким образом она вышла из кризиса в 1905? Ведь тоже не было диктатора, которого можно было бы сменить. Тогда, с одной стороны, сыграло роль давление событий, с другой, выдвижение Столыпина.

Характерная особенность еще и трусость. Я ожидал, что против Гриши, возможно, выступит какой-нибудь прохвост. Вместо этого они предпочли не собраться.

13.4.1968 Вчера узнал, что кворум при диссертации Гриши на самом деле был, его отсутствие было придумано подлецом Кимом.

15.4.1968 Были Юра и Марина [Глазовы], Павел

¹ В ходе репрессий против "подписантов" индолог Юрий Глазов был уволен из Ин-та востоковедения АН СССР. В 1972 г. выехал в США. В настоящее время возглавляет кафедру русского языка и литературы в университете Дальхаузи в Галифаксе (Канада).

[Литвинов]. Марина и Юра держатся молодцом. Из того, что они говорили, ясно, что нас тоже будут вызывать. Это может означать для меня ряд изменений (не говоря уже о том, что о старшем сотруднике не может быть и речи). Меня могут перевести на табель, могут лишить при этом и кандидатского дня. Ну, посмотрим. Многое будет зависеть от отношения ко мне. Но, пока есть возможность, нужно постараться кончить работу.

26.4.1968 Ужасные были дни. Днем на работе узнал, что Бела¹ хочет священника, и пытался найти А. Безуспешно. Вечером звонил в разные места и решил, что рано утром поеду к А. домой и попрошу его поехать к Беле. Как-то сначала тяжело далось это решение, потому что Лена мне говорила о том, что у него больны дети, что дома его будут не отпускать и т.д., но я понял, что иного выхода нет, и утром поехал. Встретил он меня замечательно, по-дружески и сразу же согласился. В Москве на такси мы объехали несколько церквей, пока ему не удалось получить просфор, а потом, заехав за Г.С., отправились к Беле. Неожиданностью для меня было то, что на работе вновь возник вопрос о перевозе Белы [домой] в то время, как В.В. мне говорила, что это невозможно. Теперь же, утром, она решила, что мы, мужчины, с этим можем справиться.

То, что я увидел в больнице, глубоко меня потрясло. Бела уже не говорила, дышала тяжело и с трудом, и я сразу вспомнил агонию папы. Но это не была агония. Она несомненно нас узнала, это было видно по ее глазам, совершенно живым и сознательным (несмотря на то, что один глаз уже был тоже поражен) и по рукам, белым (в отличие от желтого лица и тела), тонким и живым. Мы с Г.С. зашли, и, подержав ее за руки

¹ Бела Межова (1921–1968) – сотрудница Виталия, друг Рубиных. Умерла от рака. В СССР священникам запрещено исповедовать в больницах.

и шепотом попрощавшись с ней, вышли. А. был один и он, конечно, сказал ей то, что нужно сказать человеку перед смертью.

Он сразу, увидев ее, принял решение, что везти ее невозможно. Но у меня весь день после того было все же чувство тяжелой вины, что мы не выполнили ее последней воли. Но как было ее выполнить? Было видно, как она слаба, Майя [Улановская] рассказывала, что когда они ее переодевали, она чувствовала себя палачом. Этот переезд был бы для нее непосильным мучением, пыткой, на которую мы не могли ее обречь.

Привозил я А. не зря. Через семь часов после нашего отъезда, в девять часов вечера 24-го апреля она умерла.

27.4.1968 Были на кладбище. Все кругом пробуждалось, распускались почки. Было тихо и что-то торжественное было разлито в воздухе. Я смотрел на памятник [на могиле родителей], что-то вспоминал хорошее (как, приходя домой после знакомства с чем-то интересным, я садился около папы — он часто лежал в это время — на стул и рассказывал ему, и делалось так хорошо от того, что он говорил, все освещалось новым светом, входило в новый кадр, все это сразу, так что иногда я даже терялся от этого богатства и от сознания собственной бедности и бездарности), и впервые я понял, именно стоя у этого камня, жизнь как счастье и все, что было, как великое благо.

10.5.1968 Дошел до важного пункта в учении даосов о человеке. Дальше могут быть разные пути. Можно сказать об образе даосского святого и позднейшем его влиянии. Но самое интересное, пожалуй, другое. Самое интересное — поворот от безразличия к смерти к страху смерти, к тому, чтобы цепляться за жизнь. Если в отношении ко вселенским процессам жизнь и смерть не важны, то как только заходит речь об обязанностях человека по отношению к другим людям, на первый план выступает биологическая индивидуаль-

ность, стремление сохранить свою природу. Об этом есть очень яркие тексты.

12.5.1968 Есть надежда, что кончу в срок. Работа над книгой дала очень много. Я вчера подумал, у кого я научился всему тому, чему за это время научился, и ответил: "У себя".

14.5.1968 Крестьянская идеология: утопия простоты плюс ненависть к культуре плюс погром культуры.

21.5.1968 Интересная мысль в интервью Г. Бакланова "Мастерство. Опыт. Существуют ли они сами по себе", "Вопросы литературы", 1968, №4:

"Реакционные режимы всегда начинают с уничтожения искусства, потому что все, что создает искусство, даже если это просто лирические стихи... так или иначе связано с развитием человеческой личности, с самим таким понятием, как личность, формирование ее. Ни при одном реакционном режиме не должна самостоятельно существовать человеческая личность".

26.5.1968 Вчера весь день думал о том, что будет с Чехословакией. Означает ли сообщение о маневрах ввод войск? Навсегда или временно? Все это пока неясно.

Итак, в четверг доклад "Человеческая личность в древнекитайской философии". Весь материал готов. Нужно продумать только некоторые детали.

Прочитал книжку о Кандинском. Какой был гений!

29.5.1968 Были вечером у Павла [Литвинова], видели ряд знаменитостей¹. Очень интересное впечатление.

¹ Один из вечеров в доме Павла Литвинова, на которые собиралась оппозиционная интеллигенция (П.Г. Григоренко, А. Амальрик, А. Якобсон, А. Краснов-Левитин и др.).

10.6.1968 Последние дни писал рефераты и ничего в плане научном не успел. Вчера, когда сидел в спецхране, ко мне явился вахтер и заявил: "К тебе гости". Решил, что за мной пришли — так это было неожиданно¹. Оказалось, П.Д. [фронтовой товарищ Виталия] вдруг обо мне вспомнил.

18.6.1968 Жизнь свелась к работе, и когда работа не ладится, все становится плохо. Никак не могу начать статью о человеке. Чтобы сделать так, как мне нравится, необходима концентрация, которой редко удается достичь. Может быть, начать: Демьевиль в статье, посвященной французской синологии, пишет, что во Франции сложились две традиции: синофилии и синофобии. Это потому, что принимали китайскую традицию за нечто единое, в то время как Китай возник в результате плюрализма культур. Вот, наконец, нащупал то, что сделает для меня интересной эту работу.

Августин: "Я не был бы, я совершенно не мог бы быть, если бы Ты не присутствовал во мне!"

Брошюра Сахарова — вторая водородная бомба. Что предпримет теперь руководство?

27.6.1968 В. Соловьев. Из речи на похоронах Достоевского:

"В том-то и заслуга, в том-то и значение таких людей, как Достоевский, что они не преклоняются перед силой факта и не служат ей. Против этой грубой силы того, что существует, у них есть духовная сила веры в истину и добро — в то, что должно быть. (...)

Люди факта живут чужою жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами — они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества".

Вчера с наслаждением перечитал "Кубок" и другие стихотворения Жуковского.

¹ Виталий подумал, что за ним пришли из КГБ; эвфемизм "гости" был весьма распространен в таком понимании.

30.6.1968 Последние дни была какая-то усталая голова, ничего не успевал, уставал очень быстро. Но вчерашняя поездка [в Юрьев-Польский] как-то встряхнула, а сегодня — прохладная погода. Продолжу статью о человеке.

Ехал и думал о том, что надо уметь прощать, и что пока я этому не научился, я еще далек от духовной высоты.

2.7.1968 Вечер. Целый день был в библиотеке. Интересная новость о Ю. Любимове, которого райком рекомендовал отстранить от работы, но который написал Л.Б. [Брежневу], и тот очень быстро ответил и пригласил его к себе, после чего его на работе оставили.

Подумал, что можно осветить проблему по-новому. Дело в том, что хотя конфуцианство и легизм исходили из совершенно противоположных предпосылок, но и в той, и в другой системе имело место превознесение послушания. Поэтому и могло быть сочетание этих двух систем. Покорность у конфуцианцев прежде всего понималась как выполнение этического долга сяо [сыновней почтительности], у легистов же как выполнение предписаний начальства. Трудно сравнивать эти системы, поскольку все в них иное. Главное — что в конфуцианстве есть этика и человеческие ценности, в то время как в легизме этого нет. Другой подход, другие цели.

Но что делать со статьей? Ее несомненно надо сдать. Это дело чести. В конце концов приходится решать, как с книгой: пусть будет сдано что-то несовершенное, но в срок. Вообще же способность работать зависит прежде всего от душевного настроения, от того, что чувствуешь какой-то оптимизм и говоришь себе: "Ну, ничего, я с этим справлюсь".

11.7.1968 Сегодня — беспокойные новости из Чехословакии. Советские войска отказываются уйти — что будет? Думаю, что придется, *volens-nolens*. Пойти на бойню в центре Европы — вряд ли они на это решатся.

Но, конечно, многое будет зависеть от решительности чехословацкого правительства.

Вчера был на кладбище. Зелень, глушь, воспоминания. День был холодный, дождливый, и я весь как бы ожил после изнурительной жары, и воспоминания затопили.

15.7.1968 Что-то будет с Чехословакией? Би-Би-Си передало, что вывод войск прекращен.

Надо бороться с депрессией. То, что я делаю, не делал еще у нас никто, это настоящее достижение, я же забываю об этом под бременем обязанностей и давящих сроков.

16.7.1968 Сегодня передача о том, что чехи ответили весьма решительно. Интервенции не будет, это ясно.

Сегодня попробую придумать заключение для статьи о человеке. В самом деле, какой вывод следует из того, что в Древнем Китае сложилось несколько образов человека?

Может быть, так: прежде всего встает проблема цзюньцзы. Тот образ гармоничного человека, но в то же время и рыцаря, характерен для раннего конфуцианства, развившегося в городе-государстве Древнего Китая. Этот образ сыграл в китайской традиции ту роль, что он послужил основой тираноборческого направления.

На наш взгляд, образ цзюньцзы и образ шэнжэнь [мудрец] служили двумя полюсами, на которые ориентировались представители образованного слоя китайского общества до тех пор, пока обладали притягательной силой ценности традиционной культуры. Разумеется, значение этих образов неравноценно: принципиальное принятие со стороны цзюньцзы политической и культурной деятельности и стремление к наиболее активному участию в ней делало его образ несравненно более значимым в истории, нежели образ шэнжэня, бегущего от цивилизации и отряхивающего со своих ног прах общества. Обрисованный в "Луньюй"

образец поведения цзюньцзы находил себе подражателей и в лице тех, кто предпочитал скудную жизнь удалившегося от дел ученого службе у иноземных завоевателей, и тех, кто, пытаясь вразумить-неправедных правителей, обращался к ним с меморандумами и наставлениями, расплачиваясь большей частью за свою смелость разжалованием или ссылкой, а подчас и смертью.

25.7.1968 Завтра уезжаю в Усть-Нарву. В понедельник двадцать второго Н. мне сказал, что с перспективой работы в ИНАЗе [Ин-т Народов Азии АН СССР] покончено. Предложил проталкивать книгу о китайской культуре.

28.7.1968 Со вчерашнего дня — в Усть-Нарве. Чудесное местечко. Утром сегодня гулял по берегу моря, а вчера в первый раз купался.

31.7.1968 Вчера целый день провели в Нарве, лазили по стенам Иван-Города, стояли в очереди за [обратными] билетами [на поезд].

Маневры — несомненный шантаж. Но что будет, когда выяснится, что он не подействовал?

4.8.1968 В тот же день, тридцать первого, в половине седьмого — происшествие в лесу с Иной¹. Никогда не забуду крик "Виталий, Виталий, Виталий!" и выстрел. Потом — в Нарве, в больнице.

Вчера вечером вернулись домой. Пребывание в Усть-Нарве прервалось быстро и трагически. Не знаю, подходит ли здесь это последнее слово. Пожалуй, решить это может только будущее. Весь вопрос в том, как к этому отнестись. Из этого можно и не делать трагедию, и, слава Богу, Ина воспринимает это мужественно, не

¹ Во время прогулки в лесу около Усть-Нарвы произошел несчастный случай (взрыв), в результате которого у Ины был поврежден палец на правой руке.

ноет и не падает духом. А это самое главное. Я сам говорил ей в первую же ночь, что надо воспринимать это несчастье стойко и с мудростью, но тогда еще не был способен на это сам. Слезы лились у меня неудержимо.

С Чехословакией ничего не получилось, как и следовало ожидать. Весь шантаж кончился ничем, пустым, ничего не говорящим коммунике, за которым скрывается поражение.

Из "Glasperlenspiel"¹ :

"Занятия историей... — не безответственная игра, не развлечение. Занятия историей предполагают понимание того, что при этом стремишься к чему-то невозможному и одновременно необходимому и чрезвычайно важному. Заниматься историей — означает довериться хаосу, сохраняя при этом веру в упорядоченность и смысл. Это очень серьезная задача..., возможно даже, трагическая".

5.8.1968 Передовая "Правды": "Встречи вновь подтвердили, что мудрое и спокойное, вдумчивое и терпеливое рассмотрение сложных вопросов на принципиальной основе, проникнутое глубокой заботой о коренных интересах мирового социализма и международного коммунистического движения, является оправдавшей себя нормой во взаимоотношениях между социалистическими странами, их коммунистическими и рабочими партиями".

Все ясно. О Чехословакии — ни слова. Замечательно!

6.8.1968 Как и всякую работу, и эту² нужно делать с внутренней заинтересованностью. Мне надо самому

¹ Роман немецкого писателя Г. Гессе (1877–1962), написанный в 1943 г.; русский перевод: "Игра в бисер", Москва, 1969. Цитаты из романа, встречающиеся в записях, даются по этому изданию. В дневнике они приведены в оригинале — Виталий читал роман по-немецки.

² Реферат о "культурной революции" в Китае.

как-то загореться, постараться выяснить для себя, какие же существуют точки зрения на культурную революцию. Это в самом деле интересно, и надо сделать это на высшем уровне.

7.8.1968 Стихи из "Китая на стройке":

К груди приколот вождя портрет,
Наполнил душу немеркнувший свет.
Кто в сердце призыв вождя несет,
В революции тот первый и в производстве
идет.

"Революционные рабочие и служащие проявляли исключительную заботу о нашей учебе. Одни дарили кадрам свои записные книжки с выдержками, ими самими выписанными из произведений Председателя Мао. Другие писали дацзыбао, поддерживая те кадры, кто поднимался на [культурную] революцию, приветствовали его поступок ударами в гонги и барабаны, малограмотным кадрам помогали писать дацзыбао о борьбе со своим эгоизмом, а иные в свободные вечера заходили домой к кадровым работникам, чтобы побеседовать по душам".

19.8.1968 Когда мы гуляли вчера утром, Ина вдруг сказала, вспомнив о своем отдыхе под Истрой: "Как давно все это было! Как быстро проходит жизнь". Никогда не забуду выражения, с которым это было сказано: пережитая боль, печаль и мудрость.

20.8.1968 Я не могу думать обо всем произошедшем только как о несчастье. Это несчастье открыло какие-то глубины и заставило осознать как огромное счастье присутствие Ины в моей жизни. То, что само собой разумелось и как бы не замечалось, стало источником радости. За это заплачена дорогая цена, но я не могу считать это только несчастьем.

23.8.1968 После двадцать первого¹. Все изменилось. Что теперь будет?

25.8.1968 По радио слышал о компромиссе. Чехам придется пойти на уступки, но это — пиррова победа. Безнаказанно такие вещи не делаются.

28.8.1968 После пережитого — чувство пустоты и давящей усталости. Острый период позади, но чувство стыда остается. Надо заставить себя жить и работать.

2.9.1968 Вчера заказали мне статью о Сун Ят-сене [для Философской энциклопедии]. Нужно составить план.

Настроение ужасное. Удушающая жара прибавляется к удушливой обстановке безнаказанного преступления. Впервые после двадцать первого читал газеты. Заповедь чехов: "Мы ничему не научились, мы ничего не знаем, мы ничем не помогаем, мы ничего не прощаем, мы никого не выдаем, мы ничего не забудем".

8.9.1968 Читаю, пересиливая себя, о Сун Ят-сене. Подчеркнуть, что он был первым китайским революционером, по существу находившимся под влиянием Запада и имевшим мало отношения к китайской традиции.

Совершенно не могу заставить себя заниматься: все скучно, на все наплевать. С одной стороны, приятно читать Сун Ят-сена с его оптимизмом, с другой стороны, как-то противно: кажется бессмысленным прекраснодушием; что получилось из его Китая? Можно ли представить себе более омерзительное зрелище? Единственное утешение в том, что подлецы и подонки грызутся друг с другом и друг друга уничтожают.

9.9.1968 Мне надо проникнуться мыслью Сун Ят-

¹ После вторжения советских войск в Чехословакию.

сена о том, что "действовать легко". Написать статейку о нем совсем не трудно. Вся трудность в том, что это слегка противно, но это в конце концов можно преодолеть. Придется здесь, конечно, подпустить классический анализ и сослаться на Ленина, но не слишком. Вообще же личность это безупречная, и поэтому испытывать особые угрызения совести нет основания. Острое нежелание это делать связано с тем, что не хочется писать неизбежные здесь дежурные фразы.

12.9.1968 Кончил вчера Сун Ят-сена, отнес и получил гонорар (51 р.). Весьма кстати. Сегодня попробую купить плащ.

Сегодня я понял причины депрессии, поразившей меня в последние недели. Я просто не знал, что с собой делать — после двадцать первого в самом деле не мог работать, а потом уже настала какая-то инерция этой невозможности, неумение заставить себя работать, общая подавленность, бессилие, ощущение ненужности и бессмысленности всего и в особенности того, чем занимаюсь я. В такие-то моменты мной и овладевает ракофобия. При этом состояние такое, что я панически боюсь пойти к врачу и предпринять какие-то шаги для проверки. Сегодня проснулся, и как-то сразу ясно это стало. Стоит ли идти к врачу? С одной стороны, это как будто не нужно, когда прошел страх. С другой стороны, это победа над страхом. Сейчас настроение рабчее, и не буду терять на это время.

Равновесие оказалось неустойчивым. Стоило Ине сказать, что я худ, как все рухнуло, и я снова погрузился в ад страха. Наконец, после мучительных колебаний, решил записаться к врачу. А теперь, вернувшись (записался на завтра), чувствую нереальность всего этого и вместе с тем продолжающий гнездиться где-то в глубине страх. Попробую вытеснить его чтением "Glasperlenspiel". Интересно, что я все понимаю, но тем не менее не могу от этого избавиться.

В библиотеке полным ходом идет завинчивание гаек.

18.9.1968 Замечательное место о Heiterkeit [ясности, праздничности] в "Glasperlenspiel". Это так относится к папе!

"Этот человек в последние годы своей жизни в такой мере обладал добродетелью ясности, что весь лучился ею, как солнце лучится светом, одаривая всякого своей благожелательностью и жизнерадостностью, своим добрым расположением духа, верой и доверием; и все, кто проникновенно воспринимал это сияние и вбирал его в себя, излучали его дальше на других. И меня тоже осиял его свет, и мне он уделил толику своей ясности и внутреннего блистания..."

25.9.1968 Третий день в Мозжинке. Идет дождь, и довольно скучно. Ходил сегодня вечером гулять по кругу один и думал о том, как плохо обстоит у меня с душой. "Glasperlenspiel" учит вспоминать о некоторых основных человеческих истинах: о том, что жизнь имеет смысл лишь в том случае, если это — служение чему-то или кому-то; о том, что душевное спокойствие и удовлетворение достигается тем, что о душе думают, не оставляют ее в забросе. Я в глубоком душевном кризисе. По-настоящему мне следовало бы поступить подобно исповеднику Иосифу¹, бежавшему от опостылевшей жизни и от опостылевшего занятия. Но куда бежать мне? Ясно, что при тех потребностях, которые у меня имеются, я не могу так легко сняться и уйти. Жизнь не такова, чтобы это было возможно. И все же возможность бегства есть. Это бегство от надоевшей жизни, запряженной в телегу науки, утратившей привлекательность.

Эта наука требует несравненно больше душевных сил, умственных усилий и размышлений, чем работа, с которой я справляюсь шутя. Уйти от этой науки в духовную жизнь, в общение с друзьями, в изучение фи-

¹ Герой вставной новеллы "Исповедник" в романе Г. Гессе "Игра в бисер".

лософии — это может быть равносильно бегству исповедника Иосифа. Подумать только — надо мной не будет висеть эта тяжесть! Я смогу делать то, что хочу!

Те страхи, жертвой которых я стал — свидетельство ужасающего душевного кризиса; если не предпринять чего-то, передо мной встает угроза деградации личности. Задача вернуть себе радость, вернуть спокойствие и достоинство — достаточно трудна. Ведь я как раз в том самом состоянии, которое так хорошо описано Гессе: "Но со временем совсем особый, новый вид греха и соблазна стал отягощать его жизнь все чаще и чаще. То не было сильное, страстное движение, порыв или мятеж помышлений, скорее совсем напротив. Почти неприметное чувство это он на первых порах сносил легко, не испытывая никаких терзаний или нехватки чего-то: это было какое-то вялое, сонное, безразличное расположение духа, которое можно было обозначить лишь отрицательно, некое таяние, убывание и в конце концов полное отсутствие радости... Все меньше ему удавалось отличить утро от вечера, праздники от будней, часы подъема от часов упадка, жизнь тянулась, над ней висела усталость и безразличие".

Из этого-то состояния он и спасся бегством. Я в этом году возлагал тоже некоторые надежды на перемены, на то, что из кризиса мне поможет выйти внешняя перемена. Этого не случилось и в ближайшем будущем не видно. Тогда я решил поставить на докторскую, но эта цель была подорвана изнутри двадцать первого августа. Докторская хороша, если она — побочный продукт занятий, приносящих удовлетворение, но если это самоцель, тогда она способна только опустошить жизнь. Кажется, это частность, но это на самом деле яд, отравляющий все остальное.

5.10.1968 Вчера вернулся из Мозжинки, сегодня был на рентгене, который в какой-то момент внушал мне такой панический страх. Никаких изменений ни в пищеводе, ни в желудке, ни в легких нет. Ясно, что все это — неврозы и психозы. Плохо, что ты под-

даешься таким состояниям. Но после проверки, как это уже не раз случалось, после того, как выясняется, что во всем этом нет никакого объективного основания, мне становится легче с этим бороться.

Последние дни меня поддерживало изречение: "Readiness is all"¹. Я думал о том, что не так важно то, что с тобой произойдет, как то, как ты будешь на это реагировать. А реагировать надо прежде всего бесстрашно, постоянно будучи готовым к самому худшему, к смерти, так, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах она не могла застать тебя врасплох.

7.10.1968 Гагра. Приехал сюда к вечеру после неудачного визита в Пицунду, где мыкался без крыши над головой. Зато научаешься ценить свой дом.

8.10.1968 Второй день в Гагре. Сейчас вечер, пошел дождь. Очевидно, эта влажная жара не для меня: чувствую себя плохо, все время побаливает голова. Купил билет на самолет, отлетающий послезавтра в Тбилиси. Начало путешествия не задалось; что-то будет к концу? Самым хорошим моментом было, когда я в парке увидел всех этих птиц: лебедей, пеликанов, аиста, уток. Они здесь такие оживленные, что приятно смотреть. Пеликаны нежно-розового цвета запросто общаются с людьми, лебеди, черные и белые, исполняют какие-то любовные и военные танцы. Замечательное зрелище было, когда черные лебеди вдвоем подплыли к большому белому и стали кружить вокруг него, нахлывшись, приподняв крылья и выгнув шею буквой S. Белый в свою очередь, принял боевую позу и стал проделывать весьма замысловатые маневры. В конце концов черные вынуждены были убраться восвояси.

Остро чувствую одиночество. Очень хотелось бы рядом видеть и слышать Ину. Читаю Т. Манна, статьи, которые раньше не читал. Когда я увидел, что у него

¹ Готовность — это все (англ.; цитата из "Гамлета").

есть статья о Мюнхене, я понял, что это именно то, что может сейчас утешить, и не ошибся. Чего стоит хотя бы такое место: "Не бойтесь! Истина и разум могут быть подавлены внешне в какое-то черное мгновение — внутри нас они вечно свободны, и пусть с ясных высот искусства насмешливо улыбнется нам дух всепобеждающего абсурда, но не одинокий и всеми покинутый, а в содружестве со всем лучшим, что есть на земле".

9.10.1968 Сегодня сначала сидел в парке в Старой Гагре и дочитывал Т. Манна, *Vom kommenden Sieg der Demokratie*¹. Замечательная вещь, со многими формулировками, которые прямо относятся к моей проблематике. Еще раз убеждает, что истинными предшественниками фашизма были фацзя. Замечательно и то, что Манн говорит о воспитании: "Воспитание — оптимистическое, человеколюбивое понятие. Уважение к человеку неотделимо от него. Противоположное ему понятие, человеконенавистническое, презирающее человека, называется пропагандой".

Потом — неприятный разговор с хозяйкой, жадной и глупой. Надо научиться бороться со злобой так же, как и с страхом. Контролировать свои мысли, не позволять овладевать собой отраве злости.

И все же даже сейчас я чувствую, что не зря поехал — уж очень все другое, мысли, дела, заботы.

22.10.1968 Снова в Москве, дома. Хорошо!

4.11.1968 *Zu gut um wahr zu sein*². Вчерашнее сообщение Бориса [Цукермана]. Всю ночь сегодня не спал,

¹ "О будущей победе демократии" (нем.).

² Слишком хорошо, чтобы быть правдой (нем.). Имеется в виду сообщение о возможности выезда в Израиль. Б.И. Цукерман — физик; известный правозащитник. С 1971 г. живет в Израиле.

думал, мечтал. Неужели правда? Неужели удастся начать жизнь снова, почувствовать себя свободным человеком среди свободных людей? Надо будет завтра пойти в ОВиР¹, выяснить.

5.11.1968 Все это как-то сбило с панталыку. Не знаю, чем заняться. Был в ОВиРе, убедился, что все это — плод Wunschdenken².

19.11.1968 Передали, что в Чехословакии — протесты и забастовки против капитуляции руководства. Какой народ!

Вчера написал (вернее, смонтировал) часть статьи³ для "Литературной газеты", но чувствую неудовлетворенность примитивностью и односторонностью всего этого. Наверно, не надо было браться за это. Но взявшись, надо что-то представить. Конечно, перспектива популяризации своих взглядов должна вдохновлять. Меня она не вдохновляет, более того, вся эта история меня угнетает. Почему? Потому что я не верю в возможность сказать правду в "Литературной газете". Но нужно взглянуть на все это иначе. Нужно стремиться не к тому, чтобы быть напечатанным в "Литературной газете", а к тому, чтобы написать хорошую популярную статью страниц на десять. А будет ли она напечатана — сказать трудно. Даже невозможно. Главное — чтобы не пришлось краснеть за написанное. Да, я не журналист. Писать быстро не умею.

¹ ОВиР — Отдел виз и регистрации (при Министерстве внутренних дел СССР) — учреждение, занимающееся выдачей виз для поездок за границу, в том числе и для выезда в Израиль.

² Принимать желаемое за действительное (нем.).

³ Рецензия на книгу "Книга правителя области Шан", Москва, 1968. Эта рецензия была опубликована в журнале "Новый Мир", 1969, №12, стр. 267–270, под названием "Шан Ян и его идеи".

Главное – не отступать от лица. А я писал с внутренним сознанием, что в этой статье не удастся сказать правду. Далеко не известно, напечатают ли эту правду, но это и не так важно. Решающее – высказать ее в той форме, которая бы меня удовлетворяла.

21.11.1968 Приятное чувство, что кончил статью для газеты, висевшую на мне. Чувствую, что написал то, что думаю, что мне за это не придется краснеть.

Замечательные определения: "Танк – машина братской скорой помощи". "В чем разница между агрессией и братской помощью? Агрессия – когда один нападает на пятерых, братская помощь – когда пять на одного".

11.12.1968 Хотел написать Солженицыну по поводу его пятидесятилетия, но не мог. Как вспомнил набор еврейских фамилий в "Олене и шалашовке", так почувствовал себя не в состоянии писать так, как только и стоит писать такому человеку. Он – лучшее доказательство того, что отсюда надо уходить. Если даже такие люди, как он, не хотят нас, выход может быть только один. И мне кажется, что история этот выход нам даст. Не может быть, чтобы ничего не значили те разговоры, которые идут сейчас. Вопрос только во времени. Проблема столь запутана, что решить ее никому просто не удастся, и на каждый аргумент "за" есть аргументы "против". Но история движется не разумом, и это особенно верно в отношении этой страны. Страхи и страсти – вот что ею движет. И если рациональные соображения ведут к тому, чтобы держать и не пущать, то и страхи, и страсти толкают к тому, чтобы выгнать. Не отпустить – такое решение способно возбудить только негодование простого русского человека – а выгнать. Лучше всего, милее всего было бы, конечно, истребить, но, увы, этого сейчас никому не дано.

Подготовлено ли сейчас руководство к тому, чтобы совершить такой шаг? На этот вопрос ответить трудно – мало информации. Но думаю, что события в Польше

— значительный шаг в этом направлении. Гомулку они ценят, сейчас дружба с ним особенно расцветает, нигде и никогда польские методы не осуждались, и во всяком случае кому-то из верхов может показаться привлекательной мысль пойти по этому пути. Постоянная пропаганда против Израиля нагнетает антисемитские чувства, сейчас постепенно вносится мотив антисемитизма по отношению к западному еврейству. Антисемитские чувства требуют выхода в открытой кампании. При Сталине она должна была завершиться истреблением, сейчас, наверно, изгнанием из страны. Это не только вероятно, это неизбежно. Но то, что кому-то кажется неизбежным злом, для нас, даст Бог, обернется добром.

13.12.1968 Неужели в самом деле с первого января я буду работать уже не здесь?¹ Даже не верится. Н. сказал, что он должен еще написать для меня хвалебную характеристику, чтобы я сразу был зачислен старшим научным сотрудником.

В последние дни читаю Сыма Цяня в переводе Уотсона. Какое замечательное чтение!

16.12.1968 Потрясающая новость. По-видимому, вопрос решен. Во всяком случае, в Израиль выезд происходит при совершенно иных условиях, нежели в другие страны. Посмотрим, что готовит нам будущий, приближающийся год. Слухов много, в том числе и что будут увольнять. Ну что ж, иногда мне даже хочется этого. Как и того, чтобы меня не взяли в ИНАЗ, что в этом плане осложнит положение. И будет больше что терять, и будет известное чувство неловкости перед Н.

19.12.1968 Кончился симпозиум² инцидентом, по-

¹ Речь идет о переходе на работу в Ин-т востоковедения Академии наук СССР.

² "Роль традиций в истории Китая" — симпозиум, проходивший 16–19 декабря 1968 г. в отделе Китая Ин-та востоковедения АН СССР.

началу меня сильно огорчившим. Т. Степугина в заключительном выступлении, конечно, критиковала меня. При этом, ссылаясь на вчерашнее мое выступление, когда я говорил о том, что перевознение легистов и Цинь Ши-хуана не может рассматриваться как изолированное явление, что этому сопутствовало и перевознение Ивана Грозного, Степугина стала длинно и долго говорить о прогрессивности Ивана Грозного, о том, что ее учитель Бахрушин (а она вообще чтит учителей) писал о том, как много сделал этот царь для Русской земли. Из зала уже послышались голоса "Регламент!". Отвечая, я вновь заметил, что здесь имеется определенная закономерность: Муссолини перевозносил Нерона, Гитлер восхищался всеми деспотами и тиранами, и всем известно, кто у нас перевозносил Грозного. "Если Т.В. хочет примкнуть к этой традиции, то это ее дело", — закончил я. В ответ из зала послышался смех. В конце Н. сказал, что надо остерегаться таких бестактных выпадов, которые допустил в запальчивости Виталий Аронович, приклеивая ярлыки, против которых он сам борется. Вообще же можно сказать, что симпозиум был для меня успехом.

30.12.1968 Смотрели вчера замечательный фильм "Дневные звезды"¹. Впечатление огромное. Все время перед глазами лицо Берггольц — Демидовой.

2.1.1969 Гора с плеч! Вопрос решен. Сегодняшний день, оказывается, поворотный день в моей жизни. Теперь смогу целиком отдаться любимой работе. Представляю себе завтра удивление наших! Теперь надо будет вплотную заняться выяснением истории конфуцианства. Да, ничто, оказывается, не пропадает даром.

¹ Фильм "Дневные звезды" (режиссер И. Таланкин) был поставлен по одноименной поэме О. Берггольц (1910–1975). Актриса "Театра на Таганке" А. Демидова — исполнительница главной роли в фильме.

Как-то странно думать о том, как я этого добился: это произошло незаметно. Просто я стал думать над тем, что мне показалось интересным в древнекитайской философии. Началось это с 1963 года, т.е. пять лет назад. С этого времени мои интересы повернулись от истории к философии, к тому, что живо, что не умирает. Помню, как я в 1963 г. читал Мо-цзы, как искал формулировку его специфики. Разрешение этой загадки я нашел не так давно, уже в этом году.

3.1.1969 Вчера вечером слышали запись новой главы о Сталине¹. Замечательно!

4.1.1969 Сегодня я гунеядец — не в библиотеке и еще не в Институте.

Ночью думал о том, как интересно было бы написать о проблеме секретности в древнекитайской политической мысли. Получается занятная картина. У Шан Яна мысли о секретности не было. У него, напротив, как будто было даже некоторое стремление к публичности, настояние на том, чтобы законы были известны всем. Выходит, что так-таки даосизм внес элемент секретности, скрытости в легистскую теорию.

7.1.1969 Вчера все окончательно решилось. Я перехожу! Как был бы рад папа, которому через несколько дней исполнилось бы восемьдесят лет.

Думал вчера о том, нужно ли скорбеть в день восьмой годовщины его смерти. Конечно, воспоминания о днях, когда он умирал, навсегда останутся в моей памяти; ощущение жизненной катастрофы, безрадостности, ненужности всей дальнейшей жизни меня долго еще не покидало. И все же я всегда понимал, что главное завещание его мне — радость, радость, которую он дарил всем вокруг, которая освещала всю мою жизнь.

¹ Магнитофонная запись отрывка из романа А. Солженицына "В круге первом", начитанная им самим.

Я много раз думал, в чем источник этой радости, и мне кажется, что он не только в одухотворенности, в творческом горении, в обилии мыслей, творческих планов, прозрений, но и в завещанной нашей религией благодарности Творцу за жизнь, в ощущении ее как счастья. Можно ли этому научиться? С одной стороны, как будто, это атмосфера, которой дышали с детства. Но если это так, то через папу ко мне дошла эта атмосфера. Конечно, надо было уметь воспринять ее, почувствовать, оценить, и в какой-то мере все это пришло уже *post factum*. Но теперь, когда я думаю об этом, я вижу это очень ясно.

К этому источнику радости и силы ты должен обращаться в минуты упадка, уныния, депрессии. И хотя к тебе не перешел удивительный характер папы, его дар сохранить до самой смерти свежесть восприятия и чувств ребенка (я часто думал, что это и отличает людей талантливых; в этом, может быть, глубокий смысл китайского цзы¹), но и ты можешь воспитать в себе умонастроение бодрости, прития жизни, оптимизма. И это лучше всего начать тогда, когда удача тебя окрыляет.

8.1.1969 Итак, теперь нужно продумать план своей работы. Думаю объявить на три года тему "Развитие политической мысли в Древнем Китае".

12.1.1969 Вчера² очень хорошо говорил Л.Т. Первое, что он отметил, что в папе было все лучшее, что

¹ Иероглиф цзы (子) в классическом китайском языке означает, с одной стороны, "сын, дитя", с другой – "мудрец". Во втором значении он употребляется как составная часть в собственных именах, например, Лао-цзы, Мэн-цзы и др. Это двойное значение и имел в виду Виталий в своей записи.

² Вечер памяти отца Виталия, А.И. Рубина, отмечавшийся в семье Рубиных в кругу близких друзей. А.Г. Габричевский (1891–1968) – литературовед, историк искусств, переводчик.

бывает в детях. Это заставило его устыдиться своей старости (а ему было тогда, когда он познакомился с папой, в 1951 году, немногим больше двадцати). Затем — об эрудиции. Такой он не встречал ни у кого, и это делало общение с папой для Л.Т. несколько тягостным. Конечно, папа ни в коем случае не стремился к этому, более того, Л.Т. прекрасно сказал о том интересе, который папа испытывал к каждому человеку, и очень живо описал, как книги, которыми папа был обложен, уходили куда-то, удалялись, когда появлялся человек. И ясно чувствовалось, что это не вежливость, не насилие над собой, а истинный, неподдельный интерес.

В папе совершенно отсутствовала всякая бутафория — тут Л.Т. говорит о Габричевском, о бутафории, свойственной ему. Он никогда не обращался к аргументу своей многоопытности, того, что он "раньше родился". И в заключение — очень занятный спор между папой и А.И. Неусыхинным о современной идеологии. В ответ на замечание папы о том, что это по сути дела, религия, А.И. ответил, что тут нет элемента чуда. Л.Т. заметил здесь, что он ясно почувствовал в словах А.И. человека, закончившего гимназию — система во всем. Папа же — здесь чувствовалось, что он сам себя образовал, что он ни в чем не следует от кого-то воспринятой системе. И он сравнил их с поездом, мчащимся на всех парах по проложенным рельсам, и свободно летящим над ним самолетом.

Потом Лена добавила, что наверное, папа был особенно нужен А.И. именно потому, что он [А.И. Неусыхин] особенно взрослый и как будто никогда ребенком не был.

Я жалею, что не сказал о том, какую роль в моей жизни сыграла эта колоссальная эрудиция, гений папы. Я, правда, рассказал, что еще долго после папиной смерти я, видя новую и интересную книгу, испытывал подсознательную радость при мысли о том, что я расскажу об этом папе, и потом только вспоминал, что его уже нет. Но, кроме того, мое решение избрать Китай

как предмет изучения было вызвано отчасти тем, что я видел, что за что бы я ни взялся другое, папа шутя решит проблемы, над которыми я буду биться. И вот в поисках чего-то своего, недоступного для него я и набрел на Китай.

14.1.1969 Итак, кончился пятнадцатилетний период работы в библиотеке. Вернее, больше, чем пятнадцать, пятнадцать лет и шесть месяцев. Может быть, я мог бы успеть за это время и больше, но все же можно сказать, что время не совсем потрачено даром. Я как-то думал, что, если бы я не был аутсайдером официальной науки, возможно, я бы не сумел так выдвинуться со своим собственным направлением, я бы вынужден был вариться в котле мелких "научных" дрызг и на меня можно было бы оказывать больше давления. Не думаю, правда, что я превратился бы в Степугину в штанах, но все же мне трудней было бы оторваться от привычных и поначалу казавшихся незыблемыми схем. Помню, как сначала, когда я впервые предложил новый подход к древнекитайской мысли, мне делалось страшновато подчас: ведь я выступал против линии, "освященной" писаниями без малого сорок лет.

Папа шутя благодарил тов. Сталина за то, что занялся средневековой философией и изучил столько языков. Это было тридцать лет назад, в жуткое время, когда железные оковы были надеты на мысль. А теперь даже я, пигмей по сравнению с ним, сумел выступить со своей концепцией, и мне не удалось зажать рот.

Вчера делал доклад "Западные отклики на культурную революцию" на семинаре в Отделе. Прошел неожиданно хорошо, со многими вопросами и оживленными прениями. Приятно, что с этого удалось начать здесь свою работу. В общем, на сорок шестом году жизни все стало складываться удивительно удачно, тьфу, тьфу, не сглазить. Вернее будет сказать, что отступили преследовавшие меня неудачи. В самом деле, за последние полтора года куда только ни пытался я перейти, и всю-

ду все срывалось. В ИМЭМО и Институте этнографии, вероятно, из-за банального антисемитизма, в ИДВ [Ин-т Дальнего Востока] по "особым" основаниям, и, наконец, в Институте философии – по причине того, что я племянник своего дяди [экономиста И.И. Рубина]¹.

19.1.1969 Вчера пропивали с китайцами мое новое место.

Надо решить, на чем сейчас сосредоточиться – на статье об утопических идеях или на продолжении работы о даосах. Как всегда, когда начинаю новую тему, работать трудно. В то же время мне кажется, что можно будет провести интересную мысль – утопия как утопия машины. Очень ясно наметился сейчас поворот общественной мысли от утопии. Поистине, людьми овладевает отвращение к утопизму. Это и должно лечь в основу статьи.

29.1.1969 "Знание меры. Зная круговращение небесного пути и взаимозависимость счастья и несчастья, я имею в своих руках важнейший метод определения своего жизненного пути, заключающийся в том, что я знаю меру. Ибо находиться высоко – это значит подвергаться опасности, и беря, легко потерять. Поэтому Лао-цзы говорит: 'Держать кубок и одновременно наполнять его – лучше этого не делать! Ощупывать лезвие и одновременно точить его – это долго продолжаться не может'"².

До чего же хорошо! В этом смысле и я – даос, ибо предпочитаю делать что-то лишь до тех пор, пока это доставляет удовольствие, и не перенапрягаться.

11.2.1969 Вернулся вечером из Весъегонска, где хо-

¹ См. прим. на стр. 7.

² Цитата взята из книги американского китаиста Сяо Гун-цюаня по истории китайской политической мысли, которую Виталий читал по-китайски.

ронил дядю Леву¹. Сначала, когда я приехал, казалось, что это будет кошмарным ожиданием возвращения: мрачный холодный дом, переполненный незнакомыми мне людьми, главным образом старухами. Но оказалось все не так. Настина сестра Галя оказалась очаровательной, умной и чувствующей женщиной; интересно было познакомиться и с сыном Левы Володей. Сам образ Левы теперь у меня другой: мне кажется, я видел неподдельную любовь к нему людей, живших с ним рядом. Эта любовь не могла не быть заслужена его добротой, мягкостью, отзывчивостью. По мере того, как я входил в жизнь этих людей, они делались для меня все интереснее.

18.2.1969 Теперь надо подумать все же о статье "Секретность". Государство, построенное на такой основе, как легизм, не могло не использовать самым широким образом обмана и лжи. Надо всю тему секретности раскрыть так, чтобы она приобрела особенно современное звучание. Здесь, с одной стороны, надо противопоставить стелы Цинь Ши-хуана его реальным действиям; вывод: государство Цинь было построено на лжи.

И еще мне пришла в голову мысль, что не стоит избавлять Шан Яна от виновности. Правда, Шан Ян в своем максимализме как будто о секретности не думал (мало того, он даже настаивал на публикации законов). Но, во-первых, такой циничный аморализм утопичен — вспомним о том, что при всем своем аморализме гитлеровцы не говорили прямо об уничтожении евреев. Во-вторых, система оболванивания народа создавала великолепные условия для секретности.

Так, вся проблема приобретает совершенно новое звучание.

¹ Лев Саулович Бахмутский, брат матери Виталия. Настя — жена Л.С. Бахмутского.

19.2.1969 Звонил Ю., предлагал сотрудничать в радиокомитете. Я ждал этого звонка и уже заранее решил отказаться, и очень рад, что так и сделал. Зачем мне все это политиканство? Хватает "Литературной газеты".

Итак, секретность... Мне не ясно еще, имеет ли право на существование само понятие. Дело в том, что проблема секретности упирается в конце концов в open society¹. Само слово "секретность" имеет неясный смысл, который, несомненно, нуждается в разъяснении. Тут очень легко впасть в некоторые банальности. Так, одна из них состоит в том, что вообще всякое житейское общение должно обладать какой-то мерой секретности (я не говорю одному человеку о том, что мне сказал о нем другой и т.д.). Поэтому здесь нужно прямо подчеркнуть, что речь идет не о секретности вообще, а о специфической секретности. Другая банальность — каждое государство должно строиться на каком-то засекречивании. Мне, именно исходя из этого, могут возразить: "Послушайте, но это же государство!" Что же касается возражения конфуцианцев, то можно сказать, что они не понимали, что такое государство.

20.2.1969 Бердяев о равенстве ("Мировоззрение Достоевского"):

"Равенство возможно лишь при деспотизме. И когда общество устремляется к равенству, оно неизбежно должно придти к деспотизму. Стремление к равенству, к равному счастью и равной сытости должно привести к величайшему неравенству, к тираническому господству незначительного меньшинства над большинством".

13.3.1969 Все больше сведений об отъездах, и все упорнее об этом думаю. Но все же сейчас предприни-

¹ Открытое общество (англ.).

мать что-либо было бы еще рано. Надо посмотреть, будут ли выпускать из Москвы. М. считает, что отъезжать могут, как правило, лишь лица без высшего образования.

24.3.1969 Смотрел [фильм] "Служили два товарища". Хорошо. Р. Быков тонко поддал пролетария с его гнусной классовой ненавистью и плебейством, с примитивными надеждами.

27.3.1969 Конечно, взаимоотношение этих течений (даосизма и легизма) очень своеобразно. Может быть, в связи с тем, что у легистов не было никакого своего образа человека, даосы не видели в них противника. Борьба велась не между даосами и легистами (гнусность легизма была даосам настолько ясна, что не могла составлять предмета спора), а между даосами и конфуцианцами, поскольку здесь боролись между собой два идеала человека, два пути, каждый из которых имел за собой серьезные аргументы. Как сейчас, когда может быть спор с марксистом, но не может быть спора со сталинистом.

Не могло быть и речи о том, чтобы древние даосы были сторонниками репрессивного управления. Можно ли отсюда сделать вывод, что точка зрения, согласно которой вся политика является злом, помогает злу в политике? Это, мне кажется, так. Конечно, это неучастие во зле, но в то же время и неучастие в сопротивлении злу.

1.4.1969 Тридцатого марта был на новоселье у М.К., и С. позволил себе некоторые шутки по отношению к евреям, прозвучавшие весьма неприятно. Вчера я дал ему ясно почувствовать, что не считаю его больше своим другом. Он уже до этого разговаривал в таком тоне, что было видно, что он сам понял, что перешел меру. С известной точки зрения подобные вещи — мелочь. Я знаю, что С. человек хороший, и это его не характеризует вообще. Но чувство где-то кладет пре-

дел рациональному подходу. Я чувствую обиду, а это значит, что в пределах порядочности я могу эту обиду выразить.

6.4.1969 Читал сегодня о Малере, потом слушали 2-ю симфонию. Слушал не очень хорошо: все думал о работе. У меня не так, как у Э.: по-настоящему думается мне с пером в руках, в метро и в автобусе ничего создать я неспособен.

Малер, конечно, был гений, наделенный колоссальной энергией. Ты же должен думать о том, что ты можешь сделать со своими скромными, совсем не гениальными способностями и более чем скромной работоспособностью. Работа над даосизмом пока не очень клеится, ибо я не сумел еще найти подхода, который бы меня заинтересовал. Сегодня на концерте мне пришла в голову мысль, что интересно было бы провести исследование дао, его значения у Конфуция и даосов, а когда вернулись, нашел в почтовом ящике письмо от Кейтли¹, из которого узнал, что японец Kondo Yasukobu, живущий в какой-то глуши, в префектуре Aichi, заинтересовался этой же проблемой. Обязательно свяжусь с ним.

8.4.1969 Вечер. Смотрели [фильм] "Молодой мистер Линкольн". Какая благородная вещь, и как замечательно играет Генри Фонда. И как показывает, что такое демократия, как она развивает народ. Ведь он слышит уже не мерзкие подстрекательские призывы, а голос разума и совести. За нами сидели отец с сыном — мальчиком лет десяти, и когда Линкольн уговаривал разойтись толпу, рвавшуюся линчевать заключенных, он сказал сыну: "Видишь, не криком, а призывом думать". Но нам до этого далеко. Я подумал о замечательной роли адвоката в демократическом обществе, о той полной глубокого значения борьбе, которую он

¹ D.N. Keightley — американский китаист.

ведет. И адвокат у нас — либо жалкая фигура, либо борец, дело которого заранее проиграно...

А теперь, вечером, сижу в Ленинской библиотеке и читаю статью о Сухово-Кобылине. Неплохо писал он об этой стране: "Богом, правдой и совестью оставленная Россия — куда идешь ты в сопутствии твоих воров, негодяев, скотов и бездельников" ("Вопросы литературы", 1969, №2). Идти, впрочем, теперь уже не так долго.

"При рембрандтовском зловещем освещении глухая ночь. Рак чиновничества, разъевший в одну сплошную рану великое тело России, едет на ней верхом и высоко держит знамя прогресса".

9.4.1969 Чтение "Лао-цзы" наталкивает на некоторые мысли о китайской философии вообще. Философия по смыслу самого слова "любовь к мудрости". Была ли у китайцев любовь к мудрости? Мне кажется, нет. И самое теоретическое их произведение — "Лао-цзы" — тоже, как я теперь вижу, представляет собой сборник наставлений.

12.4.1969 Из Бердяева:

"Исключительная направленность сознания на общество, на необходимость его радикального изменения приводит к забвению самой человеческой личности, полноты ее жизни, ее права на духовное содержание жизни".

Параллель — Мо-цзы. Проблема общества окончательно подменяет проблему человека.

17.4.1969 Случилось, наконец, то, что должно было случиться¹. Хорошо, что это произошло после того,

¹ Первая запись, относящаяся к "проработке" за так называемое "подписанство" (см. примечание к 26.3.1968). И.С. Казакевич — секретарь парторганизации ин-та; Гирс — председатель профкома ин-та; Вартанян — сотрудник ин-та, заведующий так называемым научно-техническим (на самом деле — военным) отделом. Этот отдел считается секретным.

как я перешел в ИНАЗ, а не до. Об этом так прямо и сказал Казакевич ("мы жалели, что мы не знали об этом раньше").

Вызвали меня к 11.30. Беседу вели Казакевич, Гирс и еще какой-то тип, особенно подлый. Началось все с того, что Казакевич спросил меня, подписывал ли я одно из писем по делу Гинзбурга. Я ответил, что да; тогда он показал мне какую-то книжонку, изданную чем-то вроде какого-то "Союза за освобождение России", и спросил, как я отношусь к тому, что это там опубликовано. Я ответил, что сожалею. До этого еще седой мерзавец спросил, кто мне давал подписывать этот протест, было ли в ФБОН [Фундаментальная б-ка общественных наук АН СССР] целое движение или это мне дали индивидуально. На это я ответил, что подписал я это индивидуально, никакого движения я не заметил, а кто давал подписывать, говорить не буду и фамилий никаких здесь не назову. Это, как я думаю, задало тон всему остальному разговору. Я думаю, что они сразу поняли, что ничего от меня не добьются, и по сути дела и не добивались. Казакевич произносил неопределенные угрозы вроде того, что они "не дадут пачкать имя института", и сетовал на то, что я не "отмежевался". После этого он сказал, что вызовет меня еще, предложил подумать и отпустил. У мерзавца, конечно, был вопрос: "Как вы относитесь к событиям в Чехословакии?" — "На этот вопрос я отказываюсь отвечать", — ответил я. "Ну что же, — заметил Казакевич, — сам отказ весьма красноречив".

Что дальше? Могут ли они перевести меня в младшие научные сотрудники? Б. считает, что это сделать будет трудно: для этого нужно, чтобы против меня проголосовало большинство ученого совета. Неизвестно, выйдет ли это. Нужно же будет какое-то основание, а то, что сейчас, слабовато.

Но какие кретины! Неужели они рассчитывают кого-то запугать элементарными трюками с эмигрантским органом? Расчет на кретинов. Беспокоит меня только Ина. Надеюсь, что их парторганизация не про-

явит такого рвения. Посмотрим.

Вечером. Мерзавец был Вартанян. Все понятно. Был Л.П.; он угнетен и напуган, ожидает всяких тяжелых последствий. Думает, что они, возможно, специально созовут ученый совет, чтобы понизить меня из старших в младшие. Оказывается, я далеко не одинок: со мной то ли шесть, то ли десять человек.

Л.П. считает неправильным то, что я отказался ответить на вопрос о Чехословакии. Конечно, у нас разные критерии; с точки зрения самосохранения, карьеры и т.д. он прав. Но у меня другой исходный пункт, другая установка. Если бы я ответил иначе, я предал бы все, что есть во мне лучшего; я стал бы сам себе противен.

Смотрели замечательный [японский] фильм "Женщина в песках"¹. Из-за этого стоило ходить на весь фестиваль, в котором было показано так много дряни.

Бердяев: "Война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе". Очень хорошо для эпохи Чжаньго.

Интересно для Мо-цзы: "Л[енин] не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека, верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального человека, не нуждающегося более в насилии".

У Мо-цзы этого не было.

Так и М[аркс] верил, что новый человек фабрикуется на фабриках.

19.4.1969 Бердяев: "Личность есть духовно-религиозная категория и означает задачу, поставленную перед человеком... Личность не может быть частью чего-

¹ По одноименному роману Кобо Абэ.

либо, и не только общества, но и мира, она есть целое”.

Невольно возвращаешься мыслью к этой истории [17 апреля]. Я думаю несколько изменить тактику и постараться все обратить в более спокойное русло. Познакомиться с ними, узнать их имя-отчество, попросить дополнительных сведений об этом обществе, спросить, думают ли они, что оно представляет опасность, сколько в нем человек и т.д. И сказать, что поскольку гарантии от того, что кто-либо это снова опубликует, нет, а кроме того, ведь могут еще опубликовать и документ об отмежевании и из него тоже сделать какие-то выводы, то подобная акция представляется бессмысленной.

Бердяев: ”Новый человек будет лишь в том случае, если человек имеет измерение глубины, если он есть духовное существо, иначе вообще человека нет, а есть лишь общественная функция. Человек в своем измерении глубины причастен не только времени, но и вечности. Если человек целиком выброшен в процесс времени, если в нем нет ничего от вечности и для вечности, то образ человека, образ личности не может быть удержан.

Человек, охваченный аффектом ненависти, не может быть обращен к будущему, к новой жизни. Только любовь обращает человека к будущему, освобождает от тяжелой скованности прошлым и является источником творчества новой, лучшей жизни”.

Такие истории, как четверговая, далеко еще не конченная, конечно, здорово выбивают из колеи. Все же заставить себя работать нужно.

20.4.1969 Были сегодня в Архангельском. Обедали в очень приятном ресторане, смотрели чудесный музей в церкви.

Я думаю, что если будут угрожать увольнением, то надо вспомнить армянскую пословицу ”Страха больше, чем смерти”. Иначе говоря, страх смерти страшнее самой смерти. Тем более увольнения.

Говорил с Л.П. Все еще не ясно, куда повернется.

По сведениям, и О-н, и Л-в — люди в высшей степени достойные. Следовательно, я никак не могу остаться в одиночестве. Ну, а остаться среди "козлиц", пожалуй, даже почетно. Некоторые интерпретируют это как желание кого-то фабриковать "дела". Многое зависит от позиции директора.

Надо заставить себя читать "Чжуан-цзы".

22.4.1969 Вчера был Миша Занд¹, и, как всегда в его присутствии, я чувствовал подъем и радость. В разговоре с ним передо мной открылась еще одна возможность тактики активной обороны. Очень важно указание на постановление ЦК от сентября 1967 года о том, что письма трудящихся являются наиболее эффективной формой связи и общения масс трудящихся с руководством.

Но сейчас хочется заняться настоящей работой — писать.

23.4.1969 Утром были на телебашне. Очень интересно и красиво.

Постановление ЦК "Об улучшении работы по рассмотрению писем и организации приема трудящихся" ("Правда", 7.10.1967). В постановлении говорится, что "письма трудящихся являются одной из важных форм укрепления и расширения связи партии с народом, участия населения в управлении государственными делами, средством выражения общественного мнения, источником информации о жизни страны..."

"Обращаясь с письмом, жалобой, ...советский человек выступает не в роли бедного просителя, а в роли хозяина страны по данному ему конституцией праву. На законном основании он требует, чтобы его письменное или устное обращение в любой орган, к любому лицу рассматривалось как дело сугубо важное..."

¹ Востоковед, друг Виталия. С 1971 г. в Израиле, профессор Иерусалимского университета.

По праву хозяина советский человек критикует ошибки, недостатки, критикует их виновников”.

25.4.1969 Я продумал для себя речь, которую я скажу на собрании. Это меня как-то успокоило. Вчера был, по-видимому, решающий день. Конечно, возможны всякие неожиданности, но все же трудно полагать, чтобы со мной еще раз говорил партком.

Началось это с того, что меня пригласили на партком (как выяснилось, он был сразу после дирекции) и стали искать Н. Его не было — будучи человеком умным, он предпочел уйти в Отдел, чтобы ему не пришлось ”реабилитировать” себя при помощи различных вопросов ко мне. Потом стали звонить А., но и его не нашли. Я в это время сидел в кресле и читал, подчеркивая этим свое безразличие к происходящему.

Наконец, Казакевич начал. Говорил он в тоне, который сразу показал, что дело идет к спаду. Сказал, что это заключительная беседа (что меня сразу обрадовало), что дело будет передано на рассмотрение парторганизации отдела. Выдающуюся роль при этом допросе сыграл Солнцев¹. Он стал спрашивать меня, почему я решил, что суд был неправильным, и когда я ответил, что у меня была такая информация и что жалоба является конституционным правом советского гражданина, он ответил, что это не относится к клеветническим жалобам. На это я возразил, что обвинение в клевете по существу является уголовным обвинением, и если в самом деле имела место клевета, то это подсудное дело. ”Ну, вы же интеллигентный человек, — заметил тогда Казакевич, — что вам суд, разбирающий дело о подштанниках; для вас должно быть важно мнение вашего коллектива, а не суда”. Потом они пришли к выводу о том, что это ”объективно клеветнический до-

¹ В.М. Солнцев — член парткома ин-та, специалист по китайскому языку; Кошкин — заведующий отделом кадров ин-та; Гафуров (1908—1977) — директор ин-та.

кумент”, и хотя явная бессмыслица всех этих разговоров была очевидна, я решил промолчать. Вообще, я понял, что каждое, даже самое безразличное выражение, может быть здесь использовано против меня (как уже и было с ”внутренним сожалением”), и поэтому решил говорить как можно меньше, не давая им таким образом материала.

Последним вопросом, опять-таки исходящим от Вартаняна, был вопрос о Чехословакии. Но тут уж я был готов. Я ответил, что вообще не специалист по Чехословакии, но уж если он меня спрашивает, готов ответить, что там за последнее время происходил процесс нормализации, и я отношусь к этим событиям, как все честные люди, как вы, вероятно, к ним относитесь. Попытка вызвать меня на дальнейшую откровенность не дала ничего: я повторил то, что сказал, и они от меня отстали. Тем более, что, как я потом подумал, он мог это понять как намек на то, что и он думает то же, что я, и предпочел от этой темы уклониться.

Как я потом узнал, ”ястребы” во главе с Кошкиным требовали уволить всех, но Гафуров сказал, что это ”не серьезно”, и потом несколько человек выступили с тем, что нас надо ”перевоспитывать”. На том и порешили.

27.4.1969 Какая-то вялость, усталость. Надо все же заставить себя заниматься. Я ни под каким видом не должен дать повод к увольнению в связи с невыполнением плана. Между тем, конечно, мысли все время идут не туда.

Самосожжение в Риге¹ — имеет ли это смысл? И дало ли бы что-нибудь коллективное самосожжение? Народ настолько обеднел и оскотинился под стать своему

¹ Имеется в виду попытка самосожжения, предпринятая как акт протеста против вторжения советских войск в Чехословакию. Этому предшествовало самосожжение в Праге студента Яна Палаха осенью 1968 г.

правительству, что, думаю, никакого бы эффекта это не дало. Осталось бы, конечно, в истории, как саможжение Яна Палаха, но реальных результатов не дало бы. А жизнь хоть сейчас как будто мне не очень дорога, но в такой солнечный день расставаться с ней не хочется.

Назло всем надо бы сделать доклад "Даосизм и легизм" в секторе.

28.4.1969 Сейчас начнется собрание сектора, посвященное пятилетнему плану, на котором я собираюсь произнести речь о необходимости изучения традиций борьбы против деспотизма, традиций нонконформизма в китайской истории.

1. Внести в качестве первоочередной задачи изучение китайской политической традиции. Вопиющий недостаток пропаганды — провозглашение всего китайского плохим. Тем самым мы отталкиваем от себя те слои китайского народа и китайской интеллигенции, которые могли бы быть нашими союзниками. Не случайно Ван Мин в своей работе о Мао упомянул о том, что это новый Цинь Ши-хуан, уничтоживший конфуцианцев.

2. Мы должны настаивать на том огромном значении, которое это сейчас приобретает. Я считаю, что это именно наша задача, никто, кроме нас, решить ее не в состоянии, не в состоянии и взяться за ее решение. Поэтому сейчас, как мне кажется, руководство сектором должно проявить максимальную активность в борьбе за ставки; нам нужны люди, которые бы занимались изучением прогрессивных, тираноборческих традиций китайского народа, гуманистического мировоззрения, сложившегося там уже в древности.

4.5.1969 Я подумал сегодня о том, что принадлежность к элите, в которую я включен своей смелостью и волей обстоятельств, ко многому обязывает. Прежде всего к бодрости, к тому, чтобы показывать пример.

Собрание отдела предстоит, очевидно, дней через

десять. По существу, я уже готов к этому.

14.5.1969 Сажу на работе, и все как-то противно и нудно. Меня спрашивали уже несколько раз, не жалею ли я, что ушел из библиотеки. Но я не жалею: *Qui ne risque rien, ne gagne rien*¹. И в библиотеку я уже никогда не вернусь: меня в последнее время охватывало там состояние безнадежности. Я чувствовал себя там прикованным материальной необходимостью к этому месту, без всякой надежды на освобождение. Если меня уволят отсюда, буду подавать заявление в ОБиР.

16.5.1969 Из всего, что происходит, можно извлечь все же утешительный вывод: злоба сочетается с глупостью. Вчера узнал о заседании парткома. Я вновь фигурировал как "закоренелый", на этот раз с такой мотивировкой, что это видно было по моему взгляду и по тому, что я в какой-то момент разговора побледнел. Занятно! Вывод о наличии организации был сделан из того, что все держались одинаково. Л-ва решили дальше не мучить, боясь, что он может умереть. Вообще же собрание отдела предстоит. Вопрос только, когда.

19.5.1969 Начали читать изумительную книгу В. Набокова "Приглашение на казнь". Вижу в ней нечто совершенно иное, нежели то, о чем говорится в предисловии: ситуацию человека среди морд; ситуацию, в которой вижу много общего с тем, что происходит сейчас со мной. И как всегда, когда сталкиваешься с ярким талантом, испытываешь чувство освобождения, почти счастья.

21.5.1969 Вчера кончили "Приглашение на казнь". Поразительная книга, и меня удивляет только, почему

¹ Кто не рискует, тот не выигрывает (франц.).

я раньше ничего об этом не слышал. Это противопоставление человека миру кукольной бутафории, эта тоска одиночества, безответности в этом мире, эта удивительная уверенность Цинцинната в том, что смерть — лишь переход в другое состояние, напомнившая мне "Чжуан-цзы", но с той огромной разницей, что здесь сохраняется личность, где-то в высшем мире торжествующая над жалкой бутафорией "жизни". И еще раз — мысль о ненастоящести, слабости зла. "Все минуется, только правда останется". Как мне напомнили его разговоры с адвокатом и пр. те "беседы", которые велись Казакевичем и К° со мной за последний месяц! Сходство подчас почти текстуальное. Например, когда адвокат приходит к нему, обеспокоенный пропажей запонки, и Цинциннат говорит ему: "Оставьте манжету и попробуйте сосредоточиться", то адвокат "проговорил жалобным голосом: 'Вот за этот тон...' — 'Меня и казнят', — сказал Цинциннат".

Замечательно говорит Цинциннат: "Я окружен какими-то убогими призраками, а не людьми. Меня они терзают, как могут терзать только бессмысленные видения, дурные сны, отбросы бреда, шваль кошмаров — и все то, что сходит у нас за жизнь. В теории — хотелось бы проснуться. Но проснуться я не могу без посторонней помощи, а этой помощи безумно боюсь, да и душа моя обленилась, привыкла к своим тесным пеленам".

Конец: "Все расплзлось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему".

Из предисловия Дж. Мойнагана:

"Цинциннат признан виновным в преступлении, которое вовсе не преступление — в том, что он — личность. Он думает по-своему — к этому и сводится его гносеологическая 'гнузность'. Во-вторых, режим — со-

вершенно комический по несозидательности своей и полной глупости власть имущих зиждется на одном-единственном, монолитном и нечеловеческом принципе, принципе всеобщего и неперменного сотрудничества и соучастия. Так, защитник сотрудничает с обвинителем, а судья с ними обоими. От осужденного, в виде предельного надругательства, спрашивается, чтобы он 'соучаствовал' в собственной же гибели: плясал с тюремщиком, благодарил директора тюрьмы за превосходные условия содержания, удивлялся сноровке своего палача и спешил, наконец, на собственную казнь, как если бы он был приятно польщен 'Приглашением на... танец'".

Мойнаган не заметил еще одного: что главной фигурой в этом обществе, с которой все сотрудничают, является палач м-сье Пьер.

27.5.1969 Позвонил Н., дал задание написать справку на пятнадцать-двадцать страниц: "Идейно-организационные принципы чанкайшистского гоминдана (1926—1949 гг.)". Мысль — подчеркивание авторитарности гоминдана.

Интересно, в какой связи это находится со всей историей, произошедшей в последний месяц. Не вознамерился ли Н. им доказать, что я нужен? Думаю, что да. Ну что же, это плата небольшая.

31.5.1969 Думал в последнее время о ситуации. Все же борьба, которую ведут твердолобые, безнадежна. Ибо она ведет в тупик. Ее опора — тупость, оболванивание. Уже сейчас эти милые люди сделали нас во всем, кроме человекоубийства, глухой провинцией. Но у них уже нет сил для того, чтобы повелевать всей интеллигенцией, она выходит из-под контроля, и без запугивания, без террора здесь ничего не поделаешь. Свидетельство их бессилия — продолжающееся существование "Нового мира", журнала, фактически проводящего линию, идущую вразрез со всеми установками. А обстановка в "Народах Азии и Африки"?

1.6.1969 Я как-то потерял нить. С даосизмом надо кончать. Он, в общем, меня все же не очень интересует. Этот доклад я сделаю. В целом ясно, что в отношении древнего даосизма нужно ограничиться утверждением его принципиального отличия от легизма. Что же здесь дать?

Начну, пожалуй, с краткой характеристики изучения даосизма у нас. Дам обоснование недостаточности определения даосизма как материализма, накладывающего на древний даосизм чуждую ему проблематику: что первично, что вторично. Мне кажется, что на самом деле даосы понимали дао как первопричину и сущность вселенной; если бы им был задан вопрос, материальный или духовный характер носит дао, то они, вероятно, скорее ответили бы, что оно духовно, ибо то, что невидимо и что невозможно услышать, что к тому же невыразимо, вряд ли может считаться материальным. Скорее оно духовное. Но дело в том, что сами даосы себе этого вопроса не задавали. Поэтому провозглашение их материалистами по существу представляет собой причисление их под общую с древнегреческими философами гребенку. Между тем, задачей исследователя, как я ее понимаю, не является непременно отнесение мыслителя к одной из уже известных категорий. Мне кажется, что, изучая мыслителя, надо прежде всего попытаться выяснить, что собственно он говорит, какие вопросы себе ставит и как на них отвечает, какие создает концепции и как эти концепции относятся друг к другу.

В лице даосизма мы имеем самую трудную, сложную и таинственную идеологию Древнего Китая. Ее нельзя сравнить ни с конфуцианством, ни с легистско-моистским направлением. И то, и другое легко расшифровываются уже в силу того, что они в принципе рациональны, в то время как даосские сочинения в принципе иррациональны. Всем известно, что "Дао-дэцин" начинается с фразы о том, что дао, о котором можно что-то сказать, не есть настоящее дао. Они направлены на выражение принципиально невыразимого,

того, что лежит в основе мироздания, но не поддается ни восприятию чувствами, ни пониманию рассудком, ни выражению словами. Даосы в принципе отвергают всякую логику, и это заранее обрекает на неудачу всякую попытку сформулировать логически их систему. Она полна противоречий, но эти противоречия как бы и составляют конституирующий принцип их мировоззрения.

10.6.1969 Вчерашний доклад оставил у меня хорошее впечатление. Конечно, самому трудно судить, но это подтвердила и Аня Г. Меня пригласили в МРД¹ прочитать доклад у них. Чего я безусловно добился: разоблачения легенды о том, что даосизм — материализм. Но, конечно, не это было моей целью. Самым интересным моментом мне казалась интерпретация увэй [бездействие], но, к сожалению, как раз на это меньше всего обратили внимание. Н.Ф. объяснила это так, что поскольку я сказал об этом к концу, внимание присутствующих было так перегружено тем, что я сказал ранее, что на это их уже не хватило. Может быть.

11.6.1969 Сегодня утром хорошо поработал. Потом пришел К., рассказавший занятную историю о Твардовском. Говорят, ему предложили какую-то должность в Союзе писателей, на что он ответил, что как раз недавно написал стихотворение о том, что когда совсем ни на что не будет годен, перейдет на работу в Союз писателей. "Если бы вы обратились ко мне до того, как я это стихотворение написал, я может быть бы и согласился, но сейчас не могу". Их главным аргументом, характерным для их ментальности, было то, что на новой должности он будет получать на сто пятьдесят рублей больше (вместо трехсот пятидесяти — пятьсот).

¹ Ин-т международного рабочего движения Академии наук СССР.

Сошлись во мнении о редком недостатке у подобных людей воображения и серого вещества.

13.6.1969 Закончил справку [о гоминдане]. Вчера ко мне подошел Л.П. в некоторой панике и сказал, что Казакевич настаивает на собрании, и что если я не "отмежуюсь", меня будут увольнять. Когда я ответил на это, что можно жить и без института, он посмотрел на меня с некоторым удивлением. Чем больше я думаю об этом, тем более все это кажется мне шантажом. Кроме того, даже если бы я думал идти на какие-то уступки, это лишь облегчило бы им дело моего понижения. Если они решили меня понизить (а реально дело идет, очевидно, об этом), они это сделают все равно. Поэтому главное – сохранить достоинство, не поддаваться ни на посулы, ни на панику.

Помни: страха больше, чем смерти.

18.6.1969 Вчера был у А. Все же его рассуждения часто раздражают своим примитивизмом и максимализмом. Честный, чистый, благородный, но неумный. Трудно мне общаться с людьми, которых я не считаю умными. В этом плане мне, очевидно, свойствен некоторый аристократизм. Недаром, как сказал Юра, какой-то китаист назвал меня "суперинтеллигентом".

Думаю о том, как буду держаться в понедельник. Многое зависит от того, будут ли присутствовать подонки. Если да, надо будет сказать на аргумент о "хлебе"¹, во-первых, то, что я своей кровью и своим здоровьем заплатил с избытком за тот хлеб, который ем; во-вторых, что я в течение пятнадцати лет занимал-

¹ Имеется в виду весьма распространенный в СССР "аргумент" по отношению к разного рода инакомыслящим о том, что "советская власть кормит, поит, одевает, обучает, защищает" своих граждан, от которых взамен она требует полной и беспрекословной лояльности, представляющейся, таким образом, само собой разумеющейся (вариант – с антисемитским подтекстом: "а сало русское едят").

ся научной работой в нерабочее время, ничего за это не получая, и если идет речь о хлебе, то я не уверен, что Б. и И. больше его заслужили своей работой, чем я; в-третьих, и самое главное, что я считаю, что в настоящее время вскрытие категорий гуманистических традиций является основной задачей; это признано и "Social Sciences [to-day]"¹ (показать); и если вообще в настоящий момент какой-то смысл имеет научная работа в нашей идеологической борьбе, то я думаю, что моя работа имеет смысл не меньше любой другой.

19.6.1969 Возьму с собой на всякий случай "Social Sciences to-day".

Readiness is all.

22.6.1969 Вчера смотрел "Листопад", очень хороший грузинский фильм. На обратном пути встретил М. Занда и поговорил с ним. В общем, линия поведения теперь совершенно ясна. Трезво оценивая ситуацию, мне грозит понижение. Но сейчас главное – пережить понедельник. Переживу.

24.6.1969 Es ist vollbracht. Es ist vorüber². Вчера в 11.25 меня позвали на заседание. Большой кабинет Н. был полон, оставалось несколько свободных стульев. Когда я спросил у Вяткина³, на какой мне сесть, он со смехом мне ответил: "На любой; эшафота мы для вас не приготовили". На что я тоже со смехом сказал: "Что же это вы так плохо подготовились". Несколько смутившись, он поспешил разъяснить, что шутит.

¹ Сборники статей по общественным наукам, издаваемые Академией наук СССР на английском языке. В этих сборниках были опубликованы статьи Виталия.

² Свершилось (нем.). (Евангелие от Иоанна, 18:19).

³ Р.В. Вяткин – сотрудник отдела Китая Ин-та востоковедения.

Лера¹ поставил два вопроса:

1. Как я расцениваю участие в подобных кампаниях. При этом он прочитал довольно большой отрывок [из письма], в котором после перечисления всех незаконных дел, начиная с дела Синявского и Даниэля, делался вывод: "При этих условиях никто не может чувствовать себя в безопасности".

2. Как я расцениваю использование моего имени канадской украинской организацией "Союз за освобождение народов СССР" в брошюре "Мы слышим".

Начал я с ответа на второй вопрос и привел пример дома, который строил архитектор, но который потом превращают в тюрьму. Как может отнестись к этому архитектор, услышавший об этом? Конечно, с негодованием. Далее, продолжив эту метафору, я предположил, что архитектора привлекают к ответственности, но находят, что он не виновен, ибо он строил дом, а не тюрьму. После этого, рассказав об использовании критических материалов из советских газет западной пропагандой, я поставил вопрос о том, можно ли считать виновными авторов этих материалов, и кончил соображениями по поводу природы человеческого действия, выходящего из-под контроля деятеля. В качестве примера привел Эйнштейна с его формулой $E=mc^2$.

Когда же дошло до самой кампании, я подчеркнул, что материалы были направлены Генеральному прокурору, и что советский гражданин имеет право жаловаться на отдельные злоупотребления властей. Это право ему обеспечено Конституцией, и нигде при этом не сказано, что эти жалобы не должны быть коллективными. При разных обстоятельствах и в разных ситуациях мы встречаемся с коллективными жалобами, и ничего в этом нет предосудительного. Кроме того, в постановлении ЦК сказано о том, что обращаясь с

¹ Л.С. Переломов – парторг отдела Китая; В.П. Ильющечкин, А.М. Григорьев, Ю.В. Чудодеев – сотрудники отдела Китая.

письмами и жалобами, советский гражданин выступит не в позе бедного просителя, а как хозяин страны по данному ему Конституцией праву. По всем этим причинам я не могу согласиться с тем, что в моих действиях было что-то предосудительное.

Начались вопросы. Из интересных был вопрос Думана с неподдельным удивлением по поводу того, что мы давали свои адреса и звания. Я ответил, что это подчеркивает лояльный характер акции. Затем Григорьев задал вопрос относительно того, неужели мы думали, что то, о чем мы писали, неизвестно Генеральному прокурору. На это я ответил, что мне неизвестно, что знал или не знал Генеральный прокурор, но я не считал пустыми словами сказанное после Двадцатого съезда о том, что движение вперед возможно лишь в том случае, если гражданам будет безразлично то, что происходит в их стране. Но еще, пожалуй, забавнее был другой его вопрос, касающийся того, почему я не пошел по партийной линии, почему не поговорил с парторгом. Я ответил, что с парторгом говорил, но что никакой новой информации, кроме того, что было в газетах, он мне дать не смог. "Почему же вы не пошли выше, ведь есть еще и райком", — спросил Григорьев. Здесь явно (как и в некоторых других случаях) участники забывали, что я беспартийный. "Есть ведь и газета тоже", — ответил я (ссылаясь на то, что писал в "Известия" и "Вечернюю Москву", но не получил ответа).

Но самым интересным было поведение Ильющечкина (который, как я узнал, утром заявил: "Вы хотите сделать это грязное дело моими руками; не выйдет"). Он мне задал вопрос о том, неужели я не понял, что есть разница между разбирательством в суде дела о доярке и политическим делом, каковыми являлись дела, о которых говорилось в письме. На это я ответил, что по кодексу у нас нет никаких политических дел, и я думаю, что следует требовать соблюдения закона вне зависимости от того, идет ли дело о доярке или об интеллигенте. На это он в довольно возбужденном

тоне вновь повторил, что здесь есть большая разница. Тогда, обратясь к Вяткину, я спросил у него, вопрос это или выступление. "Как хотите", — ответил Вяткин. "В таком случае, — сказал я, — я рассматриваю это как повторение вопроса, на который я уже ответил". В своем выступлении Ильюшечкин заявил, что, конечно, на деле идет речь не о письмах Генеральному прокурору, а о политической кампании, имеющей целью "эскалацию до модели демократического социализма". Формула мне чрезвычайно понравилась (знакомый назвал ее западничеством обезьян). А в самом конце Ильюшечкин стал резко возражать против формулировок резолюции, заявив, что писать: "Актив Отдела Китая осуждает поведение имя рек, выразившееся в подписании письма Генеральному прокурору", нелепо. Затем, когда дошло до того, что таким образом мы оказались орудиями мирового империализма, кто-то предложил внести "вопреки своей воле", и тогда Ильюшечкин вновь поднял голос. "Я не верю, чтобы З. была орудием, — заявил он, — тем более я не верю, что орудием является Виталий Аронович". Тогда фразу решили вовсе выкинуть.

Интересно было и поведение Н-на. Первая его речь сводилась к поучениям относительно того, что нет никакой абстрактной, внеклассовой свободы и демократии (мотив, часто звучавший и у других), и что я, к сожалению, этого не понял и подписал такой документ, который мог служить классовым врагам. Потом, по-видимому, ему стало неудобно, и он вновь взял слово и сказал, что ему бы не хотелось, чтобы я считал это проработкой. "Но ведь это так и есть", — улыбнувшись, сказал Вяткин. Тогда Н-н сказал, что у Виталия Ароновича не должно создаться впечатления, что мы вообще запрещаем ему на что-либо жаловаться. Жаловаться можно, но нужно найти для этого соответствующую форму (иначе говоря, жалуйся один, а не с другими).

Самым мерзким было выступление Чудодеева, который повернул мою метафору так, что я, мол, не слу-

чайно говорил о тюрьме, никакой тюрьмы у нас нет, и нечего сравнивать то, что сейчас происходит, с тем, что было в прошлом. "И речь идет, — сказал он, — не об ошибке, а о политической позиции". Самым приличным — выступление Б., который сказал что-то такое, чего я даже как следует не запомнил (вроде того, что это большая ошибка, неосторожность), и что явно было сказано по обязанности.

Интересно, что никто не спросил у меня, кто же дал мне это подписать — факт, свидетельствующий о сравнительно высоком моральном уровне выступавших. Лера в конце выступил и сказал, что я подписал это, не будучи в их коллективе, но что важно, что я возмущен фактом использования моего имени антисоветской организацией. "Это очень важно, — сказал он, — ибо я знаю, как высоко ценит Виталий Аронович свои слова". Затем он подчеркнул, что следует учитывать, что в таких случаях ставишь под удар не только себя, но и весь коллектив, вообще же следует в данном случае отнестись к этому снисходительно (приблизительно так), ибо поступок совершен впервые, а если такое повторится, сказал он, то это уже будет другой разговор.

Я в конце еще раз выступил с заявлением о том, почему я на подобные явления реагирую особенно остро, и рассказал о трехдневном плене, полугодовом лагере и четырехлетней болезни. Кроме того, я поблагодарил всех выступавших и сказал, что приму во внимание их замечания и отнесусь к ним с надлежащей серьезностью. Затем, остановившись на вопросе об идеологической борьбе, не раз в ходе заседания поднимавшемся, я сказал, что главный наш вклад в идеологическую борьбу — наше творчество. Тут я вынул из портфеля книжки с переводами моих статей, положил их на стол к Вяткину и сказал, что сам факт, что они переведены и напечатаны в подобных изданиях, свидетельствует о том, что товарищи, которым поручено вести идеологическую борьбу, считают мои статьи вкладом в эту борьбу. Высказав несколько соображе-

ний о недостатках нашей антимаоистской пропаганды, я кончил. Н-н нашел такое завершение весьма эффективным и сравнил его с тем, как если бы я выложил в конце два козыря.

Вчера вечером и сегодня утром звонило много народа.

25.6.1969 Хорошо было позавчера еще "ты" Акатовой. Я сначала удивился, а потом понял, что она тем самым прижимала меня к своей широкой партийной груди.

26.6.1969 Резолюция заседания актива сотрудников Отдела Китая.

Актив сотрудников отдела заслушал и обсудил информацию т. Переломова о недостойном поведении т. Рубина, выразившемся в подписании им клеветнических коллективных писем, которые были использованы антисоветской пропагандой. На основе ложной информации о якобы нарушении норм советского законодательства, допущенного в ходе процесса над псевдолитераторами (Гинзбург, Галансков и др.), т. Рубин вместе с другими авторами писем пытался дискредитировать действия московского городского суда. Это безответственное заявление было использовано в антисоветских целях эмигрантской организацией "Союз борьбы за освобождение народов России".

Собрание актива сотрудников Отдела Китая заслушало выступление т. Рубина, который выразил свое возмущение использованием его имени антисоветской пропагандой. Актив сотрудников отдела считает, что поступок т. Рубина является политически близоруким и объективно нанес ущерб интересам нашей партии и народа. Актив сотрудников отдела осуждает поступок т. Рубина и считает, что партийная и профсоюзная организация должны усилить воспитательную и идейно-политическую работу среди сотрудников отдела, в первую очередь среди беспартийных научных сотрудников.

27.6.1969 Вчера были на "Матери"¹. В какой-то момент я не удержался и почувствовал, что слезы выступили на глазах — это когда кучка революционеров вышла со знаменами, на одном из которых было написано "Да здравствует политическая свобода". Между прочим, этот лозунг был весьма характерно изменен по сравнению с подлинным, вывешенным в вестибюле, где было написано "Да здравствует российская социал-демократическая партия". Именно кучка шла, и это так напоминало мне другую кучку... И еще совпадение имени. Замечательно были использованы военные — солдаты со стертыми лицами, с примкнутыми штыками. Они были скорее не фоном, а основным лейтмотивом пьесы. Зачастую действительные лица высывались, чтобы произнести реплику, через сплошную стену солдат, подчас они стояли на авансцене, спиной к публике, и все, что происходило, было видно сквозь стену солдат. Это было действительно замечательно; подумать только, что постановка с таким названием несколько лет назад не собрала бы и четверти зала.

Занятный разговор с Вяткиным. Позвонил ему, чтобы узнать об отработке, он же вдруг начал говорить о собрании. "Я не знаю, как вы оцениваете это, но мне кажется, что все было в достаточно товарищеских тонах", — сказал он. "Я тоже так смотрю на это, — ответил я, — я ведь и поблагодарил товарищей". — "Некоторые сопоставления, которые содержались в вашем первом выступлении, не всем понравились, — продолжал он, — но второе выступление было очень удачным. Я понятия не имел о вашей биографии. Как же вам удалось из-

¹ Речь идет о постановке "Мать" по одноименному роману М. Горького в "Театре на Таганке" (режиссер Ю. Любимов). Виталий имеет в виду демонстрацию протеста на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию. В демонстрации участвовало семь человек, в том числе Павел Литвинов (имя главного героя романа "Мать" тоже Павел). Демонстранты подняли лозунг "За нашу и вашу свободу".

лечиться от туберкулеза позвоночника?” – спросил он. “Так, что я пролежал четыре года, не вставая с постели”, – ответил я. “И в гипсе?” – спросил он. “Конечно”, – ответил я. “Ой, как страшно!” – воскликнул он. Такого проявления эмоций я никак не ожидал.

1.7.1969 Позвонил Р. и сказал, что они предлагают мне прочитать доклад “Человек и государство в Древнем Китае”. На девятое июля. Я сказал, что очень рад такой возможности отвлекаться от этих дел, которые уже слишком меня начали поглощать.

Как хорошо, что будет этот доклад! Надо будет все продумать именно с точки зрения, которая и меня, и других больше всего сейчас волнует. Человек и государство – вечная проблема с тех пор, как государство существует.

3.7.1969 По существу доклад в МРД будет совершенно новым докладом, в котором я сумею высказать некоторые свои заветные мысли. Надо сосредоточиться на докладе. И надо отвлекаться от всех эпизодов этой борьбы.

Итак, что же? С чего начать и каким путем идти? Может быть, поскольку это будет в основном некитаеведческая аудитория, начать с некоторых общих соображений. В каком плане? Да, все лезут в голову всякие эпизоды...

Ну, что же, в самом деле, в каком плане следует начать? В том плане, что события последних лет не могли не наложить своеобразного отпечатка на образ Китая. Этот образ приобрел необычайно мрачные очертания, слово “китаец” звучит как ругательство, и хотя говорится подчас о том, что китайский народ отличается от клики Мао и т.д., но на сознание интеллигентных людей это все же не очень действует, и исходя из осознанной или подсознательной предпосылки, что каждый народ достоин своего правительства, всю китайскую историю склонны рассматривать с точки зрения того, что сегодня происходит в Китае. Надо сказать, что в таком

подходе есть своя доля истины. Мне хочется прибегнуть к параллели с гитлеровской Германией. Эта параллель, как мне кажется, во многом адекватна в подходе к нынешнему Китаю, где сверху осуществляется несомненная фашизация со всеми характерными признаками этого процесса: издевательством над интеллигентностью, стремлением опорочить саму идею гуманности и свести на нет любое проявление морального сознания, с ненавистью к культуре, кострами из книг, с культом гениального вождя, каждое слово которого непогрешимо и который при помощи одному ему присущего, иррационального по существу, прозрения провидит судьбы человечества. Так вот, то, что во время войны мы видели в Германии воплощение фашизма, не удивительно. Мы с ней воевали. Более интересным мне кажется в данной связи другой феномен — то, что величайший немецкий писатель Т. Манн, несомненно продолжатель гуманистической традиции Гете, также в свете опыта нацизма переоценил всю историю Германии, в своих последних работах "Доктор Фаустус" и "Германия и немцы", показав известные корни нацизма в национальном характере немцев. В этом смысле каждая эпоха вправе оценивать со своей точки зрения всю историю, ибо то, что открывается в данный момент, как-то связано со всем прошлым страны и народа; это может быть неповторимо и единственно, но вместе с тем никогда не случайно; в этом плане переоценка китайской истории, совершаемая в настоящее время, вполне закономерна. В качестве примера такой переоценки можно привести слова А.Ф. Райта о том, что в настоящее время можно считать похороненной легенду о религиозной терпимости китайцев, иногда выступавшую и в форме утверждения, что китайскому народу не свойствен фанатизм.

Но человека, занимающегося культурой данного народа, такой подход не может не стеснять; часто слишком легко делается шаг от признания наличия в данной культуре того или иного компонента к утверждению, что только это и существует в данной культуре.

Да, теперь я на работе, в библиотеке, за своим столом, и, как всегда в последнее время, меня охватывает здесь тоска и глухое беспокойство. С этим нужно бороться.

Дальше как?

Три подхода ко взаимоотношению человека и государства: конфуцианство. Чем характеризуется этот подход? Активностью личности, верой в то, что цзюньцзы должен и может работать для народа. Иначе говоря, что социальная и политическая деятельность имеет смысл. При этом отметить, с одной стороны, неконформизм, убеждение, что политика — лишь одна из областей морали, и что все, относящееся к сфере специфически-политической (как, например, все проблемы техники управления, статистики, учета и т.д.), попросту несущественно. В этом смысле можно говорить о том, что над конфуцианским политическим мышлением довлела аналогия с семьей. Так же, как никому бы не пришло в голову составлять какие-то законы поведения членов семьи, где все зависит от чисто личных взаимоотношений, так же, по мнению конфуцианцев, не имеет смысла и в государстве заниматься законодательством, ибо все зависит от человеческих качеств людей, стоящих во главе государства, от того, гуманны ли они. Управление должно быть направлено на воплощение нравственного идеала, на просвещение народа и увеличение его благосостояния.

Здесь очень интересна параллель и контраст с Древней Грецией, где каждый полис вырабатывает политическую конституцию. Таким образом, значение конституции, законов греки поняли уже очень давно. При этом законы рассматривались как нечто священное. Характерная для конфуцианства враждебность к законам там так и не возникла. Для древнего грека, по видимому, законы были чем-то самим собой разумеющимся, в то время, как для конфуцианца они представлялись чем-то излишним.

Может быть, здесь и нужно искать одну из причин специфики Китая, его пути развития. Дело в том, что

идея гуманного управления жэньчжэн тем самым ставилась на очень шаткую основу. Китайцам, иначе говоря, не пришла в голову мысль о том, что гуманное управление должно быть достигнуто не только путем воспитания гуманных качеств у правителя, но и путем создания аппарата гуманности.

Но теперь надо поставить вопрос так: а если невозможно осуществить эти идеи? Что тогда? Как тогда должен поступать цзюньцзы? Конечно, эта ситуация приходила в голову основоположникам конфуцианства. Более того, их биографии показывают, что эта ситуация была для них достаточно обычной. И здесь явилось понятие конфуцианского отшельничества.

4.7.1969 Вот что здесь очень интересно добавить. По существу конфуцианство с его приматом нравственности было разработано в дототалитарном государстве. Этим объясняются многие его черты, в частности тот образ благородного человека цзюньцзы, который был выдвинут тогда. Оно однако стало идеологией в тоталитарном государстве. Тем самым образованный китаец был поставлен в трагическую ситуацию. При этом то, что угрожало тому, кто принимал всерьез этическое учение конфуцианства, далеко превосходило все, что рисовало себе воображение людей дототалитарного времени. Достаточно одного примера. У конфуцианцев имелось учение о том, что настоящий ученый не должен идти на службу в тех случаях, когда эта служба несовместима с его нравственными принципами. Конфуций говорил, что лучше принять бедность и низкое положение, чем служить негуманному правителю. Еще более решительно формулировал этот принцип Мэн-цзы. У него имеется учение о примате добродетели над всеми остальными качествами, примате, исходя из которого даже сын неба не может позвать к себе добродетельного учителя, а должен являться сам к нему.

И вот замечательный ученый и преподаватель Лю Инь, живший в эпоху монгольского владычества,

при Хубилай-хане, систематически отказывался служить. Казалось бы, при этом он просто мог сослаться на многократно провозглашенное классиками конфуцианства право ученого отказаться от службы. Но он понимал, чем грозит ему подобная линия поведения, и поэтому, отказываясь, всегда ссылался на плохое здоровье, семейные обстоятельства и т.д. Вот как звучит одно из его писем такого содержания:

”С самой юности я учился, и познакомился таким образом со взглядами великих и благородных людей. Если я даже больше ничего не знаю, то по крайней мере могу сказать, что у меня сложилось ясное представление о том, что подразумевается под обязанностями, которые должны соблюдаться правителем и подданными. Здесь не стоит говорить об общем значении этого; разрешите мне лишь сказать о том, что касается приложения этого принципа к каждодневным делам.

В самом деле, благодаря чьим заботам все мы живем в мире, довольстве и счастье? Благодаря нашему государю. И поэтому все мы должны отдавать свои силы, свои знания и способности с тем, чтобы быть на уровне ответственности, на нас возлагаемой. Истина этого принципа несомненна; так было всегда, начиная с самой отдаленной древности.

Я прожил сорок три года и все еще не сделал ничего, чтобы отплатить за благодеяния народа, кормившего и содержавшего меня. Более того, император несколько раз оказывал мне милость, назначая меня на службу. Разве посмел бы я скрываться и не служить, стремясь в самоупоении добиваться репутации высокого благородства и отплачивая таким образом черной неблагодарностью за благосклонное одолжение, мне оказанное? Нет, с ранней юности я никогда и в мыслях не имел устраниваться от общественных дел, мнить себя выше их, отличаться необычным или странным поведением. Все мои друзья знают об этом. Но, может быть, обо мне есть какие-то слухи, не соответствующие действительности. Видя лишь то, на что могли бы указы-

вать мои действия, некоторые прикрепили ко мне ярлык гордого и высокого отшельника. Но вы, сударь, знаете, что я никогда не смотрел на себя так. Разрешите мне объяснить обстоятельства, из-за которых я постоянно отказывался служить”.

После детального описания собственных болезней и смерти своих близких, Лю Инь пишет: ”Я на самом деле самый жалкий и смиренный слуга. Мое отличие от тех достойных людей, что находятся на службе, заключается лишь в том, что для них служба не представляла такой сложной проблемы”.

История эта с хорошим концом: Хубилай-хан, вместо того, чтобы приказать доставить Лю Иня в столицу, как сообщается в хронике, заметил: ”В древности были слуги, которых нельзя было вызвать к себе (при этом он намекал на приведенный текст Мэн-цзы). Они, очевидно, были похожи на него”. Но не всем так везло, как Лю Иню (который, к тому же, вскоре умер). Первый император династии Мин Чжу Юань-чжан, как известно, казнил множество ученых, отказавшихся служить ему. Только за это.

5.7.1969 Прочитал замечательный рассказ Ф. Искандера ”Летним днем”. О ситуации в гитлеровской Германии, будящей столько воспоминаний и параллелей. Очень хорошо сказано о дружбе, которая не выдерживает испытаний в тоталитарном аду.

7.7.1969 Интересно то, что возникновению тоталитаризма в Китае способствовала слабость религии. Может быть, тут сделать несколько замечаний относительно самостоятельной религиозной организации в Китае, о том, что она возникла лишь с приходом буддизма. Однако, это было слишком поздно, в то время, как в Европе уже в начале средневековья возникла церковь, и таким образом был признан наряду со светским и неоспоримый центр духовной власти, духовная организация. Отсутствие жреческой организации в Китае здесь сказалось своей отрицательной стороной.

Вечером видел Л.П., который сказал, что со мною еще не все кончено. Ну, посмотрим. Все же пока ничего не ясно и возможности остаются всякие. Остается надежда. Кажется, если Н. удалось меня принять (что, как известно, сверхтрудно), то удастся и отстоять. Впрочем, *readiness is all*.

Все же в такую жару труднее владеть собой. Делается как-то нестерпимо, ни в чем не находишь утешения. Надо будет чаще ездить на дачу.

Да, чувство государственной неполноценности — как хорошо сказано!

17.7.1969 Теперь уже не такая жара, чувствую, что могу работать. Но трудно сосредоточиться на работе, под аккомпанемент разговоров. Я понял, что здесь мне вообще не надо разговаривать. Говорить так, чтобы опасаться за каждое слово — это мне удовольствия не доставляет. Либо я говорю откровенно — только такое общение имеет смысл — либо надо молчать.

21.7.1969 Армстронг ступил на Луну, сказав: "Этот маленький шаг означает скачок в истории человечества". Последствия пока трудно себе представить. Одно из первых — конец всех претензий на первородство.

23.7.1969 Да, статья в "Вопросах философии" сейчас была бы очень кстати. Она сильно укрепила бы мое положение. Поэтому надо нажать. И очень важно внушить себе, что ты можешь это сделать. Как это ни странно, несмотря на множество напечатанных работ, до сих пор я все еще, когда сажусь за новую работу, испытываю то, о чем писал Гынянов: "Вдруг я разучился писать, и все разбрелось, все вывалилось из рук".

24.7.1969 Вдруг заходит все в какой-то тупик. Для меня трудно писать в "Вопросы философии" еще и потому, что здесь не нужно доказательств, я же привык все доказывать. Здесь нужно сделать усилие над собой, заставить себя оторваться от привычной почвы

фактов. Но зато интересно продумать, просто продумать то, над чем я работаю. В частности, то, во что я сейчас уперся: проблема влияния семейной модели.

Итак, какие же следствия этого примата семьи, подхода к семье как к модели?

1. Поскольку в семье главное — сыновняя почтительность, добродетель повиновения выдвигается на первый план.

2. Поскольку в семье не только дети должны повиноваться отцу, но и отец должен заботиться о детях, в государстве правитель обязан заботиться о своих подданных, и если он не выполняет этой своей обязанности, подданные имеют право убить его, как простого бандита.

3. Поскольку в семье дети воспитываются, и в государстве основным способом воздействия провозглашается воспитание. У Конфуция и Мэн-цзы меры убеждения являются единственным способом воздействия. Фактически подобная позиция страдала отсутствием реализма. Это был подход, целиком и полностью исходивший из идеального положения и не желавший слышать о реальности. Ему можно противопоставить подход Солона, понимавшего, что справедливость должна быть наделена силой. Отсутствие сознания необходимости соединения справедливости с силой привело к тому, что машина, в которой была воплощена сила государства, осознавалась как нечто противоположное морали. Это и создало базу для провозглашения идеала аморального государства. "Аморально-политическое единство" — формула, в данном контексте удивительно адекватная. Легисты исходили из того, что конфуцианцы, провозгласившие как высшую ценность вэй [культура], не имевшую ничего общего с государством как машиной, выступали с теорией, не только чуждой идеалу сильного государства, но и враждебной ему, подрывной.

4. Поскольку в семье все определяется личными отношениями, нет никакой необходимости в письменной фиксации каких-то норм. Это предопределило отрица-

тельную позицию Конфуция по отношению к законодательству, которая подкреплялась еще и тем, что первое законодательство носило характер уложения о наказаниях, т.е. по сути отрицало подход конфуцианцев к методам социального действия.

Можно еще добавить, что эти идеалы играли огромную роль и в Китайской империи.

Думаю о своем плане изложения конфуцианства. Нигде такого не видел. Он, пожалуй, в чем-то будет напоминать интерпретации Л.С. Выготского с его подчеркиванием катастрофической внутренней противоречивости как плодотворного принципа и басни, и трагедии.

28.7.1969 Отметить, может быть, что вся теория семьи как модели государства носит ярко выраженный архаический характер. Такой подход к государству характерен, очевидно, для многих примитивных или относительно примитивных народов. Но отличительной чертой конфуцианства являлся (если говорить только об этой концепции) рационализм. Сознательное отталкивание от мифологического мышления. Конечно, у конфуцианцев были свои мифы, но мир рассматривался ими не сквозь призму мифологии, а сквозь призму рационально понятой этики. Мифологическое мышление, как пишет Гулыга ("Новый Мир", №5, [1969], с.219), неспособно провести различие между естественным и сверхъестественным.

"Миф — форма культового сознания". Цитата из Маркса (т. 12, с. 737): "Здесь (т.е. в мифе) под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество". Вот огромное отличие конфуцианства: антропоцентризм. Природа из конфуцианства вытеснена его этической направленностью.

Очень интересная мысль, на которую я натолкнулся и которая может войти в кадр моей работы: Мэнро¹

¹ D.J. Munro, The concept of man in Early China, Stanford University Press, 1969.

пишет, что китайцы подчеркивали равенство в описательном смысле (в отличие от оценочного смысла, свойственного христианской традиции) и китайский подход концентрировался на состоянии человека при рождении. Такой подход включает мысль, что государство обязано обеспечивать соответствующие условия, дающие возможность морально развиваться каждому человеку. Но он ничего не говорит о том, как следует относиться к взрослым людям.

Я в своем тексте набрел на мысль о том, что сама формулировка сыновней почтительности (сяо) увековечивает детское состояние каждого и требует от него детских добродетелей. То, что я встретил у Мэнро, в этой замечательно умной книге, подтверждает, что само понимание человека включало отношение к нему как к ребенку. В противоположность этому эгалитарное христианство подчеркивало, что все люди одинаково ценны, поскольку Бог создал все души равными. Это прежде всего говорило о том, как следует относиться к взрослым, а не о естественных качествах, с которыми люди появляются на свет.

1.8.1969 Для полноценного творчества мне не хватает бодрости, радости, оптимизма. Трудно заставить себя что-то делать, когда все — все равно. Но надо пытаться, хотя бы ради удовлетворения от сознания, что ты на что-то годен.

3.8.1969 Кузнецов¹ сказал, что литературой управляют циничные и невежественные бюрократы, знающие только установки; что он не мог больше дышать, спать и писать, и вся свобода, предоставленная литературе, сводится к свободе прославлять советский строй. В письме он заявил, что выходит из партии и из Союза советских писателей и что не встретится ни с

¹ Писатель Анатолий Кузнецов (1929–1979), автор романа "Бабий Яр". В 1969 г. остался в Англии.

одним советским чиновником до тех пор, пока советские войска будут в Чехословакии. Он отказался от всего, что вышло под фамилией "Кузнецов", ибо все это искажено и испорчено цензурой. Теперь будет писать под фамилией "Анатоль".

8.8.1969 Погода прохладная, заниматься хорошо. Пожалуй, надо постараться кончить работу о секретности. Теорию секретности у Хань Фэй-цзы нужно связать с общественным подходом его к взаимоотношениям между правителем и подданными. Поскольку, по выражению Крила¹, правительство должно относиться к подданным, как дрессировщик – к тиграм, естественно, что его действия должны быть секретны.

9.8.1969 Хорошо поработав, закончил вчера "Секретность". В общем, она потребовала четыре-пять дней и дала большое удовлетворение, излечив от чувства бесплодия.

14.9.1969 [Джубга]. Сегодня нам с Марусей исполнилось по сорок шесть. Надо рассчитывать еще лет на пятнадцать. Хочу ли я что-то сделать в эти годы или просто посмотреть, куда двинется колесница мировой истории? Нет, поскольку в жизни, кроме работы, почти ничего не осталось, думать о жизни без работы не хочется. Но в этом цейтноте надо думать только о крупном, не размениваясь на мелочи. Чтение Бубера натолкнуло на мысль об усилении диалогического момента в исследовании. Что это значит? Чтение книги Бахтина о Достоевском впервые натолкнуло на мысль видеть во взаимоотношении китайских учений полифонию. На этом, собственно, построено исследование о концепции человека. Несколько взаимно исключающих взглядов, не сводимых ни к какому единому всеобъемлющему логически стройному целому.

¹ Н.Г. Creel – современный американский китаист.

Но сейчас хочется двинуться дальше. Не поставить ли вопрос о том, каков характер диалога у конфуцианцев, Мо-цзы и легистов и не только что́ говорится, но и кому? Кто участвовал в этих разговорах и к кому обращались? Это будет интересно и будет, может быть, тем связующим звеном, которое, будучи далеко от вульгарности наших историков, в то же время соединит между собой философию и историю, социальную действительность. Тщательное исследование этого аспекта даст работе ту опору на землю, которой ей не хватает.

Очень занятно происходило отправление поздравительной телеграммы [из Джубги] Яссуру¹. Сначала вечером мне сказали, что поскольку тариф на Израиль неизвестен, нужно придти утром, чтобы поговорить с директором почты. Когда я явился утром, он в первую очередь ушел в какую-то отдельную комнату, откуда, очевидно, звонил в Туапсе утрясать политическую сторону вопроса. Вернувшись, он стал листать толстый справочник: по-видимому, там сказали, что принять телеграмму можно, что нужно сделать это в обычном порядке. После этого он отозвал меня в уголок, вручил справочник и попросил написать текст печатными буквами, чтобы они могли в них разобраться. Тариф 25 к. слово. Написанная телеграмма снова была вручена ему, он спросил, на каком языке она написана, и когда я ответил "по-английски", он сказал: "Это нельзя". Затем, еще раз углубившись в справочник, передал сотруднице для расчета. Стоило это 3 р. 29 коп.

20.9.1969 Подплываем к Саратову с опозданием часа на два — вместо трех будем там часов в пять. Вчера утром были в Волгограде, смотрели Мамаев курган. Обычная помпезность, гигантомания, без-

¹ Израильтянин, член киббуца Мерхавия. Рубины познакомились с ним в Москве в 1960 г., на XXV Международном конгрессе востоковедов и с тех пор переписывались.

вкусица. Характерно, что на голове у семидесятиметровой "Родины-матери" устроена метеорологическая станция, и непрерывно крутятся лопаточки какого-то прибора, измеряющего силу и скорость ветра. Впрочем, на большинство это все производит искомое впечатление, и даже наши новые очень милые знакомые не остались в стороне от этого. Впрочем, в смысле архитектурном это выглядит не так плохо, но скульптуры ужасны. Особенно омерзительно оформлен вечный огонь в круглом помещении — "Зале славы", что ли. Гипсовый муляж руки, держащей факел. Ничего бездарнее придумать как будто было уже нельзя.

Купил в Волгограде №8 "Вопросов истории" с прекрасной статьей Янова о К. Леонтьеве. Он проводит очень важное для меня различие между консервативными и охранительными идеологиями. Правда, он весьма осторожно формулирует свои выводы, предваряя это различие замечанием о том, что "иные из этих идеологий, оставаясь, несомненно, реакционными, тем не менее в конкретных исторических обстоятельствах... были способны исполнить — и исполняли — позитивную социальную функцию". Но сама мысль о том, что консервативная идеология может быть не охранительной, чрезвычайно для меня важна. При этом в качестве критерия он берет "отношение каждого из этих типов к существующей социальной и политической структуре". Для раннего конфуцианства это не в бровь, а в глаз. Консерватизм Конфуция, в отношении культурных традиций несомненный, вовсе не носил охранительного характера.

29.9.1969 Вчера не успел выполнить плана, т.к. пришел Дима, и мы поехали к Янеку, где я слушал великолепные записи театральных песен Кима. Меня поразило великолепное, поистине пушкинское веселье этого человека, живущего в условиях травли, утеснений и всяческих ограничений.

Бороться с засилием мелочей!

30.9.1969 Приятные новости: во-первых, в "Новом мире" Буртин заинтересовался и предложил до 10-го переделать рецензию на "Шан цзюнь шу". Это, разумеется, очень почетно, и сейчас надо будет этим заняться. Тут надо ясно видеть задание: рассказать людям, которые ничего об этом не знают и не слышали, об интереснейшей книге. Значит, заинтересовать их. И одновременно, может быть, раскрыть кое-что новое и для себя, как это часто бывает. Это, если получится, будет подтверждением пословицы: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Во-вторых, прошла статья в "Вопросах философии". Здесь также потребуется некоторое сокращение и доработка.

Ю.С. предложил мне написать статью в плане мыслей о специфике древнекитайской философии как мировоззрения практического — мыслей, вызревавших уже давно, но вновь возникших в связи с чтением статьи в "Вопросах философии" №8 Юдина и Швырева о так называемом сциентизме в философии. Читая статью, я все время думал о том, сколь узка та база, на которой стоят авторы, говорящие о философии как о форме мировоззрения, "реализующей мировоззренческую функцию на основе теоретического отношения к действительности". По существу те возражения, которые у меня возникли, самым тесным образом связаны с проблемой основного вопроса философии: иначе говоря, они свидетельствуют о том, что отнюдь не всегда и не везде таковым был вопрос о первичности бытия или сознания.

По имеющимся у меня сведениям, за подобные мысли, высказанные ранее в статье Петрова, редактор "Вопросов философии" получил в свое время нагоняй. Поэтому я спросил у Ю.С., стоит ли выступать на эту тему; его ответ меня обрадовал. Он сказал, что журнал намеревается понемногу, потихоньку проводить эти мысли в конкретных исследованиях.

5.10.1969 Были вчера вечером у синагоги¹. Молодежь плясала и пела в хороводах; в одном из них пели "Евреи, евреи, кругом одни евреи", что подало повод корреспонденту Би-Би-Си сказать, что "в сатирических песнях они намекали, что многие ведущие личности в СССР — евреи". Типичный пример непонимания контекста. Очень забавно было видеть разговор группы с молодым американцем, говорившим по-русски, как он сам сказал, для смеха. Это в самом деле вызывало веселый смех. Когда он рассказывал, что его отец трех лет выехал из Украины, какой-то парнишка сказал: "Такая предусмотрительность в столь раннем возрасте", а в ответ на критику США, кто-то пригрозил обвинить его в антиамериканской деятельности.

9.10.1969 На [заседании] дирекции, состоявшемся сегодня, директор говорил о том, что "подписантов" следует делить на три категории: 1) упорствующие, 2) полусознавшие, 3) осознавшие. Первых следует увольнять, вторых — переводить куда-то или понижать, третьим — давать спокойно работать. Кто — кто — об этом не было сказано.

Вторая блестящая мера — упразднение библиотечных дней². Интересно, во что это выльется. "Тебе хорошо, — сказал Л.С., — ты живешь близко, а вот другим каково!" — "Да, вот я и злорадствую, — ответил я, — всем плохо, а мне хорошо!"

10.10.1969 Сегодня заседание Пен-клуба. Что они решат? Впрочем, заранее можно предсказать, что здесь от этого серьезных изменений не произойдет. Повторяется впечатление застылости общества, а крот истории роет так глубоко, что его большей частью и не слыш-

¹ На празднике Симхат-Тора.

² В ряде научных учреждений сотрудники в определенные дни имели право заниматься в библиотеках, не являясь на работу.

но. На поверхности – подонки, жулье, тупые скоты. Отвращение, которое внушает их возня, их борьба за власть, за то, чтобы подсидеть и съесть друг друга, прекрасно переданы Окуджавой [в романе "Бедный Авросимов"]. Именно невыносимость всего этого для человека, не утратившего человеческих чувств. Желание уйти от политики, разочарование в ней, стремление найти где-то "в деревне, у матушки" мир простых и безыскусственных человеческих отношений. И я бы сказал, удача его в том, что конец намекает на какую-то надежду и опровергает банальный тезис о тщете подобных усилий. Ну, а мы? Ведь у нас нет "деревни", нет ни в прямом, ни в переносном смысле. Впрочем, в переносном смысле что-то есть: мир друзей, семья... В какой-то мере уходом из омерзительного паучьего царства является и наука, если это честные поиски истины. Я стараюсь заниматься именно этим, хотя в моем деле и в моей ситуации это необычайно трудно. Вернее, это было бы легко, если бы я хотел ограничиться мелочами, хронологией, текстологией и подобными вопросами. Но как только подходишь к чему-то более общему и существенному, так начинается политика. Она в моей ситуации выражается в том, что я не могу прямо сказать того, что думаю, и приходится искать формулы и такие фразы, которые передали бы мысль в завуалированном, скрытом виде, ясном для посвященного, для знающего, что имеется в виду, для догадывающегося. И μπορούщем дать повод для каких-то иных, более привычных пониманий у непосвященного. Впрочем, до последнего времени в НАА мне удавалось печататься достаточно свободно, но теперь, как будто, именно в этом журнале ситуация изменилась.

Теперь как работать над переделкой статьи? Тут самый сложный вопрос – вопрос о праве. Эта проблематика, по-видимому, находится в девственно-ортодоксальном виде, и поэтому тут трудно будет на что-то опереться. И все же можно попробовать. Мне в голову пришла мысль о тотальности китайского мышления. Если в Древней Греции уже со времен Аристотеля

во всяком случае (а по-видимому, и раньше) пришла мысль о границах государственной власти (смыкающаяся с мыслью о правах личности), то в Китае этого комплекса взглядов не возникало. У Конфуция все направлено на то, чтобы пронизать государство нравственными принципами, но о том, что есть границы у государства и неотъемлемые права, человека от государства ограждающие — об этом он не думал. Тем более остальные.

11.10.1969 Сегодня были в Переделкине, на могиле Пастернака. Чудные краски осени.

22.10.1969 Чем дальше живешь, тем яснее видишь значение детства, детских впечатлений, детских болезней. И это у меня, а я, мне кажется, принадлежу к типу людей взрослых по преимуществу (в отличие от папы, который осознавал себя, как он пишет, и ребенком, и девушкой, и старцем — всем чем угодно, но не взрослым; и от Ины, например, в которой так много детского).

23.10.1969 Вчера скончался А.И. [Неусыхин]. Сколько с ним уходит из жизни. Какой это был праздник, когда папа встречался с ним. Как они воспламеняли друг друга. Какие яркие всплески огня носились в воздухе!

26.10.1969 Сегодня — гражданская панихида в Институте.

Что я мог бы сказать об Александре Иосифовиче? Дело в том, что в последние годы я не встречал его так часто, а те встречи, которые были, не всегда приносили полное удовлетворение. Конечно, это был уже не тот А.И., после каждой встречи с которым я, помню, возвращался в таком восторге с папой, в детстве. Таким образом, чтобы передать то ощущение подъема, приобщения к чему-то высшему, к миру возвышенного размышления, где смыкаются истина, добро и красота, мне нужно вернуться куда-то назад, довольно далеко

назад. И для моего формирования папа, конечно, сыграл решающую роль, и его встречи с А.И., эти праздники ума и остроумия, доставлявшие возвышенную радость именно благодаря освещавшему их блеску интеллекта обоих участников диалога, — эти встречи были, по совести говоря, лишь частью того исходящего от папы света, в лучах которого я и вырос, и сформировался как личность.

Поэтому выступать публично мне сегодня, по-видимому, нецелесообразно. Общение с А.И. носило слишком интимный характер, чтобы стоило рассказывать об этом всем, и мне кажется, что такой поступок был бы не в его духе. Об этом я могу сказать в кругу его родных и друзей, но не в большой толпе учеников и почитателей.

Вечер. Вернулись от Неусыхиных после похорон. На могиле замечательно говорила Лена Огородникова. Она говорила о безвременье сороковых — пятидесятых годов, о том, что в этот период отчаяния и безвременья встретить в Университете совесть было удивительно, и именно это, не лекции и не семинары, а именно совесть, облик А.И., было то, что действовало на студентов больше всего.

29.10.1969 Какое наслаждение читать "Живаго"! Эти поразительные, неожиданные сравнения, это движение жизни, это прикосновение к ней! Много здесь вижу параллелей и перекликаний с даосизмом — влюбленность в природу, отвращение к словам, к позе, к морализированию. Но у даосов это сопровождается антиличностностью, во всяком случае безличностностью, и аморализмом, в высшей степени Пастернаку чуждыми. Весь роман является гимном человеческой личности, живой, оригинальной, верной себе и чистой. В общем, когда думаешь об этом, видишь односторонность обеих позиций: и Конфуция, и даосизма. Ведь полноценная личность не может быть без соединения того и другого. Особенно отвратителен даосский примитивный аскетизм, их ненависть к культуре.

30.10.1969 Был на бракосочетании Милы [Бибиковой]¹. Когда вспоминаешь, какой путь это завершает, охватывает волнение. Все выглядело внешне вполне прилично: музыка, зал, обитый малиновыми обоями, перевязь цветов Российской Федерации с гербом, душевные слова "Главное, чтобы вы были друзьями" и т.д. Сначала всем руководила юная церемониймейстерша (впрочем, каких-то женщин на неясных ролях там было много), потом – пожилая тетка. Когда я сказал Миле, что здесь очень прилично, она ответила: "Да, если бы здесь не было отделения Галины Борисовны..."².

Мервин производит чарующее впечатление. Главная черта, в нем поражающая – чистота, которая светится и в его взоре, и во всем молодом, тонком лице под седеющими волосами. И мягкость, благородство. Такому, подумалось мне, можно довериться во всем и всегда, можно спокойно доверить Милу. К., бывшая свидетельницей у первой пары, рассказала, что тетка, которая руководила церемонией, с первой парой была гораздо более сурова, говорила невесте о том, что она не должна забывать родину и т.д. Здесь, на бракосочетании Милы, патриотической фразеологии не было.

Вечер. Как подумаешь, что Милы не увидим уже, наверно, никогда, охватывает грусть. До тех пор, пока не свершилось, я радовался, но теперь, когда все уже позади, печально. Каково же должно быть ей! Оставлять здесь всех и все, здесь...

31.10.1969 У меня достаточно статей, но нет серьезной монографии (популярная книжка – не в счет), и именно на ней надо сосредоточить все усилия. Такая монография должна укрепить мое научное имя. Это

¹ Друг Рубиных. Вышла замуж за англичанина Мервина Мэтьюса после того, как советские власти в течение шести лет не давали разрешения на брак. Сейчас живет в Лондоне.

² Так в московских оппозиционных кругах называли КГБ.

должно быть something lasting¹. Причем главным должно быть качество — именно оно, как сказал Т. Манн, дает вечность. Не количество.

Правда, в научном творчестве вечность не существует, и в этом его отличие от искусства. Надо заранее примириться с мыслью, что ты лишь закладываешь кирпич. Но это должен быть прочный кирпич, на который смогут спокойно опереться другие.

3.11.1969 Темное утро, и с ним зимняя печаль. Сегодня, если удастся, провожу Милу, быть может навсегда. Когда шел на работу, думал о Миле. Она как бы заново рождается. Все новое: страна, жизнь, муж, друзья. И какие перспективы: весь мир!

4.11.1969 Дочитываю "Живаго". До чего хорошо, душевно и тонко! Как много мест тянет выписать, но всего не выпишешь. Но хоть одно: "Любят все, не замечая небывалости чувства. Для них же, — и в этом была их исключительность, — мгновенья, когда, подобно веянию вечности, в их обреченное человеческое существование залетали всякие страсти, были минутами откровения и узнавания все нового и нового о себе и о жизни".

В чем смысл чтения, как написал Пастернак здесь же, этого самого человеческого из занятий? В том, как будто, чтобы вновь и вновь пробуждать в себе забытые, заглушенные человеческие струны. У гениев, подобных Пастернаку, эти струны всегда где-то рядом, под рукой, у тех, кто не обладает этим даром, они все больше вытесняются делами, заботами, деловитостью, вытесняются, уходят так далеко, что о них забываешь. И вот, читая такую книгу, снова возвращаешь их себе, вспоминаешь о чуде жизни, о душе, о смерти.

Я теперь занимаюсь вещами, более близкими к этим

¹ Нечто непреходящее (англ.).

проблемам, казалось бы, чем экономическая история и подобные сюжеты. И все же политическая мысль, и особенно в Китае, и особенно легистская, тяготеет к механизму, т.е. к тому, что так враждебно восприятию жизни Живаго. Враждебно и чуждо и мне. Но понимание этого, проникновение в суть — вот что увлекательно. Поэтому я так подчеркиваю механистический характер этой системы.

6.11.1969 Почему, интересно, так приятно думать о будущей работе? Не ощущение ли бессмертия тут играет роль? Бессмертия от нескончаемого возобновления? Как-то от Саша Сыркина слышал хорошее изречение: "Работать нужно так, как будто не умрешь никогда, жить — с готовностью умереть всегда".

Теперь надо подумать о плане на следующий год. Вероятно, целесообразнее всего будет объявить на следующий год тему: "Раннее конфуцианство".

Что представлял собой Конфуций? Был ли он в самом деле философом или нет? Тут требуются некоторые теоретические подходы. Как я их вижу сейчас, они заключаются в определении философии. Если она противопоставляется мифологии (а такой подход кажется мне наиболее плодотворным) — то, безусловно, да. Философ он потому, что ставил все под вопрос, что пытался ответить на все размышлением, а не ссылкой на авторитет предания.

Итак, первая проблема — зарождение философии, появление вопроса и размышления как социальных факторов. В этой связи и появление первого идеала личности, самостоятельно решающей для себя встающие перед ней вопросы. Вторая проблема: какая это была философия и какие проблемы.

Но это все впереди, в будущем году. Все эти темы гораздо больше меня привлекают, чем то, чем занимаюсь сейчас. Поэтому-то я и оставил их "на закуску". Сейчас же надо заняться горьким блюдом — Хань Фэйцзы.

Как после живой прелести "Живаго" войти во вкус

такой бюрократической и механической мерзости, как Хань Фэй-цзы? Но надо попробовать заинтересоваться чисто научными проблемами.

7.11.1969 Совершил "домашний подвиг": купил и повесил карниз.

Были вечером у Литвиновых; очень приятное общество. Пела свои песни Алла Григорьевна, мачеха Ларисы Богораз, я же сидел рядом с Гнединым и хорошо с ним побеседовал.

9.11.1969 В главе [50, "Хань Фэй-цзы"] особенно сильно выражена антинародная тенденция легизма.

1. Резкий протест против всех тенденций к помощи бедным. Цитируя тех, кто говорит: "Дайте землю бедным и нуждающимся — таким образом вы обеспечите неимущих", Хань Фэй-цзы опровергает их доводом, что бедны те, кто ленивы. Если правитель будет их поощрять, то это значит, что он будет лишать прилежных стимула к хорошей и быстрой работе.

2. Poleмика с теми, кто говорит, что нужно "завоевать сердце народа". Хань Фэй-цзы доказывает, что это не нужно, что это столь же бессмысленно, как прислушиваться к ничего не понимающему ребенку, за которого на самом деле все должны решать родители.

Это явная полемика с Мэн-цзы. Вообще в раннеконфуцианском подходе к народу также был элемент отношения к нему как к детям. Опять же модель "семья-государство", и еще раз видно, как многогранна она и как по-разному может использоваться. Если поставить вопрос, как пользовались этой моделью конфуцианцы и легисты, то можно сказать, что конфуцианцы подчеркивали сторону человеческих взаимоотношений в семье, чувств, связывающих между собой членов семьи, и действий, в которых эти чувства находили выражение. У легистов принципиально подход иной: народ для них — материал.

Замечательное место из "Живаго" (т. 2, стр. 395) о "материале": "Переделка жизни! Так могут рассуж-

Александр Иосифович Неусыхин. 60-е годы.

Софья Сауловна Рубина на даче летом 1956 г. Дер. Арханово, Подмосковьё.

Виталий в Фундаментальной библиотеке Академии наук СССР. 1956 г.

Арон Ильич Рубин на даче летом 1955 г. Ст. Калистово, Подмоскowie.

Виталий и Ина на даче летом 1957 г. Ст. Фирсановка, Подмосковьё.

Виталий с Иной и родителями в Паланге (Литва). Лето 1958 г.

дать люди, ...ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование – это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий”.

10.11.1969 Вчера Маруся, рассказывая о Н[аташе] Г[орбаневской], сказала, что та теперь спокойна, поскольку считает, что сделала дело своей жизни. Сказать "Es ist vollbracht" – большое дело, и я задумался о том, что же – дело моей жизни?

Тут в конечном счете надо решить, что – дело ученого. Ведь ты рассматриваешь себя именно как ученого, не как политического деятеля, участника политической борьбы. Вернее, не только как ученого, но и как участника идейной борьбы, но именно идейной, не политической. И в этом, по-видимому, вся суть. По существу речь идет о подвиге, а подвиг – что-то законченное, остающееся раз и навсегда. Дело же ученого бесконечно, и ни одна из встающих на его пути задач в отдельности не может рассматриваться как дело его жизни. О деле его жизни как об итоге его труда могут говорить лишь после его смерти, и если говорят о научном подвиге, то при этом всегда имеется в виду научный труд. Очень хорошо о труде написано в "Живаго" о том, как священна повседневность труда.

11.11.1969 Вчера говорил с С. из комиссии ЦК, и разговор носил очень приятный деловой характер. Он предложил мне к пятнице составить предложение о том, какие меры можно принять для улучшения исследования древнекитайской идеологии.

После доклада Рашковского [о Тойнби] выступил с его оценкой "от имени тех, кто не читал Тойнби". Говорил об уровне его изложения, о том, что каждый,

кто его прослушал, уйдет в той или иной мере обогащенным.

Вечер. Пришел из библиотеки какой-то огорченный после прочтения в "Геральд Трибьюн" гневной речи Агнью против организаторов всяких демонстраций против войны. Агнью говорил, что если и дальше будут продолжаться подобные встряски, то в конце концов народ, устав от них, обратится к тоталитаризму. С одной стороны, эта перспектива меня ужаснула. Она, правда, кажется мне маловероятной. С другой же стороны, мысль о беспредельной глупости всех этих демонстрантов привела меня в ужас.

18.11.1969 Вчера умерла Ю.Я. [Мошковская]. Как странно, что за один месяц умерли два ближайших папиных друга, которых я помню столько же, сколько себя.

27.11.1969 Ночью читал Н. Мандельштам¹. Поразительная книга. Удивительный документ о загипнотизированности общества, о том, что можно убедить людей, их наиболее сознательную часть, что устарело человеческое в человеке — понятие о добре и зле.

28.11.1969 Вчера сначала было собрание партучебы (так, что ли, это называется?), и я испытал глубокую тоску от лицемерия физиономии ее руководителя. Потом сбежал из Музея музыкальной культуры, где говорила какая-то серая особа.

Дни стоят темные и теплые, как в тот год, когда умер папа. В такие дни быстро устаю. Сегодня утром успел сделать совсем мало, а потом — сонливость, тяжелая голова.

Вчера был в Отделе. С. рассказывал о своем пребывании в Китае. Встает картина глубокой деградации и

¹ Н. Мандельштам, Воспоминания, Париж, 1969.

апатии всего народа. Крестьяне не хотят работать, рис на полях стоит неубранный, и в деревнях не хватает рабочих рук, несмотря на то, что двадцать миллионов человек отправлено в деревню. По всему Китаю развешаны антисоветские лозунги, идут антисоветские фильмы.

13.12.1969 Все еще не могу кончить [статью о "Цзо-Чжуань"] : оказалось больше работы, чем я думал, ибо за эти годы я вырос, и то, что я делал тогда (года три назад, да нет, начало — лет пять назад, если не больше), теперь далеко не всегда меня удовлетворяет.

Читал утром статьи из [журнала] "Мопат" за ноябрь. Очень интересная рецензия на книгу Ж. Фридмана "Конец еврейского народа?"¹ и статья о "Протоколах сионских мудрецов". Позиция Фридмана состоит в том, что в Израиле создан новый народ, не еврейский, а израильский. Исходя из этого, он видит для каждого еврея дилемму: либо уехать в Израиль и влиться в израильский народ, либо ассимилироваться в своей стране. Автор рецензии Амери [Jean Ameri] возражает на это, что перспективы ассимиляции отнюдь не так безоблачны, как считает Фридман, и что само волнение, которое последний испытал, приехав в Израиль, даже не волнение, а потрясение, свидетельствует против его концепции. Жизнь не строится по этой логике, и специфика этого государства и ситуация этого народа именно в том, что государство остается прибежищем и духовным центром народа.

15.12.1969 За ночь прочитал почти весь №10 "Нового мира". Блестящая статья Шрейдера² о научных суевериях, где говорится о том, что ценность человека бес-

¹ G. Friedmann, *La fin du peuple juif?*, Paris, 1965.

² Ю. Шрейдер, *Наука — источник знаний и суеверий*, стр. 207–226.

конечна и никаким вычислениям науки не поддается.

18.12.1969 Прочитал письмо Миши [Гельцера]¹ с ругательствами по поводу статьи Виткина². Очень интересно, что мне эта статья понравилась, но, пожалуй, по вненаучным причинам: я усмотрел там целый ряд политических намеков и поэтому статью оценивал положительно. Миша же, не поняв или не интересуясь этим, расценил статью как невежественную.

Какой способ чтения научных статей правильнее? Конечно, если бы не шла речь об истории, а о биологии, положим, то не было бы вопроса. Но историю, по моему глубокому убеждению, надо рассматривать и так тоже.

19.12.1969 Ночью читал Р. Музиля [“Die Verwirrungen des Zöglings Törless”]. Написано великолепно, но нравственный уровень героев так низок, что читать делается мучительно. Наверно, в самом деле в то время, до первой мировой войны, червь неверия ни во что, цинизма, чувство того, что нравственность, говоря словами этих героев, *fad*³, — все это угнездились где-то очень глубоко в европейской культуре. Без этого, очевидно, немислимо было бы то, что произошло позже. Сейчас положение изменилось, ибо куда ведет тот путь, после Гитлера и Сталина стало ясно всем. Не всем, конечно, но лучшим умам, тем, в ком концентрируется сознание эпохи.

¹ Профессор Хайфского ун-та; специалист по древней истории Ближнего Востока. В Израиле с 1972 г. Друг Виталия с 1952 года.

² М.А. Виткин, *Естественное и общественное*, “Вопросы философии”, 1969, №4, стр. 41–51.

³ Безвкусный; пошлый (нем.); здесь: скучна, непривлекательна.

23.12.1969 Вечером был на довольно слабом докладе Г.С. (прения по нему Баткин определил как "игру в бисер" на варварском уровне), и там познакомился с Аликом Яновым¹. Его выступление в прениях было самым интересным. Ужасно он мне понравился: он из тех людей, кто увлечен своей темой, кому все время она представляется в наиболее живом своем аспекте. С ним хочется встречаться почаще. Очень интересен его термин о реакционном реформаторстве, о том, что Петр, установив табель о рангах и устранив наследственную аристократию, хотел ввести в России китайский строй, но это не удалось ему в конечном счете, и Екатерина в этом смысле выступила его антагонистом. Очень плодотворна и характерна для нынешнего сознания его мысль о значении наследственной элиты, о значении для страны наличия такой элиты. В этом смысле проясняется и призыв Мэн-цзы к сохранению у чиновников наследственных должностей.

26.12.1969 Вчера делал доклад о своей годовой работе. Говорил без бумажки, и хотя в принципе было решено ограничиваться пятнадцатью минутами, я сам незаметно для себя проговорил тридцать минут. Как будто выступление удалось. Потом выступали Кучера и Васильев, тоже интересно. По Васильеву получалось, что и сапиентизация человека, и неолитическая революция произошли в Палестине, а оттуда распространились уже на другие районы, на что в ответ Стах [Кучера] воскликнул: "Значит, все из Израиля, а как же арабы?" Васильев в ответ сказал, что это не его вывод, а ряда великих ученых.

29.12.1969 Чувствую себя несколько неудобно перед М., даже не из-за того, что отдельно встречаем Новый год, а из-за того, что я ничего не сказал ей. В каком-то плане она — единственный друг, а дружба —

¹ Журналист, философ, литератор. С 1974 г. в США.

вещь хрупкая и тонкая, с трудом переносящая умолчание, которое граничит с недоверием.

Дочитал воспоминания Надежды Мандельштам. Потрясающая книга.

Вчера были на 14-й симфонии Шостаковича, посвященной смерти. Вещь удивительная, особенно такие части, как "Самоубийца", "Начеку", "В тюрьме Санте". Майя Улановская, которую я пригласил тоже, рассказала на обратном пути об истории задержания Толи Якобсона 21 числа и на следующий день. Выяснилось, что десять рублей, которыми он отделался, объясняются тем, что женщина-судья оказалась столь же антисталинистских настроений, что и он, и поскольку просто выпустить она его не могла, она назначила ему самое легкое наказание.

1.1.1970 Интересно подвести итоги десятилетия. Можно сказать, что в научном плане оно было плодотворнее всего, что было раньше. К началу его я подошел, правда, с готовой диссертацией, но все это в общем не было особенно увлекательно. Диссертация носила на себе печать нежелания заниматься ерундой, интереса к источнику, но в то же время она возникла в 1955–57 годах, в такое время, когда еще как-то трудно было себе представить возможность высказывать какие-то новые идеи. В плане концепционном я в ней еще под влиянием Дьяконова, и хотя кое в чем, найдя в Древнем Китае народное собрание, я сумел раздвинуть рамки понимания той эпохи, но к более широким и увлекательным вопросам с этой стороны подхода не было. Дальше в этом направлении двигаться было некуда.

Поворот произошел в 1963 году, когда я заинтересовался Мо-цзы. После этого в старом русле была напечатана лишь работа о Цзы-Чане, но и в ней в конце уже намечался поворот к идеологической проблематике. В мае 1964 года я сделал доклад о конфуцианстве и легизме, который был встречен в штыки всей "старой гвардией" – Вяткиным, Ян Хин-шуном и другими.

С этого времени и надо начинать тот путь, который привел меня в конечном счете в Институт. То, что казалось невозможным, чудовищным в 1964 году, было напечатано в марте 1967 года в "Вопросах истории", дало мне широкую популярность, заинтересовало два года назад Н. и в конечном счете привело меня туда, где я могу заниматься любимым делом. С исторической проблематикой я бы так ничего и не добился.

Имела значение и проделанная по заказу работа по средневековой культуре. Она теперь дает мне возможность чувствовать себя уверенно во всей китайской философии.

4.1.1970 Надо напрячь все силы для того, чтобы книжка вышла и получилась хорошей. Ведь никто не может сказать, удастся ли мне написать следующую книгу. "Грядущие годы таятся во мгле".

6.1.1970 Классический пример проповеди бесчеловечности: на стр. 126–127 ["Хань Фэй-цзы"] рассказывается о том, что циньский царь отказался кормить голодающий народ плодами из своего сада, ибо, если давать сразу всем, это нарушает принцип наград и наказаний, а это – путь беспорядка. В другом варианте – еще более яркая мотивировка отказа: поскольку возможна борьба между заслуженными и незаслуженными за милости, пусть лучше люди умирают, но будет порядок. Все-таки замечательно последовательны были эти милые люди!

С выводом в отношении антиутопии я, может быть, поторопился. Дело в том, что современная антиутопия типа Хаксли или Оруэлла является сознательной антиутопией, если же назвать антиутопией легизм типа Шань цзюнь шу – Хань Фэй-цзы, то это с нашей точки зрения антиутопия, но для авторов – утопия. Поэтому все же правильнее было бы говорить о подобных произведениях как о реакционных утопиях, а не об антиутопиях. Антиутопия – жанр двадцатого века – возможна лишь как плод глубокого разочарования в

утопии. Это продукт западной культуры, до которого Китай, может быть, не дорос и до сих пор. В применении к Древнему Китаю говорить об антиутопии неправомерно.

Прочитал ночью гл. 13 "Сюнь-цзы". До чего же хорошо и интересно! И как хочется, поскорее разделавшись с легистской мерзостью, взяться за конфуцианцев!

Очень хорошо сформулирована у Левады бессмысленность "обличения" и "разоблачения" мифологической мысли. Это можно отнести и к другим формам древней идеологии: "Функция науки – не в 'обличении' легенд, а в анализе общественных потребностей, которые привели к формированию и господству именно таких продуктов мифологического сознания". Конечно, не только в этом. Но в отношении всякого рода обличения и разоблачения – верно.

11.1.1970 Вчера отмечали день рождения папы (ему исполнилось бы восемьдесят один год). Были Арик, Дима, Нина, Леонард. Дима говорил очень хорошо (к сожалению, магнитофонная запись не получилась); он отметил как основные черты папы духовную энергию и необыкновенную внутреннюю свободу. Вспомнил о том, что, когда он упрекнул папу в неосторожности (упрек, который ему делали постоянно), то папа ответил, что если он будет молчать, то они добьются того, чего хотят. Это Диму тогда поразило. Потом он очень забавно рассказал, как папа, когда преподавал латынь в мединституте, постоянно одевал галоши другого преподавателя, Руфа Николаевича, и был очень доволен, когда Руф Николаевич надел пальто Димы.

Вообще, вчера было весело, и это хорошо: папа создавал вокруг себя такую атмосферу радости и непридуманного веселья, что вспоминать его, не вспоминая об этом, было бы каким-то насилием.

13.1.1970 Вчера целый день метался с организацией

симпозиума¹, читал всякую чушь, исправлял и т.д. Такая деятельность оставляет какую-то пустоту внутри, иссушает. Придя домой, послушал несколько пластинок Бетховена, но все же ночью вся эта суета не выходила из головы, и я долго не мог заснуть.

15.1.1970 Мне пришло в голову после прочтения статьи Hwa Yol Chung, Confucianism and existentialism (in: "Philosophy and phenomenological research", 1969, Dec., vol.30, No.2.), что вообще конфуцианские добродетели, такие, как жэнь [гуманность], сяо [почитание родителей], ти [уважение к старшему брату], представляют собой весьма своеобразные понятия. Они тесно связаны с конфуцианской антропологией: с одной стороны, они присущи человеку, с другой стороны, они должны воспитываться. С этой точки зрения их очень трудно перевести. Существенно то, что в этом плане вся конфуцианская мораль исходит не из того, чего следует добиться (как, например, Мо-цзы), а из того, что уже есть, из наличных человеческих чувств. Она в этом плане единственна в древнекитайской философии, но интересно, что именно она встала в центр китайской традиции. Вообще же статья Хва требует еще серьезного продумывания.

16.1.1970 Вчера оставил свой кошелек в мастерской по ремонту электробритв. Geld verloren – nichts verloren..."² Утешился быстро.

¹ Научная конференция "Общество и государство в Китае", проходившая в Ин-те востоковедения АН СССР.

² Geld verloren – nichts verloren; Zeit verloren – viel verloren; Mut verloren – alles verloren. Деньги потеряны – ничто не потеряно; время потеряно – много потеряно; потеряно мужество – все потеряно (немецкая пословица).

Книга Гэлбрейта¹ внушает некоторые интересные ассоциации. Во-первых, очень интересен анализ мотивов экономической деятельности. Он показывает, что и для экономики понимание человека становится интегральной частью исследования. И она упирается, следовательно, в антропологию. Это еще раз показывает всю нелепость точки зрения, согласно которой можно заниматься идеологией или историей в отрыве от человека; эту точку зрения в последнее время в полемике со мной высказывал Лера: я, мол, смотрю на легизм *sub specie* человека, он же рассматривает роль легизма в обществе. Вряд ли можно, не поняв позицию легизма по отношению к человеку или отвлекшись от нее, разобраться в его социальной роли.

21.1.1970 В следующую среду² думаю сказать следующее:

1. Монистическая теория долго довлела над нашей гуманитарной наукой (можно ли говорить в прошедшем времени?). Всем ясно, к чему это привело и в какой мере это господство монистической модели мира и истории двинуло вперед нашу науку. Как будто можно говорить о том, что в настоящее время отдельные науки сумели доказать свое право на существование в основном в силу того, что монистическая модель мира не адекватна, что есть факты, явления, теории, которые в рамках этой монистической модели мира необъяснимы, в эту модель не укладываются. Эта монистическая модель была заменена плодотворным плюрализмом. В силу именно этого факта, как мне ка-

¹ J.K. Galbraith, *The new industrial state*, London—Chicago, 1967; русский перевод (с грифом "для научных библиотек", т.е. не для широкой продажи): Дж. К. Гэлбрейт, *Новое индустриальное общество*, Москва, 1969.

² На семинаре в Ин-те международного рабочего движения АН СССР.

жется, мы и можем выступать здесь с различными точками зрения.

2. Однако существует определенный строй мысли, которому свойственна какая-то тоска по единой, всеобъемлющей модели мира. И мы в этом докладе как будто сталкиваемся именно с таким образом мысли или, что, наверное, будет ближе к современному способу выражаться, моделью мышления. Докладчик говорил, что хотя сейчас еще методология не способна создать всеобъемлющую систему, но это не значит, что в будущем она ее не создаст (спросить, правильно ли я его понял?). Я, по правде говоря, в это не верю и думаю, что поклонники всеобъемлющей методологии принимают желаемое за действительное. Но перспектива того, что когда-нибудь нам угрожает вновь господство монистической схемы мира, приводит меня в трепет. Это значит, что не ученый в соответствии с предметом, с конкретной задачей и близким ему подходом будет разрабатывать свою методику, а что методолог будет указывать каждому, как и чем ему заниматься.

2.2.1970 Сегодня утром произошла своего рода бюрократическая драма. Малаховский¹ отказался подписать материалы конференции; дело в том, что бухгалтерия заявила, что это слишком дорого, и отказалась дать деньги. Помогла поразительная находчивость Н.: позвонив Малаховскому, он сказал: "Вы же знаете, какое значение придает [директор Ин-та] Бабаджан Гафурович [Гафуров] тому, чтобы мы были центром, ведь иначе все перейдет к Институту Дальнего Востока". Этого было достаточно, чтобы деньги появились. Конечно, Н. великолепно сыграл на престижных соображениях и на подхалимстве Малаховского.

Я крутился с этим делом чуть не до трех часов. Пришлось дважды ездить в Главлит, ибо у меня потребова-

¹ Ученый секретарь Ин-та востоковедения.

ли, чтобы было написано не "в Главлит", а в "Госкомитет по охране государственной тайны в печати при Совете министров СССР".

3.2.1970 Вчера Ф.П. необыкновенно интересно рассказывала о Шостаковиче, говорила о его поразительной ранимости, чувствительности к страданию человеческому; рассказывала необыкновенный эпизод на репетиции 14-й Симфонии, когда Шостакович во вступительной речи говорил о смерти, о том, что он ее не приемлет, не верит, что будет что-нибудь после смерти; но единственное утешение видит перед лицом смерти в том, "что не делал никому гадостей". Это он повторил взволнованно несколько раз. При выходе с концерта бывший босс в ЦК по музыке Апостолов свалился с сердечным приступом и тут же умер.

7.2.1970 Прочитал очень интересную статью В.Н. Топорова, к истории связей мифопоэтической и научной традиции. Эта статья дала более широкий взгляд на даосизм. Он, несомненно, относится к мифопоэтической традиции и в этом смысле типологически кардинальным образом отличен от конфуцианской философии. У меня явилась мысль о написании работы "Два типа философствования в Древнем Китае".

13.2.1970 Анекдоты: "Что можно собрать в неурожайный год? Съезд колхозов". "Съезд колхозов – десять дней, которые потрясли 'Детский мир'".

2.3.1970 Теперь новая ситуация с книжкой: Лера напишет послесловие, в котором выскажет свой *reserve*¹. Ну, что ж, я согласен защищаться в одиночестве. Пусть читатель судит. В одном отношении это даже хорошо: сразу привлечет внимание к книге; в ней

¹ Здесь: несогласие, возражения (англ.).

самой будет элемент скандала, способствующий популярности.

Я опять оказываюсь один. Не в первый раз. Можно было бы отчаяться, если бы не удивительный факт, произошедший год назад: мое поступление в Институт. Часто я вспоминаю папины слова: деятельность Дон Кихота не была бессмысленна, ибо за ним пошел Санчо Панса. В общем, это драма человеческого действия, стремления к добру и правде. В момент, когда кажется, что все безнадежно, появляется тот, кого привлекает именно эта позиция борца, идущего против течения без страха и без мысли о себе. Так было с Солженицыным, с Павлом [Литвиновым]. В меньшем масштабе это произошло и со мной, в первый раз — когда была напечатана моя статья в "Вопросах истории", положившая начало какому-то пути вперед, второй раз — когда Н. взял меня в Институт.

Было партсобрание (открытое), на котором Н. снова нашел случай упомянуть о том, что в ЦК моя справка очень понравилась. На собрании Б. задала вопрос, как агитаторы могут бороться с тлетворным влиянием "Свободной Европы", если сами они ее не слушают и не знают, что она передает.

7.3.1970 Вчера смотрели замечательный фильм "Дети райка"¹. Трудно определить впечатление от этого шедевра. Грусть о недостижимости счастья, восхищение чистотой и полетом мечты Батиста (Барро), тоска о полноте жизни. Потрясающее впечатление произвела последняя сцена, когда Натали (Казарес) спрашивает его, думал ли он о Гаранс, когда был с ней, он не отвечает, и она в отчаянии понимает, что значит это молчание.

¹ Фильм французского кинорежиссера Марселя Карне, поставленный в 1945 г.

9.3.1970 Сегодня хотел взять в НАА статью о культуре, но Феликс, которому я рассказал о своем замысле о даосизме, сказал: "В этом, насколько я понимаю, нет общественного выхода"; когда я подтвердил, он сказал: "Но если уже печатать Рубина, то чтобы был какой-то общественный заряд".

Вчера почти прочитал I т. Ф. Степуна "Бывшее и несбывшееся". Необыкновенно интересно, давно ничего не читал с таким удовольствием. Чувствуется та широта, нескованность, открытость жизни, которая так пленяет в лучших вещах дореволюционных писателей и эмиграции. Конечно, молитвенный культ России анахронистичен, но он занимает в книге не первое место и не мешает ее восприятию.

13.3.1970 Написать статью для БСЭ [Большой Советской Энциклопедии] – необходимо. Это и почетное поручение, и очень важно для распространения каких-то более человеческих взглядов. Нельзя забывать, что тиража такого у моих вещей еще не было – 600 тысяч. К тому же, БСЭ будет своего рода новым стандартом: недаром, спрашивая о том, что говорится о конфуцианстве, [редактор книги] Кунин успокоился, узнав, что я пишу статьи по китайской философии для Философской Энциклопедии.

18.3.1970 Плохое настроение, вялость – вот главные мои препятствия. С этим нужно уметь справляться. Уныние – грех в понимании Степуна, и это глубоко верно. Унывать – значит разбазаривать те блага, которые еще у тебя остались – разум, здоровье, возможность интересной работы и встреч с людьми. А это ведь так много! Что с того, что из жизни ушли любовь и связанные с ней волнение и счастье? Разве к этому сводится полнота ощущения жизни? Разве меньшее счастье испытываешь от творчества? От ощущения человеческого понимания, близости? А если в самом деле это счастье меньше, то не сам ли ты в этом виноват? Не сам ли не умеешь извлечь из этого радость, которая

здесь заложена, не слишком ли закоснел умом и сердцем? Да, но это как бы природа, которую не так-то легко преодолеть. Какая-то сила тяжести, тянущая тебя вниз. Ее надо уметь преодолевать, на путях труда, радостного труда, на путях общения с близкими людьми.

23.3.1970 Сегодня обсуждали диссертацию Васильева. Я выступил против, и потом мне говорили, что я говорил мягко и не обидно. По существу однако я высказал все (или почти – все было бы невозможно – слишком много), что хотел. Сказал о его нигилизме по отношению к источникам; сказал и о том, что он не излагает мнений других ученых. В конце я сказал о том, что о точке зрения Васильева я говорить не хотел, но нельзя все же не упомянуть о том, что подчас работа носит характер антирелигиозной пропаганды, что там всеобщей отмычкой служит слово "культ", которое в том виде, как его употребляет Васильев, теряет всякий смысл. Сухарчук спросил меня, что я все же думаю об идеях Васильева, на что я ответил, что признаю право любого ученого на свое мнение, которое может на 100% расходиться с моим, но требую от него только, чтобы он привел доказательства этой точки зрения.

29.3.1970 [Поездка в горы, на Кавказ].

Вчера был "самый длинный день". В пять часов встали, потом – на автобусе до поворота, потом – мучительный подъем с тяжелым рюкзаком, причем, поскольку особенно плохо стало Ине, я помог нести ей еще и чемодан. Таня – воплощение благородства – вышла навстречу нам из лагеря. Потом – отвратительная процедура устройства, когда меня хотели подселить шестым к людям, которые этого не хотели. В конце концов я попал в комнату, где на самом деле было не пятеро, а трое. Потом пришел еще эстонский мальчик Кайт. В общем, компания оказалась хорошей.

Открытость жизни – вот чему учит такой выезд!

Милые лица, веселая, непритязательная обстановка, всеобщая благожелательность. Сажу у себя в комнате; у окна пара: симпатичный математик, приехавший сюда из-за того, что жена сломала ногу, и она, молодая миловидная женщина. Он ее учит английскому.

Вчера вечером — интересный разговор между мной и Мишей о сталинских методах. В ходе разговора латыш Удис, сказав, что многознание ни к чему хорошему не приводит, ушел. Нам стало немного не по себе, но никто из нас ничего не сказал. (Миша — удивительно мягкий, добрый и благородный человек, лучшее воплощение еврейских черт). Потом, вернувшись, Удис сказал, что пойдет за нарзаном — это ночью было несколько эксцентрично. Потом загадка разрешилась. Ночью Удис не спал (что было удивительно, учитывая его немецкую систематичность и упорядоченность), а взволнованно говорил о ситуации в Латвии, о том, что они трусливы, но знают, что московская и ленинградская интеллигенция гораздо смелее. Говорил он и о пессимизме людей, вернувшихся из Сибири, о том, что они не верят больше ни во что и не хотят ни за что бороться. Миша ночью тонко заметил, что возможно, первая реакция Удиса объясняется тем, что все это у него еще больше наболело, чем у нас.

А сегодня на меня произвел впечатление разговор с двадцатитрехлетним парнем-альпинистом, живущим здесь. Он рассказывал о том, что полюбил горы, что с детства привык к одиночеству; говорил о том, что все его друзья погибли. И я подумал, что их профессия все же особенная, требующая своего рода святости, во всяком случае, величайшей отваги и самоотвержения. Она сталкивает этих молодых людей, которые в иных условиях превратились бы в заурядных пьяниц или грошовых рвачей, в людей, прикоснувшихся к чему-то великому и таинственному, и этого не могут не чувствовать и они, пусть ни во что не верящие, и окружающие. Рассказы о том, как на руках у них гибнут их товарищи, и как они, идя на величайший риск, спасают,

ищут, откапывают других, оставляют глубокий след в душе.

1.4.1970 Удис, уезжая, сказал мне: "Я считал, что о некоторых вещах лучше не думать, но, по-видимому, я был неправ".

Были сегодня в Азау, в Терсколе и на Чегете. Поднимались по канатной дороге, по которой я давно мечтал подняться. Висишь в своем стуле над пропастью, ощущение восхитительное. День был чудесный, слева поднималась мощная громада Донгуз-Оруна, покрытая ледовой шапкой, все сияло, и глубоко внизу вилась река Баксан и виднелись дома Терскола. Были и в Азау, видели великолепный новый отель-турбазу и приятные домики какого-то института МГУ [Московского государственного университета].

6.4.1970 Третьего утром уехали в Пятигорск, приехали около трех часов и устроились в гостинице "Пятигорск" в разных номерах. Четвертого утром ездили в Кисловодск, где нас поразила климатическая разница по сравнению с Пятигорском (в Пятигорске был холод и пасмурно, а в Кисловодске — почти летняя жара). Сам городок довольно приятный, но слишком многолюдный, с какой-то типично курортной ненастоящностью. Во вторую половину дня ездили в Железноводск, где по чудесной дороге поднимались на уютную гору Железную, откуда открывались виды на исчезающие в тумане мягкие очертания окрестных гор. Эти пейзажи напомнили мне открывающиеся через окна на картинах Леонардо, влекущие и растворяющиеся в туманной дымке дали.

Из Пятигорска вчера уже хотелось вернуться назад. В горах, в этих вечных снегах и вечных вершинах, есть что-то таинственно влекущее. Меня обычно уж не так влечет на природу, но это нечто принципиально иное, чем обычные для нас поля и леса. Потому ли, что это выше людей, потому ли что людьми не тронута и покоряется с таким трудом? Не знаю. Но стоит представить

себе могучую стену Донгуз-Оруна с покрытой шапкой льда вершиной, как меня охватывает волнение.

12.4.1970 Вчера прилетели домой, и я испытываю радость, сидя у себя после суеты и неустройства шхельдинской жизни, где невозможно было остаться наедине с собой. В этом обновлении, в этой радости возвращения — одно из великих приобретений путешествия. Хочется снова взяться за дело, все приобретает новый смысл и интерес.

26.4.1970 Ю. Телесина¹, как будто, отпускают [в Израиль]. Случайный ли это факт или симптом перемены политики? Интересно, как развернутся события дальше.

5.5.1970 Звонил Ю.С., рассказывал, что Титаренко² не возражает против публикации [моей] статьи [в "Вопросах философии"], хотя в ней и нет классового подхода. Слово "нонконформизм" было снято, и он сказал, что я склонен к модернизации, но специалист компетентный.

11.5.1970 Как правы конфуцианцы, говоря, что именно в повседневных ситуациях решаются основные проблемы человеческой жизни и морали и проявляется, чего человек стоит.

12.5.1970 Вчера был разговор с Линдбергом из Колумбийского университета. Н. говорил с ним по-анг-

¹ Известный диссидент; в Москве имел одно из наиболее полных собраний самиздатской литературы, за что и получил прозвище "король самиздата".

² Сотрудник аппарата ЦК КПСС, курирующий китаеведение. По-видимому, впоследствии именно он препятствовал выезду Рубиных в Израиль.

лийски и, представляя всех, сказал обо мне, что я один из крупнейших конфуцианцев в СССР.

13.5.1970 Мысль о том, чтобы написать об отшельничестве в оценке древнекитайских мыслителей меня не оставляет. Вопрос об отшельниках — необыкновенно интересный. Свежий материал, до сих пор, насколько мне известно, никем не использованный. Он доказывает сложность проблемы и неправильность взгляда, согласно которому в конфуцианстве человек — винтик.

21.5.1970 Вчера был у Н.И. Конрада; какой это замечательный *causeur*¹, какое удовольствие с ним разговаривать. Он рассказывал о своем детстве, о том, как он ездил в Корею (чего я совершенно не знал), о корейской культуре и литературе. Очень интересно он говорил о том, как эстетизм Алексеева был в свое время новым словом в востоковедении.

22.5.1970 Вчера пришел домой в двенадцатом часу после интереснейшего доклада и поразительных пленок, и дома меня ждала тяжелая новость². Нельзя сказать, чтобы неожиданная — слишком долгожданная.

24.5.1970 Получил №5 "Вопросов философии" с моей статьей. Хорошо, что успели ее напечатать — теперь в ближайшем будущем можно ждать разных событий, отнюдь не только хороших.

26.5.1970 У меня есть сейчас стремление перейти от мелких вопросов, сводящихся к филигранному исследованию деталей (такое исследование необходи-

¹ Здесь: собеседник (франц.).

² Арест Андрея Амальрика.

мо не только для демонстрации своей филологической компетентности и тонкости анализа, но и для того, чтобы поставить на твердую почву широкие обобщения) к постановке больших вопросов.

Пришло в голову, что было бы интересно показать значение культуры в Китае на примере сравнения цзюньцзы со святым. Тут, может быть, добавить еще вот что: Мо-цзы выступил с позиции простого человека; он был против того, что в конфуцианстве на первый план выдвигалась по существу аристократическая задача воспитания цзюньцзы, в то время как не были решены, по его мнению, гораздо более неотложные задачи. Я в своей абсолютно отрицательной трактовке Мо-цзы не отдаю, очевидно, должного его благим намерениям.

Да, это проблематика культуры. Зачем она? И оправдана ли сама по себе, без обращения к более широкой человеческой проблематике? Если говорить о конфуцианстве, то там всегда в цзюньцзы вместе с культурой выступает жэнь [гуманность]. Но вот Мо-цзы увидел в культуре начало роскоши, враждебное (или конкурирующее) по существу "всеобщей пользе".

2.6.1970 Вчера виделся с В.М., и он рассказал о разговоре между Л. Чуковской и Солженицыным, во время которого Солженицын сказал, что он ненавидит антисемитов, но ему лично ближе страдания русского народа. В. прокомментировал это так, что угнетения не стоит делить по национальностям.

7.6.1970 Перевезли вчера В.В. [мать Ины] на дачу. Что-то никакого удовольствия от пребывания там я не испытал. "Скука загородных дач" — это выражение Блока лучше всего выражает то чувство, которое я там испытываю. Скука, бессмыслица.

Интересно рассказывали о том, что Сахаров на международной конференции генетиков написал на доске

сообщение о заключении [Жореса] Медведева¹ в псих-больницу, и написал свой телефон и то, что собирает подписи протеста. Пока Медведев еще не выпущен.

Вчера говорил с Иной о том, что не собираюсь ездить на дачу. Она огорчилась, и вслед за тем и я. Но мне в самом деле очень не хочется туда ездить.

13.6.1970 Я сегодня остался дома, не поехал на дачу. Я не считал, что обязан это делать, но сейчас мне все же как-то жалко Ину. Она вчера вечером так и не позвонила. Я сейчас подумал о том, что мне надо было поехать вчера, чтобы помочь Ине тащить то, что она собиралась туда везти, с тем чтобы сегодня днем вернуться. Но сейчас все равно уже поздно. Но надо, чтобы день прошел не зря.

16.6.1970 Был сегодня у Н.И. Конрада, долго и хорошо с ним говорил. Он очень интересно рассказывал, как его освободили², разбудив в два часа ночи в бараке, как конвойный неожиданно взялся нести его мешок с вещами, и это показалось ему хорошим предзнаменованием. Потом его привезли в какой-то город, который показался ему большим, судя по масштабам дома. Оказалось, что это была Лубянка. Он понял это, когда его вызвали на допрос, и в великолепной комнате с видом на Кузнецкий (где памятник Воровскому) его весьма вежливо принял некто в штатском, сказавший, что от Н.И. им больше ничего не нужно, но для оформления документов он должен будет просидеть еще три-четыре месяца. Там он и перевел, оказы-

¹ Генетик, директор Института медицинской радиологии АН СССР, выступивший с разоблачением деятельности Т. Лысенко. За опубликование на Западе работы "Международное сотрудничество ученых и национальные границы" 29 мая 1970 г. был помещен в психиатрическую больницу.

² Н.И. Конрад был в заключении с августа 1938 г. по октябрь 1941 г.

вается, "Сунь-цзы". Этот разговор начался с темы об оптимизме, затронутой мной, когда я вспомнил папу с его удивительным оптимизмом.

17.6.1970 По "Свободе" передавали письмо Солженицына о психбольницах. Хорошо он пригвоздил врачей-клятвопреступников и их хозяев!

18.6.1970 Вчера выпущен, наконец, Жорес Медведев. Несомненная победа. Чудовищное использование психбольниц стало международным скандалом, и сокрушающий удар нанес Солженицын. Интересно, как будут развиваться события дальше. Будет ли какая-либо реакция на то негодование, которое испытывают и здесь и за границей? Но советская медицина покрыла себя позором.

21.6.1970 Вчера вечером был у Конрада, очень хорошо поговорил с ним. Потом поехал на дачу. Как всегда, сначала мне там было очень тоскливо, но потом вечером Ина еще раз рассказала Нелли, как она пятнадцатилетней девочкой возвращалась без пропуска в Москву. Это было так мило рассказано, с такой детской непосредственностью, и я так живо представил себе все эти злоключения девочки (в особенности, как она в Аткарске проволокой зашила тапочки, и так хорошо, а потом заснула на лавке и проснулась уже без тапочек), что я, глядя на нее, почувствовал прилив какой-то особой нежности; я подумал, что испытывал бы нечто подобное, если бы у меня была дочь.

Читал "La condition humaine" [А. Мальро]. Потрясающий роман.

22.6.1970 Вчера был с Димой у Яника. Интересное впечатление производят все эти молодые люди, глотающие так много, и так мало, как будто, переваривающие.

Ночью слышал обзор В. Франка [Би-Би-Си] о вы-

борах, кончившийся тем, что постоянная ложь не может пройти безнаказанно. Вспоминаю папино: "Царству лжи не будет конца". Да, это интересная проблема: последствия лжи, длящейся десятилетия.

28.6.1970 Мне пришло в голову, что тема ши [власть] необыкновенно интересна. Дело в том, что в этом понятии есть два компонента, характерных и для более близких нам политических концепций:

1. Понятие объективных условий, не зависящих от воли людей. Дело в том, правда, что здесь это понятие не говорит об объективном развитии чего-то, о том, что нечто придет само по себе, а о том, что надо уметь использовать сложившуюся ситуацию. Что-то вроде теории предпосылок революции.

2. Проблема власти как основной ценности. "Основной вопрос – вопрос о власти". В общем, сделанная работа при некотором додумывании может стать очень ценной частью книги.

29.6.1970 Интересные подробности о реакции на дело Медведева. Как будто Петровский (министр здравоохранения) звонил академикам, извивался, как уж. Роя [Медведева] вызывали в МВД, предлагали дать Жоресу работу и забыть обо всем, но он сказал, что Жорес сейчас в работе не заинтересован, что он идет в отпуск, и если через два месяца виновные не будут наказаны, они подадут в суд. Будто бы иностранные (английские и американские) генетики потребовали, чтобы им дали возможность посетить Жореса в больнице; сначала им ответили, что это дорого (они согласились платить), потом – что врачи не разрешают. Тогда они ответили, что по возвращении организуют протест нобелевских лауреатов. Это подействовало, их пустили. В общем, злобные тупицы тут наткнулись на неожиданное сопротивление и засуетились. Неплохо и это.

Читаю книгу о Тынянове Белинкова¹. Замечательно.

”После разгрома декабризма наступило время, когда политическими стихами стали стихи, в которых не было политики, и когда важным было не только то, о чем пишет поэт, но и о чем он молчит. Молчать – это значило не говорить о том, о чем хотят, чтобы он говорил”.

30.6.1970 Читая страстную книгу Белинкова, думаю, что для того, чтобы книга получилась интересной, надо выделить ту же линию, что и у него: власть и интеллигенция. Для того, чтобы все это могло пройти, надо назвать интеллигенцию как-то иначе, например, ”культурная элита”. Предварительно можно наметить позиции:

1. Конфуций: стремление создать культурную элиту (идеал цзюньцзы). Вернее, тут у Конфуция субъективно было стремление просветить народ, но объективно подобное желание было утопично, и единственное, что можно было сделать – создать элиту. Это тот несомненный результат, который имела деятельность Конфуция. Между прочим, элитарный характер конфуцианства можно доказать на основании анализа значения цзюньцзы в разных источниках. Если у Конфуция это выражение означает человека высоких качеств, то впоследствии (в частности, в ”Мэн-цзы”) оно уже очень часто означает представителя высших классов. Впрочем, это в той или иной мере, неизбежно, может быть. Если посмотреть значение gentleman, то мы увидим то же.

Но в отношении власти позиция Конфуция ясна: культурная элита – соль земли, правители должны к ней прислушиваться. Это прямо еще не сформулировано, но подразумевается.

¹ А.В. Белинков (1921–1970) – писатель, литературовед. В 1944–1956 гг. был в заключении. В 1968 г. эмигрировал в США. Его книга ”Юрий Тынянов” вышла в Москве в 1960 г.

2. Мэн-цзы: взаимоотношение власти и элиты в том плане, что власть должна подчиняться культурной элите, подчеркивается и прямо формулируется в ряде текстов. Но интересно, что у него сама элита не столько культурная (ср. почти полное отсутствие взнь [культура]), сколько добродетельная. Нравственный максимализм, характерный для Мэн-цзы, всегда связан с уменьшением интереса к культуре.

Вместе с тем, пафос Мэн-цзы именно в борьбе с властью. В каком-то смысле весь легизм – борьба с Мэн-цзы. Это видно и по структуре ценностей: Мэн-цзы подчеркивает, что власть над Поднебесной¹ не должна интересоваться цзюньцзы.

1.7.1970 Интересную историю рассказывали о Твардовском. Он должен был по случаю 60-летия получить "Героя Социалистического труда", и хотел этого. Когда он решил поехать к Медведеву, Воронков предупредил его, что он не получит тогда "Героя". "Я не знал, что звание героя дают за трусость", – ответил Твардовский.

Вчера Гриша П. излагал мне очень интересно свои мысли о моей статье в "Вопросах философии". Он, между прочим, очень правильно заметил, что по существу цзюньцзы – настоящий интеллигент. На мое замечание, что цзюньцзы было очень мало, он сказал, что и интеллигентов в Москве, может быть, не больше десяти, но тем не менее именно они способствовали продолжению традиции русской культуры.

13.7.1970 Прочитал "Сотников" В. Быкова из №5 "Нового мира". Неплохо, но все же слабее "Круглянского моста". Сила его – в правде, в том, что он рассказывает о таких жутких сторонах партизанщины, о которых другие молчат. Но слабость начинается там,

¹ Так называли свою империю древние китайцы.

где перед человеком, стоящим накануне смерти, встают последние вопросы. Здесь есть у Быкова и набившие оскомину слащавые мечты о будущем счастье, и недоговоренность (может быть, обусловленная цензурой), и сказывается общий провинциальный уровень и героев, и автора.

15.7.1970 Вчера слушал Иерусалим, замечательный ответ Польского Драгунскому. Он очень хорошо сказал, что большинство людей считает, что евреям полагается страдать, но что настал новый период в жизни нашего народа, и эти представления надо отбросить. Я подумал, что в результате многолетней и планомерно проводимой дискриминации многие тысячи даже неплохих людей начинают относиться к дискриминации евреев как к чему-то нормальному, а раз так, то и почти что правильному. И это уже не говоря о широко распространенном среди простого народа убеждении в том, что евреи стоят à part¹. Помню, в поезде из ГДР бабенка, в свое время угнанная немцами из Харькова, говорила: "Русским пришлось в войну всех хуже". "Не считая евреев", — возразил я. "Так то ж евреи", — был ответ.

16.7.1970 Кончил вчера Белинкова. Великая книга, один из удивительных образцов эзоповского языка.

"Не следует забывать, что глупость — это не только отсутствие ума, но что это такой ум. В глухие и темные годы мировой истории лучше всех низменные интересы людей, стоящих у власти, могли удовлетворять именно дураки, ничтожества и мерзавцы. В глухие и темные годы истории расползаются по земле тупые и самонадеянные гады и правит миром торжествующая бездарность".

20.7.1970 Прочитал за эти дни "The Fixer" Маламу-

¹ В стороне (франц.).

да¹. Чувство смешанное. С одной стороны, глубоко человеческая, взволнованная вещь, с прозрением в судьбу народа, с мыслями о связи с народом каждого из нас. "The Fixer" — потому что на нем фиксируется судьба, вернее, исторические судьбы, как он ни хочет избежать этого. Это все так. Но мне не нравится свобода обращения с историей. Мне кажется, если уж берется исторический сюжет, причем описывается не кто-то из эпохи, а совершенно определенное историческое лицо, то возникает естественное желание узнать, а как это в самом деле было. Фантазия здесь теряет самостоятельную ценность. Для Маламуда и его американских читателей, очевидно, здесь есть эффект экзотики: для них важно, что такое было, такое могло быть, такое может быть. Одно это настолько поразительно, что подробности, детали, очевидно, не важны. Но мы находимся к этому гораздо ближе, и для нас интересно не то, что такое было, а что именно было.

26.7.1970 Читаю прекрасную книгу Гретюсена (Groethusen) о Руссо. Разбор его творчества он дает через разбор его личности. У меня не будет этого пути, поскольку для этого необходимы такие обширные автобиографические материалы, как у Руссо. Замечательно, что Руссо тоже писал о том, что он не изменился со времени детства — как папа. Это, очевидно, черта великого человека. Очень интересно было бы выяснить, воспринималось ли "цзы" как "ребенок".

1.8.1970 Занятная история со статьей о культуре. Феликс меня просил прийти в НАА, ибо Брагинский заявил, что "ЧП со статьей Рубина". Я пришел, все плавало в табачном дыму, и Брагинский ораторствовал. Меня просили подождать. Через десять минут я вызвал Феликса и сказал, что пойду домой, ибо, по-видимому, говорить не о чем, если ему не нравится моя точка зре-

¹ Роман, в основу которого положено "Дело Бейлиса".

ния. Но Феликс уговорил меня остаться, чтобы бороться за статью: "Это не так безнадежно, там, по существу, нужно исправить пустяки". Я остался. Еще минут через десять он вышел и сказал: "Шеф зарвался, требует, чтобы был внесен тезис о двух культурах, на это вы соглашаться не должны". Попробую устроить статью в наш сборник.

5.8.1970 Я начинаю видеть книгу — важный этап в творческом пути. Легизм во мне всегда вызывал отвращение, но теперь мне хочется написать о нем, как он начался, из чего, как развивался и как пришел к своему жалкому концу.

Никто еще не мог о нем так написать. Китайцы — потому что у них нет дистанции, они жили и живут в легистской обстановке, их мысль развивалась сама тоталитарным путем, понятия свободы, демократии, человеческого достоинства у них не появились, восхищение государством и готовность к самопринижению ради его блеска у них вошла в плоть и кровь.

Западные же люди слишком от легизма далеки. Настолько далеки, что часть (подобные Вандермершу) вообще не замечает его гнусности, видя в нем лишь сциентистский опыт, вызывающий их сочувствие. Большинство же (такие, как Уотсон и другие американцы) прекрасно видят, что это такое, но не хотят им заниматься, испытывая к нему отвращение и не желая копаться в дерьме. Мне кажется, что именно человек, прошедший опыт нашей страны, может написать о нем по-настоящему, ибо ему видны некоторые нити, скрытые от других, и то, что может казаться стороннему наблюдателю причудливой и лишенной реального смысла игрой ума, воспринимается мной как факт биографии. Если удастся написать так, как Б [елинко]в, именно с подтекстом личным, даже автобиографическим, то буду считать свою задачу выполненной. Пока предварительный план такой:

1. Элиминирование чувства ради создания машины,

лишенной какого бы то ни было человеческого элемента.

2. Крушение механицизма: невозможность построить машину без страстей. Если эта машина не вдохновляется где-то человечностью, любовью, то их место занимает в общественной жизни и общественном сознании не бесстрастность, а злоба. Дьявольщина как суть государства. Доказательством этого должна быть подробная характеристика выступлений против "вредителей". Сознательное культивирование ненависти.

3. Крушение рационализма:

а) борьба против знания и против его носителей. Тупой служака как идеал;

б) вместо бесстрастной эффективности – саморазрушительная патология подозрительности.

Интересный пункт вот какой: возможна ли идеология, полностью противопоставленная морали. Идет ведь речь о чистой политике, совершенно лишенной моральных элементов.

10.8.1970 Вчера Вяткин интересно рассказывал о США. Признал, что рабочий класс там – "самая реакционная сила", говорил о том, что в студенческих волнениях участвует максимум 15%. Когда я спросил его, как реагировали, когда узнавали, что он из СССР, он ответил: "По-разному. Левые – плохо". – "А правые?" – "Тоже плохо". – "Но, значит, одинаково", – сказал С. Где же любовь и симпатия простых людей к отечеству трудящихся всего мира? Неужели ее заменили всеобщая ненависть и отвращение?

11.8.1970 Мне пришла в голову мысль, что, может быть, расположить всю монографию тематически, по проблемам. Это будет интереснее и даст возможность использовать больше уже готовые материалы: и статью о культуре, и статью о человеке, и статью о секретности. Но тут приобретает колоссальное значение выбор ключевых тем.

Эта мысль меня очень занимает. Самое интересное — проблема отшельничества.

Жанр моей работы будет — размышление. Но основанное на анализе текстов.

22.8.1970 Вчера смотрели в [кинотеатре] "Варшава" прекрасный польский фильм "Все на продажу" — о [киноактере] Цибульском.

Мне приятно было услышать лестные слова Марка Исаковича Казанина о моей книге. Он думает, что ее задерживают не случайно — из-за того, что она слишком острая. "Не переживаете ли вы педаль в смысле современности?" — спросил он меня. На это я ответил, что можно по-разному смотреть на историю, и что меня интересует тот ее аспект, который ближе к нам, а не то, что от нас далеко. Что же касается того, пойдет ли — ну что ж, вспомним о "конечном выводе мудрости земной".

26.8.1970 Вчера вечером звонила Рената. Это замечательная женщина по благородству, смелости, инициативности и какой-то духовной высоте своих переживаний. Я каждый раз чувствую, что общение с ней возвышает, освобождает, дает в какой-то мере то чувство полноты духовной жизни, которого мне так не хватало со смерти папы. Хотелось бы чаще с ней встречаться. Замечательно она сказала о фильме "Все на продажу": показав, как безнравственно все, даже самое тонкое и интимное, предоставлять "на продажу", они тут же совершили этот грех. Если бы они были последовательны в своей позиции, они должны были бы показать это на вымышленном сюжете.

Вчера наткнулся на проблему Бо И. Не поставить ли на нем тему "Идеал праведности в древнекитайской этике"¹.

¹ Над статьей о Бо И Виталий работал, в основном, в 1980–81 гг. Она осталась незаконченной. Издана посмертно в

31.8.1970 Был на овощехранилище¹.

Главное, для чего мне нужно использовать книгу — для концепции описательного эгалитаризма, упирающейся в отношении к людям как к детям. Вот это хорошо увязывается с патримониальной теорией господства. Правда, у конфуцианцев может идти речь об особом патримониальном господстве — нечто вроде государства Платона.

Последствия отсутствия права в Китае — конфронтация политики и морали. Не есть ли право в какой-то мере воплощение в государственной, политической области моральных принципов? Ведь то, что говорится у древних греков о воплощении справедливости в законах, об этом свидетельствует. Следовательно, отказавшись от права, сосредоточившись на ли [ритуал], не поняв того, что справедливость должна воплощаться в законе, конфуцианцы обезоружили мораль. Поэтому все то, что относится к ли, для меня крайне важно. И очень интересно, как решает все эти вопросы Сюнь-цзы — ведь у него именно имеется попытка государственного приложения конфуцианства. В общем можно сформулировать следующее: конфуцианцы полагались только на убеждение (воспитательная панацея), всякое принуждение ими отвергалось. А закон именно и есть принуждение, основанное на морали.

1.9.1970 Продолжу чтение Сюнь-цзы с записью своих соображений. На чем основано принуждение у Сюнь-цзы? В чем отличие от Конфуция и Мэн-цзы?

сборнике "Confucianism: the dynamics of a tradition", MacMillan, 1986 под названием "A Chinese Don Quixote: changing attitudes to Po Yi's Image".

¹ В Советском Союзе принято посылать сотрудников различных предприятий и учреждений, в том числе научных, на уборку урожая, переборку овощей в овощехранилищах, а также другие работы, связанные с сельским хозяйством или строительством.

В то время, как Конфуций и Мэн-цзы сосредотачиваются на сострадании (в особенности Мэн-цзы), у Сюнь-цзы пафос – порядок. Этот порядок должен быть основан на иерархии. Можно сказать, что Мэн-цзы в самом деле, далеко расходится с Сюнь-цзы: в сочетании "культура – нравственность", пожалуй, уравновешенного у Конфуция, Мэн-цзы делает явный крен в сторону нравственности. У Сюнь-цзы – крен в сторону культуры, и это дополняется пафосом порядка.

Вот текст, ключевой в этом отношении:

"Когда социальные различия нивелируются, то это еще не означает порядка; когда власть у всех равна, это еще далеко не означает единства; когда все одинаковы, это приводит к невозможности использования людей. Раз существуют небо и земля, есть и различие между верхом и низом, но порядок в государстве может быть лишь в том случае, если на троне сидит просвещенный государь. [...] Если власть и положение у всех будут равны и одинаковы будут потребности, то не хватит предметов для их удовлетворения, и непременно начнется борьба, борьба неизбежно приведет к смуте, а смута – к бедности. Прежние цари питали отвращение к смуте и поэтому установили – правила благопристойности (ли) и чувство долга (и), чтобы таким образом утвердить различия между бедными и богатыми, знатными и маленькими людьми. Лишь таким образом удалось добиться того, что все получали свою долю, и это и есть основа пропитания Поднебесной". Замечательный текст, поистине пророческий. Стремление накормить в равной мере всех приводит к тому, что не удастся накормить никого. Эта мысль была очень дорога Сюнь-цзы. Эгалитаризм упирается в нищету. По-видимому, это его ответ Мо-цзы. Проповедь необходимости порядка и иерархии сразу же уравновешивается проповедью разумного и благоприятного по отношению к народу управления.

Сегодня узнал, что принято постановление печатать Гришу П. Может быть, это симптом?

6.9.1970 Второй день в Ленинграде. Вчера утром приехали, к счастью, устроились на ул. Халтурина, по словам Миши, в заду Дома ученых. Были вчера в Петропавловской крепости – видели тюрьму Трубцкого рavelина, что произвело несравненно меньшее впечатление, чем чтение [романа Ю. Давыдова] "Глухая пора листопада" .

7.9.1970 Позавчера были в Акимовском театре на "Двенадцатой ночи" – весело, остроумно, ярко. Настоящее театральное зрелище. А вчера были на экскурсии "Пушкинский Петербург" – прекрасный экскурсовод, она читала множество произведений Пушкина; показывала нам дом "Зеленой лампы", возила к Черной речке. В свете современного опыта вся история дуэли приобретает совершенно новое освещение. Это эпизод из взаимоотношений поэта и власти – в этом отношении замечательна книга Белинкова. По существу это было самоубийство, ведь Пушкин, оказывается, сказал перед смертью: "Жить я не хочу". В двадцатом веке, когда дуэли уже стали невозможны, часть поэтов кончала самоубийством, а других (как Мандельштам) просто убивали. Весь пафос, направленный против Дантеса, в этой связи делается беспочвенным. Он был орудием: для правительства – орудием убийства, для Пушкина – орудием самоубийства.

Придворные – поэты... До Пушкина такие были, и по-настоящему крупные – Державин, Ломоносов. С Пушкина начинается мартиролог. Поэт и власть – какая богатая тема! Последним настоящим поэтом, с властью связанным и ей служившим, был Маяковский. Мотивы его самоубийства не ясны (личное здесь всегда переплетается с гражданским), но идейный тупик несомненен. У Пастернака тоже был период какого-то увлечения "идеалами", "пятилетками" и прочей дребеденью, но, к счастью для него, короткий. Освобождение поэта от ужаса жизни, внутренняя свобода, освещающая и тех, кто с ним соприкасался (например, Лару). Эта же внутренняя свобода была свойст-

венна и папе, и об этом так хорошо говорила Ю.Я. [Мошковская], вспоминая о том, как в самые страшные годы она шла к нему как к источнику света.

Интересно сравнить положение Пушкина с положением того, кто является столь же несомненным главой современной русской литературы, как Пушкин — тогда. Солженицын — открытый, решительный и бесстрашный противник. Кончать с собой ему ни к чему — он не ведет "изнасилованной жизни", убивать его не решаются. Представить себе Солженицына придворным уже невозможно по многим причинам, в том числе и потому, что между ним и официальным миром — пропасть, которой не было у Пушкина. Все же писал Пушкин: "Нет, я не льщу, когда царя хвалю"¹ и "Клеветникам России", представить же себе сейчас стихотворение с подобным названием, написанное честным поэтом, невозможно.

Положение Пушкина как придворного было ложно, но все же он мог им быть. И замечательные по субъективной убежденности строки Белинкова в защиту Пушкина все же, в какой-то мере являются апологетикой. Теперь между придворными и поэтами двойная пропасть — нравственная и культурная. Нравственная прежде всего — именно она пролегла между миром официальным и Солженицыным. Между такими, как Пастернак, и придворными пропасть еще и культурная. Думая об этом, видишь, как Россия идет к закату, и когда появляются такие вопросы, как "доживет ли"², то ясно, что доживет или нет, долго не протянет.

9.9.1970 "Силуэты Парижа" оказались вещью стоя-

¹ Цитата приведена неточно. Должно быть: "Нет, я не льстец, когда царю/Хвалу свободную слагаю" ("Друзьям").

² Намек на эссе А. Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?".

щей. В особенности, пьеса Саган, где изображается пострадавшая от автокатастрофы маленькая актриса, влюбленная в театр, рассказывающая гостиничному гарсону о том, что она великая актриса, и решающая для него устроить спектакль и его научить быть актером. Ее бывший любовник, которому все это надоело, бросает ее, объясняя гарсону, верящему ей, как на самом деле обстоит дело, тот сначала ему не верит, а потом, поверив, продолжает ею восхищаться. Юнгер играла ее с таким благородством, так проникновенно и высоко, она с таким волнением говорила о ремесле актера, — не восхищаться этим было невозможно. Давно не приводилось видеть актрису такого высокого класса. Сама же вещь в чем-то напоминала Дон Кихота: человек воображает себе роль, которую он на самом деле играть не может, но его вера в эту роль, его преданность миссии (какой бы нереалистичной эта миссия ни казалась) делается силой сами по себе и творят жизнь, более высокую и значительную, чем действительность, которая их окружает. "Творят жизнь люди веры". Но если Дон Кихот был охвачен нравственным пафосом, ибо именно к этому взывала та эпоха, то в теперешней Франции социальный пафос звучал бы фальшиво и карикатурно, и Элизабет охвачена пафосом искусства и им зажигает несчастного парня, им освещает его жизнь.

16.9.1970 Вчера прилетели из Вильнюса. Там четырнадцатого вечером в ресторане "Вильнюс" весело отпраздновали день рождения. До этого у меня все время была неуверенность в том, что все выйдет хорошо — незнакомство с местными условиями, опасение недоброжелательства из национальных соображений. Но все вышло превосходно. Столик в ресторане мне оставили, официант был необыкновенно мил и любезен, он весело шутил (что особенно редко) и помогал создать хорошее настроение. Оркестр играл прекрасно, мы с Сузанной много танцевали — а она танцует великолепно, будучи некрасивой, она делается прекрасной во вре-

мя танца. И мне было особенно приятно, что для них это тоже редкий праздник, ибо они не выбираютя годами (как и мы) в ресторан. Сегодня получил телеграмму: "Поздравляем рождением, пьем за твое здоровье, любим, целуем. Павел, Майя, Маруся".

17.9.1970 Сейчас прочитал то, что написано об отшельничестве и подумал, что можно было бы поставить тему иначе: "Подход к власти". Что такое власть? Нужно ли к ней стремиться? И отсюда уже — отшельничество, уход от мира политики и власти.

22.9.1970 Вероятно, интересно было бы сравнить "Сюнь-цзы" с "Законами" Платона. Во всяком случае, здесь впервые в конфуцианской мысли мы видим поворот: все идет с точки зрения управляющего, а не управляемых, и к пафосу воспитания благородной личности добавляется пафос иерархии. У Сюнь-цзы гораздо более выражен сословный подход. Идеал воспитания и образования народа уже позади. Народ — младенец, за него нужно решать все правящим, он должен заниматься своим делом — этого мотива, как будто, нет у Мэн-цзы. Народолюбие Мэн-цзы, носившее не только экономический, но и политический оттенок — у Мэн-цзы говорится о том, что правитель прежде, чем провозгласить кого-то виноватым, должен узнать мнение гождэнь [люди, народ], народ имеет право свергнуть деспота и т.д. — все это немыслимо у Сюнь-цзы. Народолюбие у него в основном носит характер заботы о благосостоянии и улучшении нравов, в политическом же плане господствует элитизм. Правда, другим аспектом этого элитизма является антидеспотизм. В общем, создается впечатление, что у Сюнь-цзы складывается нечто, очень похожее на имперскую идеологию. Важно и появление у Сюнь-цзы идеи обожествления императора. Вообще же Сюнь-цзы намного менее симпатичен, чем Конфуций и Мэн-цзы: и любовь к регламентации и иерархии, и доктринальный тон — все это отталкивает.

30.9.1970 Прочитал статью Бердяева о Великом Инквизиторе и увидел, что проблемы, с которыми я сталкиваюсь, сродни этим великим проблемам. Как относиться к человеку? Считать ли его ребенком, которому нужно только детское счастье? Именно так, как выясняется, говорил Великий Инквизитор. Но это и позиция Сюнь-цзы.

Бердяев о Марксе:

”Атеизм Маркса не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нет, что от Бога, наконец, отделались и ”стало возможным в первый раз помыслить о счастье людей”. Презрение Маркса к людям, к человеческой личности не имеет пределов, для него не существует человек с внутренним его миром, не имеет никакой ценности личность, хотя благо и счастье человечества (пролетариата, ставшего человечеством), устроение его по законам необходимости, сделалось его мечтой. Великий Инквизитор в Марксе так же презирает личность, как и Великий Инквизитор в абсолютном цезаризме, в государственном или церковном деспотизме”.

Очень знаменательно, что Бердяев такое значение придает правам человека, противопоставляя их правам государства. Идея прав человека, воплощенная в Декларации ООН, получила в наше время новую жизнь (именно в нашей стране).

Прочитал необычайно интересную книжку Г. Еллинека ”Декларация прав человека и гражданина”, М., 1905. Из нее следует, что признание за человеком каких-то неотъемлемых прав — явление сравнительно новое, с XVII века, и началось оно со свободы совести, провозглашенной в конституциях американских штатов.

4.10.1970 Вчера была Тамара В., говорила об отъезде. Они собираются ехать не сразу, а друг за другом, и эту тактику надо принять и нам. Остаться здесь, несмотря на хорошую работу, противно и невозможно. И под конец жизни хочется увидеть мир.

5.10.1970 Вчера был на отпевании Конрада. Сегодня была в Институте гражданская панихида.

Хорошо говорил Лихачев, сказавший о том, что Н.И. тяжело переживал то, что происходит в нашей науке. Карпушин говорил о его моральной высоте, о том, что он останется как бы вершиной, ориентиром для нас. Самым омерзительным и казенным было выступление Брагинского, рассказавшего о том, что он "соединил свою судьбу с пролетариатом", что он писал о том, "что не мыслит своей работы без коммунистов", что он был "русским, советским патриотом".

Ночью думал о том, как же мне все-таки писать. Писать нужно с увлечением, свободно, ибо именно в этом смысл и значение моего дела. Очень хороший пример — статья Субботина в "Вопросах философии" №9 о "Новом Органоне". Мысли Бэкона рассматриваются в свете новой эпохи, происходит встреча древнего человека с современным. При этом Субботин опирается на современные достижения логики и методологии наук и в этом отношении он находится в несравненно лучшем положении, чем я — ведь политической науки у нас не существует, а то, что есть, такая дрянь, что и упоминать не стоит — грозит опасность погрязнуть в каких-то вопросах азбучного порядка. Мне поэтому не придется выходить на такие просторы. Однако, хотя в основном я буду ограничиваться китайским материалом, но сравнение с Древней Грецией будет вполне допустимым приемом. Очень интересно, в частности, будет сравнить конфуцианство с Платоном.

Ф.Б. сообщил мне, что Буров, Сенин и Ян Хин-шун написали на меня донос в отдел науки ЦК, где обвиняют меня в идеализме, в том, что я проповедую филиацию идей. Наконец-то обратили внимание! Он думает, что в конце концов все это будет напечатано в виде статьи в НАА. Ну что ж, прекрасно было бы.

28.10.1970 Как мудро было устроено у религиозных людей — утренняя молитва! И ничего не страшно, и осеннее хмурое утро не давит душу.

1.11.1970 Итак, завтра доклад "Культура и власть в Древнем Китае", а я к нему почти не готов. Теперь надо продумать концепцию. Она должна сводиться к следующему:

В Китае был в самом начале его истории опыт борьбы с образованием и культурой. Объединение Китая произошло под эгидой антикультурной династии Цинь, и циньский отрицательный опыт оказал огромное влияние на будущее. Сожжение книг было попыткой решительно покончить с культурой и образованием и поставить государство на фундамент тотального регулирования.

Для того, чтобы понять это мероприятие, нужно начать с Конфуция. Как при нем стоял вопрос взаимоотношения культуры и власти? Он был тем, кто заложил фундамент самостоятельного статуса образования и культуры, независимости их от государства. Основав частную школу, Конфуций стремился к воспитанию в своих учениках качеств цюньцзы — человека, сочетающего культуру с гуманностью. При этом Конфуций считал, что цюньцзы должны управлять государством. Не в том смысле, что они должны занять трон правителя и, как говорили древние китайцы, приносить жертвы на алтаре земли и злаков. Нет, но они должны были стать его "мозговым трестом", они должны давать ему советы, он же — слушаться их. Тут уже намечается, с одной стороны, провозглашение права культуры и ее представителей на независимость — цюньцзы в своем поведении старается воплотить гармоническое сочетание культуры и нравственности, гуманности, вовсе не подчиняясь правителям. Более того, одна из основных заповедей цюньцзы состоит в том, что он должен уйти, если его советы не выполняются.

Конфуций говорил: "Цюньцзы — не орудие". Когда сейчас говоришь об этом, то чувствуешь, что недоверие, скептицизм в отношении нравственных проповедей так глубоко проникли в общественное сознание, что изложение принципов конфуцианства, проповеди

Конфуция, наталкивается на глубокое равнодушие. Однако, нет сомнения в том, что Конфуций и его последователи воспринимали его учение с глубочайшим воодушевлением. Иначе невозможно себе представить, каким образом оно сумело продержаться, распространиться и в конце концов одержать победу.

Как специфику конфуцианского учения, надо отметить его политическую направленность. Вернее, в основе лежала этическая идея, но эта идея имела политический выход. В этом — опровержение точки зрения Т. Манна на то, что будто бы только в Европе создалось учение, имеющее целью преобразовать жизнь.

Загадочным фактом в истории конфуцианства является то, что конфуцианство оказалось таким сильным течением, несмотря на свою видимую слабость. Когда читаешь о попытках Конфуция и Мэн-цзы убедить прошедших огонь и воду правителей идти путем гуманности, когда представляешь себе все эти разговоры, когда Конфуций, например, убеждает прожженного политика, что для того, чтобы справиться с воровством, нужны не карательные меры, а самоусовершенствование — увидя хороший пример в лице правителя, люди сами перестанут воровать, или когда Мэн-цзы убеждает правителей в том, что объединить Поднебесную можно, развив в себе отвращение к убийству людей — тогда народ враждебных государств перейдет на его сторону — поражает наивность, трогательная, а подчас и смехотворная, наивность всех этих попыток. И кажется, что люди, которые верили в то, что подобные наивные уговоры имеют хоть какой-то смысл, были просто чудаками, которых и принимать-то всерьез не стоит. Но когда подумаешь о том, что произведения, в которых все эти наивные разговоры записаны, сохранились и через полторы тысячи лет приобрели статус канона, а наивные чудаки рассматривались как духовные вожди сотнями миллионов людей на протяжении многих столетий, то приходишь к выводу, что их наивная, беспомощная и безоружная вера была не так уж смешна и бессмысленна.

Вывод — в самом начале китайского государства лежала попытка создать деспотическую, абсолютно централизованную структуру, и в период Хань, после краха этой попытки, возникло сознание необходимости того, чтобы управление опиралось на интеллектуальную элиту. Это сознание и разработка соответственной техники привели к невиданно высокому уровню правящей элиты, что и является одним из существенных моментов, объясняющих прочность Китая. С другой стороны, в самой структуре власти в Китае сохранился глубокий антагонизм двух принципов: легистского деспотического принципа, видевшего в интеллектуальной элите главного своего врага, и другого — претензии интеллектуальной элиты на управление. Вопрос культуры оказался в китайской истории тесно переплетенным с вопросом власти, и это объясняет, в известной мере, почему борьба за власть, происходившая в Китае несколько лет назад, была названа именно культурной революцией.

4.11.1970 Кончил "Дни" Шульгина, начал "1920 г.". Необыкновенно интересно. Где они, такие же искренние, талантливые и воодушевленные защитники современного самодержавия? Тут интересно разобраться. Взгляды Шульгина одобрить невозможно — его любви к России с ее самодержавием и рабством, я, конечно, не разделяю. Но все же было там что-то, что могло вдохновить такого, как он. Что? Даже трудно себе представить. Впрочем, может быть, и не так трудно. Стоит вспомнить маму с ее любовью к России. Было что-то там уютное, душевное, широкое, за что тогда они ее любили. И не только не стремились бежать, но, напротив, стремились вернуться. Понять это сейчас все же трудно.

Вчера — длинный разговор с Брагинским. Когда он, войдя в раж, стал упрекать меня в том, что я унижаю народ, и воскликнул: "Как вам не стыдно", я, прервав его, сказал, что мне несколько не стыдно и что я бы попросил его выразиться сдержаннее. Это на него по-

действовало, и он стал осторожнее. Половина того, что он говорил, имела весьма слабое отношение к статье. Забавно, что сначала он сказал мне, что будет со мной гораздо более резок и откровенен, чем на редакции (или редколлегии), где обсуждалась моя статья, Феликс же, пришедший позже, сказал, что он со мной был значительно либеральнее, чем на редколлегии. Так была разоблачена его ложь — на самом деле мне он говорил не больше, а меньше. Иначе говоря, там говорил гадости, которые мне повторить не решился.

16.11.1970 Есть же смелые и благородные люди: Андрюша Твердохлебов вместе с Сахаровым и Чалидзе организовали общество по изучению гарантий прав человека в Советском Союзе¹. При этом они заявили, что готовы консультироваться с советскими органами и консультировать их, но не будут принимать в свои ряды членов каких-либо политических организаций, как коммунистических, так и антикоммунистических. Молодцы! К ним присоединился Леонтович. Но я сразу, услышав об этом, подумал о том, что я к этому обществу не присоединюсь, потому что не считаю себя гражданином этой страны, не верю в возможность улучшения здесь без чудовищного кровопролития и не буду здесь вести политическую деятельность.

17.11.1970 Такие истории, как с Э., помогают продумать те основы, на которых строится наше поведение. Я говорю "наше", потому что действительно это некий неписанный кодекс, определяющий поведение целой большой группы людей, нас окружающих. Это то, что объединяет интеллигенцию (хотя термин имеет много значений). И я бы сказал, что на первом месте

¹ Речь идет о создании Комитета прав человека в СССР. А. Твердохлебов в 1976 г. был приговорен к пяти годам ссылки; эмигрировал в 1980 г. В. Чалидзе эмигрировал в США в 1972 г.

стоит "заповедь Антигоны": я буду поступать по совести, выполняя свой человеческий долг, чего бы это мне ни стоило и на какой бы риск мне ни пришлось ради этого идти. Десятки раз вставая перед таким выбором, каждый раз утверждая свое человеческое достоинство перед лицом угрозы тоталитарного чудовища, мы выработали в себе такие качества, которых нет у самой лучшей части западной интеллигенции. Пример Э. в этом отношении показателен: читая о нас, много зная и интересуюсь, она тем не менее абсолютно не была подготовлена к испытанию, с которым ей пришлось столкнуться, и оказалась не на высоте: испугалась, не пришла, когда обещала, бежала самым постыдным образом перед приходом Г.

А между тем, у нас именно этим определяется, человек ты или не человек и чего ты стоишь. И не удивительно, что Ф.П., узнав, что Э. не позвонила им, потому что испугалась, сказала: "Жаль, что мы так хорошо ее принимали".

Думаю, что тот вид проституции, которым занимаются ее милые друзья, намного хуже в общем безобидного занятия западных девиц. Во-первых, те работают на себя, эти же — на тоталитарное чудовище. Во-вторых, те больше всего вреда наносят себе, продавая за деньги собственное тело. Эти растлевают души за привилегии, машины, поездки за границу. Что может быть омерзительнее и гнуснее получения привилегий за растление душ и воспитание рабов?

Ну, надо приниматься за дело. Вчера Юра Бр[егель] рассказывал, что читал новое постановление о "гербовых сборах". Отказ от гражданства стоит 500 рублей, получение — от 50 копеек до 1 рубля. Единственный случай, когда приобретение чего-то стоит в 1000 раз меньше утраты.

19.11.1970 Вчера был на докладе Аверинцева. Замечательно он говорил, особенно в конце о молчащих культурах. Он сказал, что есть культуры, суть которых не в слове, например, египетская. Но как греки и пос-

ле принятия христианства не могли забыть, что у них были Платон и Аристотель, так и евреи не могли забыть, что у них была Библия. И здесь вступал в силу закон, сформулированный Булгаковым: "Рукописи не горят".

Вчера были на концерте "Музыкальный дар" Баха в исполнении Баршая. Сейчас раннее утро, но мне не спится, меня одолевают думы ... Все снова думаю о нашей жизни. Я все чаще в разговорах с Э. употребляю слово "наш", "мы", потому что в самом деле сейчас сложилось что-то вроде рыцарского ордена, к которому мы принадлежим. Тема бесстрашия встала именно при сопоставлении с ее поведением. Но она обещала учиться.

25.11.1970 Я подумал о том, что интересная вещь — признание. Сидишь и пишешь что-то в тишине своей комнаты, и потом оказывается, что это нужно, важно, что ты становишься известен и интересен.

26.11.1970 Почитаю Федотова¹ ["Новый град", Нью-Йорк, 1952]. Как хорошо он пишет о парадоксе еврейства:

"Хотелось бы только указать на новый, совершенно неожиданный оборот, который история дает древней еврейско-христианской тяжбе. Когда-то евреи распяли еврея Иисуса. После того, скоро уже две тысячи лет, как Его ученики распинают евреев. Ныне Иисус возвращается своему народу, под улюлюканье и крики язычников: "Распни Его, Он жид!"

27.11.1970 Я думал о том, что Э. мне рассказывала. Ориентированность на секс — как ее оценить? В общем она глубоко мне чужда. Очень хорошо написал Белль

¹ Г.П. Федотов (1886–1951) — историк и религиозный философ. Эмигрировал в Париж в 1925 г.

об этом в своей рецензии на "В круге первом". Он говорит о том, что советским людям скучно читать про секс, и это совершенно верно. Белль замечает, что именно в этой обстановке возникает верность, о которой совершенно забыли на Западе. У меня возник вопрос, как же там подходят к браку, и неужели солидный пятидесятилетний ученый строит свои отношения с женой в зависимости от того "работает ли". Но если так, то вообще утрачивается всякое значение человеческой привязанности, верности, сложившейся годами близости, любви, наконец. Ведь не сводится же любовь к сексу. Утрачивается и значение жертвенности, и человек в конечном счете приближается к животному.

Сексоцентризм — вот слово, которое, как мне кажется, подходит для этого мировоззрения. Оно все же влечет человека не вверх, а вниз.

2.12.1970 Федотов: "Человек становится вполне человеком только в процессе культуры, и лишь в ней, на ее вершинах, находят себе выражение его самые высокие стремления и возможности. Только по этим достижениям можно судить о природе и назначении человека".

Федотов о современной науке: "... 'Свобода исследования' стала узкопрофессиональным интересом ограниченного круга ученых. Политики, ведущие за собой массы, перестали с ней считаться. Ученому просто задают задачи для обслуживания национальных или политических интересов, не считаясь с его взглядами или убеждениями. Нет такой грязной работы, которая не возлагалась бы на современного ученого в 'передовых' коммуно-фашистских странах. Самое поразительное — та легкость, с которой огромное большинство ученых принимает 'социальный заказ'. Это показывает, что ученый сам перестал уважать науку, что его отношение к ней стало 'формалистическим'. Его интересует работа, техника ее, а не содержание открываемой или приоткрываемой им истины. Современный ученый не со-

бирается умирать за науку, как умирал пуританин, гугенот или католик за свою веру”.

6.12.1970 Когда Э. рассказывала, что за ней следят, меня вдруг на время охватил животный страх. Надо с этим бороться. Знаю, что скоро пройдет. Последний раз такое я испытывал, когда в 1968 году решил вдруг (помню, это было во время разговора с С.И. в Таганском метро)¹, что уволят и меня, и Ину. И помню тоже, что особенно щемящий страх был за Ину. Но оказалось все напрасно, все было кошмаром, не ставшим, слава Богу, действительностью, и даже в моей судьбе произошел резкий перелом к лучшему.

15.12.1970 Вчера мне пришла в голову мысль, что, может быть, существенно для меня объяснить развитие китайской мысли выветриванием морали в период Чжаньго. Как же тогда представить себе все развитие? Сначала — секуляризованная форма религии — конфуцианство. Панморализм. Затем — выветривание морали. Процесс, аналогичный, в известной мере, возрождению, породившему Маккиавели. Это же можно сказать и о двадцатых и тридцатых годах. Трудность в том, что у нас давать такие характеристики, как выветривание морали, не принято, и поэтому придется прибегнуть к теоретическим построениям, относящимся к другим эпохам.

17.12.1970 Многие из моих трудностей проистекают от крайней нерешительности. Я все никак не могу решить, как мне писать, по какому пути идти. Меня мучает крайнее уныние, отсутствие интереса и даже отвращение к своему делу. А т.к. я работаю совершенно один, не завишу ни от кого и от меня не зависит никто, то я сколько угодно могу предаваться унынию и без-

¹ Во время репрессий за “подписанство” (см. примечание к 26.3.1968).

дельничать. Я десять месяцев фактически никому не должен буду давать отчет. Здесь-то и видишь все недостатки отрыва науки от обучения. Если бы у меня были студенты, которым я должен был бы что-то еженедельно преподносить, если бы я чувствовал перед ними какую-то обязанность и ощущал бы связь и сотрудничество с ними, все могло бы быть иначе. Сам контакт выводил бы меня из инерции уныния и подавленности.

Мой метод писания связан, очевидно, с моим душевным строем. Я пишу медленно, с перерывами, мучительно ища чего-то нового, новой интерпретации, и пренебрегая систематическим изложением материала. Но так получается очень неэффективно. Дело не только в том, что новое вообще не так-то легко найти, что в особенности это трудно, когда вторично рассматриваешь ту же тему (как это и происходит со мной), но и в том, что некоторые новые интерпретации заведомо не могут быть высказаны. Поэтому ограничиваться таким методом — значит в значительной мере обрекать себя на бесплодие.

Боюсь впасть в прежнее уныние, это самое страшное; не умею себя утешать, и кажется все серым и безразличным. Пусто и сейчас, и впереди, ничего не нужно, ничто не интересует. Так, тянешь ляжку. Все это уж очень напоминает гриновскую безысходность "Сути дела", безысходность, связанную с невозможностью найти чистый и достойный путь. Трагедия чистой совести, неумения мириться с собственными слабостями. Мне всегда это не нравилось, потому что я здесь видел какую-то не совсем понятную мне сосредоточенность на тупике. Гриновский человек лишен какой-либо широты, желания и умения как-то оглянуться вокруг, найти где-то еще какую-то опору. Такой опорой не служит для него и религия, хотя, казалось бы, она должна была бы исполнять эту функцию, помогать, поддерживать.

29.12.1970 Узнал от Вити Кунина о выходе "Идео-

логии и культуры”. Ну что ж, на сорок восьмом году жизни вышла, наконец, маленькая книжка. У папы и этого не было, и надо радоваться, что удалось написать и напечатать то, что хотел, без всяких уступок. Теперь вопрос в том, чтобы вовремя сдать вторую книжку, и чтобы она была не хуже. Как-то за последнее время очень трудно стало писать — апатия одолевает, все противно, ничего не нужно.

18.1.1971 Приятная новость — выпустили [в Израиль] Цукерманов. Надо двигаться и нам. Сделать это в конце года или через год?

Сегодня Вяткин говорил со мной о плане. Думаю, что все же имеет смысл настаивать на переводе. Это такая вещь, которая будет представлять ценность при любом отношении ко мне, а мне надо готовиться к тому, что отношение резко переменится. И действовать надо немедленно.

Когда я стану ”персона нон грата”, сразу же печатать какие-либо мои самостоятельные работы перестанут. Поднимут головы все мои многочисленные враги, которые громогласно будут заявлять, что они всегда знали и давно чуяли. Между тем, на тот случай, если мне здесь придется задержаться надолго, против перевода источника сказать будет нечего, и ”знание” и ”чутье” пропадут даром. Конечно, выгнать меня из института могут при любых условиях, но надо и то сказать, что в случае перевода ущерб будет ощущаться гораздо яснее.

21.1.1971 Вчера были у Бориса Цукермана. Ему накануне звонил Юлиус [Телесин из Израйля] и спросил, на что он претендует. Борис ответил: ”На метельщика”. Юлиус ответил, что здесь гораздо легче найти место инженера, чем метельщика.

26.1.1971 Доклад Вяткина — скука. Мы вынуждены слушать о том, что происходит в мире, который для нас все равно закрыт. Не так-то глупы были легисты,

когда, стремясь не дать крестьянам уйти из деревни, заботились о том, чтобы они ничего и не слышали о внешнем мире.

9.2.1971 Сегодня делал доклад об отшельничестве, как будто удачно.

Читал французские журналы, где политика КПСС характеризуется рубрикой "Как фабриковать сионистов". Автор рассказывает, что в израильском МИДе, в отделе, называемом "Сибирь", ему сказали, что они сами поражены силой еврейского национализма в СССР. "Молодые люди не укротились, хотя они и не обладают никаким еврейским воспитанием".

21.2.1971 Вчера был Сережа Аверинцев, Рената, Наташа. Аверинцев произвел чарующее впечатление. В его монологичности нет ничего авторитарного, и чего он только не знает! О Г. Гессе он говорит так, как будто он знал его лично. Ина правильно заметила, что в нем есть много общего с папой: то же умение говорить со всеми о том, что его интересует, та же поразительная память. Он интересно сказал о древнекитайских учениях: зачем европейцам конфуцианство, если у них есть собственная моральная трагедия, в то время как традиции, подобной дзэн-буддизму и даосизму, у них нет. Я подумал потом, после его ухода, что он будет разочарован тем, что у меня написано о даосизме. Я взял не сильнейшую сторону Чжуан-цзы, это ясно, а в общем, говоря о древних учениях, нужно брать то, что в них наиболее глубоко и интересно. С другой стороны, на меня всегда производит сильное впечатление субъективная манера подхода и смелость, с которой дается оценка классикам и признанным авторитетам. Моя книжка написана очень субъективно, и в этом ее сила.

3.3.1971 И.Д. Левин об утилитаризме:

"Те, кто сводит этику к эгоизму (вроде Чернышевского, утилитаристов), замечает только это соскальзы-

вание, но не видит, что необходимо должно быть нечто, с чего можно соскользнуть. Давая хлеб голодному, я могу испытать некоторое удовлетворение, своего рода удовольствие. Но если бы я думал только о своем удовольствии, я бы не стал давать голодному хлеба (мы уже не говорим о том, что эта теория не в состоянии объяснить, почему нарушение этики является по существу правилом, а ее соблюдение — исключением)”. Это очень тонко. Если бы в самом деле все всегда делали хорошие поступки только с низменной целью, непонятно, откуда брались бы плохие поступки. Мера этического поведения определяется степенью самоотдачи.

Надо копить деньги. Сегодня передали, что уже двадцать четыре семьи выпущены. Между тем, те семьсот рублей, которые у меня были, опять тают. Думаю, что этим летом никакого отпуска не возьму.

4.3.1971 В чем моя сила? В размышлении, в анализе. В знании древних источников, конечно, тоже.

Да, круг завершается. Вчера передавали письмо четырех тысяч евреев. Наш народ прошел путь от Испании через Францию, Германию, Польшу и Россию, и теперь — накануне возвращения в страну, откуда он был изгнан около двух тысячелетий назад. Ничтожества, стоящие во главе этой страны, не будут в состоянии долго противиться этому историческому движению. Их тупость способствовала провалу плана ассимиляции, который, как правильно заметил Федотов, провалился бы, наверно, и так.

Федотов: “Фашизм показал, что никакая ассимиляция не спасает еврейства, не может укрыть его. Забвение религии, языка трех денационализированных поколений недостаточно. Быть может, десять поколений могли бы изгладить все следы прошлого, замазать последние черты древней благородной расы, но история не дает этих десяти поколений. Выход из гетто начался лишь с XIX века, примерно, с французской революции, в России — много позже. Ассимилированное ев-

рейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его...

Трудно представить себе процесс ассимиляции столь легким, каким он был в прошлом столетии. Этот процесс протекал безболезненно в денационализированной обезличенной среде. В XIX веке еврей, желавший забыть о своем еврействе, легко мог стать членом космополитического общества. Но ему уже было много труднее стать своим, скажем, в кругу русских славянофилов. Ему надо было носить маску или делать усилие над собой. Родиться заново в иную нацию не так легко...

Да и желательна ли это? Не возмущает ли самая мысль о таком исходе? Даже с чисто позитивной точки зрения исчезновение одного из самых одаренных народов, давшего миру столько гениев, если бы оно и было возможно, представляло бы тяжелую утрату для человечества. Нельзя утешаться тем, что евреи будут давать миру свой вклад, как они дают и сейчас, в чужих национальных общинах. Да, сейчас дают, потому что не истощены еще силы, накопленные в гетто, силы тысячелетней религиозной веры и мессианских упований, растрачиваемые теперь в 'теориях относительности' и в 'психоанализах' и прочем. Но потухнет этот костер, и его жар остынет, тепло рассеется в воздухе. Неизбежная 'энтропия' сровняет уровень еврейской и 'арийской' духовной температуры".

11.3.1971 Вчера сообщили, что сто пятьдесят евреев устроили сидячую забастовку в Приемной Президиума Верховного Совета СССР. Да, дело властей плохо. Эрнст [Пальхан], говорят, уезжает. В общем, дело движется. [Голда] Меир сказала, что не надеется, а уверена, что будет большая алия из СССР, ибо теперь нет иного выхода ни у евреев, ни у советского правительства.

12.3.1971 Вчера думал о том, что если мы действительно стремимся на свободу, готовиться к этому на-

до сейчас же. Здесь два фактора: 1) риск; 2) лишения, связанные с тем, что необходимо иметь деньги на паспорт. На книжке должно быть не менее двух тысяч рублей, совершенно неприкосновенных. Так у нас не бывает, чтобы просто взял и уехал. Для этого нужна настойчивость, почти маниакальная. Как у Бориса Цукермана. Конечно, на такое я неспособен, но есть другие способы, более доступные.

От чего я могу и от чего не могу отказаться? Могу: 1. От поездок в отпуск. Это один из существенных годовых расходов, на этом можно сэкономить рублей двести минимум; 2. От покупок вещей. Тут можно ограничиться самым необходимым, и тем, что дешевле.

Не могу: от встреч с людьми. Но здесь, когда приглашаем в гости, надо ограничиться минимумом. Все это не очень весело, но думать об этом надо. Если не я, то никто об этом не подумает.

14.3.1971 "Боже, дай мне силы перенести то, что я не в силах изменить. Боже, дай мне силы изменить то, что я не в силах перенести. Боже, дай мне мудрость, чтобы не спутать первое со вторым" (испанская мудрость).

Был Миша Занд, подавший заявление и ходивший в партком. Все взволнованы открывающимися перспективами. Замечательные ребята! Приучили-таки начальство к мысли, что ничего не поделаешь, придется отпустить. С одной стороны слух о том, что все это перед съездом (несомненная чушь), с другой — что есть план отпустить в ближайшие годы триста тысяч. [Игал] Аллон отметил, что это стало серьезной внутренней проблемой Советского Союза.

24.3.1971 Не является ли все, абсолютно все, что я сейчас делаю, бессмысленным, если исходить из того, что я отсюда уеду? То, что я пишу сейчас и о чем думаю, напечатано здесь не будет, если не будет здесь меня. Между тем, если ждать каких-то радикальных

изменений в моем семейном положении, то прождать можно долго. А время не ждет. Каждый день, который я провожу здесь, а не там, минус. При существенных условиях, когда ни одной строчки нельзя вывезти, значительная доля потраченных усилий пропадет вообще.

25.3.1971 Я подумал вчера, что установка на "наименьшие жертвы" здесь, по-видимому, работать не будет. Установка должна быть другая — на "любые жертвы".

Теперь надо подождать вызова.

Сегодня обсуждают М. Занда. Интересно, чем все это кончится. Вчера его исключили из союза журналистов.

27.3.1971 Вчера уволили Мишу Занда с работы и расторгли с ним все договоры.

29.3.1971 Вчера узнал подробности об аресте Миши Занда. Это была просто ловушка, и их задержали, очевидно, чтобы предотвратить неприятности во время съезда. Они решили бороться с евреями при помощи закона о мелком хулиганстве. Страшно за Мишу из-за его болезни. Как он все это перенесет?

30.3.1971 З. сказала, что Титаренко высказывался отрицательно о моей книжке. Надо было этого и ожидать. Естественно, что этот лезущий в науку чинуша не может быть по одну сторону со мной. Впрочем, когда у него была моя статья в "Вопросы философии", он проявил себя лояльно.

Что будет с Мишей Зандом? Страшно за него.

Надо гнать дальше работу. Не останавливаться. Конечно, вряд ли она будет напечатана, но тем более писать ее надо без оглядки. Анализ показывает там много интересного.

Около месяца тому назад был в больнице у Миши, а сейчас он уже — всемирная известность. Сегодня чи-

тал в "Геральд Трибьюн" о его выступлении в синагоге, по израильскому радио передавали, что его приняли в Союз израильских журналистов. "Геральд Трибьюн" пишет о том, что эмиграция евреев из СССР приняла еще не виданные масштабы; есть и о предполагаемых трехстах тысячах, а также о том, что, по слухам, это "утка", пущенная к съезду. С другой стороны, выражается вполне обоснованное сомнение в том, что это так. Они пишут, что внезапное прекращение эмиграции вызовет очень серьезные последствия. Это по существу то же, что думал я – что делают они это не потому, что так хотят, а потому, что иначе не могут. Это и означает, что они опасаются поступать иначе. Решительность евреев такова, что ставит их перед дилеммой – либо арест, либо разрешение на выезд. Путь к массовым арестам закрыт, остается давать разрешение.

12.4.1971 С десятого апреля Миша Занд дома. От сердца несколько отлегло.

18.4.1971 Вчера был у Миши Занда. Целую ночь потом о нем думал. Он рассказывал достаточно жутко о том, как его подвергали искусственному питанию. Вообще же обращение было очень вежливое. Как это ни странно, начальник тюрьмы, по его словам, очень симпатичный человек.

Миша дал книгу Бубера, просил выбрать что-нибудь для перевода. Так растут мои обязанности. Надо обязательно переписать папины письма, иначе они могут пропасть. Машинописный текст совсем другое, чем рукописи. Надо будет послеобеденное время в среду посвящать этому. Неизвестно, конечно, для кого я это пишу. Но я верю в то, что это не исчезнет.

23.4.1971 Думал над тем, как же достать денег и решил, что пока самый верный путь – быстрее кончить книгу. То, что я могу сэкономить – сушие пустяки. По пятьдесят рублей в месяц означает, что через год (!) я буду иметь еще 600 рублей. Но вот если кончить

побыстрее, тогда сразу же после окончания я смогу заняться гонорарными работами. Правда, в большинстве случаев они оплачиваются не сразу, но все же... Вообще же, по-видимому, после получения вызова надо будет довольно скоро подавать. Денег, сколько нужно, у меня все равно не будет.

29.4.1971 Мише Занду вчера ответа еще не дали. Были созваны взрослые дети подавших заявления и их пытались обработать. По-видимому, безуспешно. Беспомощность этих людишек, их убожество поистине поразительны.

Читал интересную статью об американских евреях, где говорится, что пятьдесят лет назад их ответ на современные события не был бы столь мощным и единодушным.

30.4.1971 Интересно подумать о такой проблеме. У Конквеста¹ прочитал о том, что не случайно Сталин приветствовал теорию условных рефлексов. По существу теория легизма представляет собой тоже нечто вроде теории условных рефлексов. Полное отрицание личности, возможность манипулировать ею при помощи наград и наказаний.

1.5.1971 Послал вчера письмо с просьбой о вызове.

24.5.1971 Передавали, что Трюдо спрашивал Косыгина о евреях, на что тот ответил, что многих уже выпустили и продолжают выпускать. Такой нажим, конечно, очень полезен. В то же время, процессы продолжаются. Не ясно пока, что собираются делать с новым фактом — признанием в печати существования советских сионистов. Совершенно ясно, что подобные шаги могут только усилить антисемитизм и сверху, и сни-

¹ R. Conquest, *The Great Terror; Stalin's purge of the thirties*, London, 1968.

зу. Ergo — надо работать ради получения вызова.

Звонил Миша, говорил, что вчера мне должно было прийти телеграфное подтверждение вызова. Да, после этого разговора я задумался. Ясно, что, делая дальнейшие шаги, надо считаться с возможностью увольнения. На это надо идти, твердо подготовясь, помня, что *readiness is all*. Теперь проблема В.В. [мать Ины]. Тут невозможно ждать: поскольку в одиночку не отпускают, другой выход будет — разойтись с Иной. Но если я это сделаю, то на каком основании и она потом сумеет туда уехать? Нет, следовательно, этот вариант отпадает.

Может быть два варианта стратегии:

1. Активная. Недостаток ее в том, что она может привести к плохим результатам еще до того, как я буду к ним подготовлен. Плюс ее в том, что чем скорее это дело начать, тем скорее оно кончится. А времени у меня не так уж много, мне не двадцать лет. Надо попробовать быть там по крайней мере к пятидесяти годам. Не позже. Но для этого начинать надо уже сейчас.

2. Пассивная. Недостаток в том, что уходит время, положительная сторона в том, что при нестабильности и явной ненормальности ситуации можно рассчитывать на поворот к лучшему.

26.5.1971 Конечно, я-то буду знать, что если бы голова не была занята другим, книга была бы лучше. Но никто, кроме меня, этого не почувствует. В этом можно быть уверенным.

27.5.1971 Вчера послал Борису Цукерману телеграмму о том, что вызова не получил. Сегодня думаю написать им письмо.

28.5.1971 Придя на работу, ощутил такую тоску, что решил, ради разрядки, радости общения, пойти в ИНИБОН¹. Там встретил Майю [Улановскую] и Толю [Якобсона], с ними вместе пошел в [кафе] "Ивушку" и более или менее пришел в себя. Обсудили все. Сегодня утром – обрадовавшее меня известие о том, что Вадим Меникер получил разрешение. Рад за него и жалко, что тут его не будет. Большая умница, мне всегда так приятно было с ним разговаривать. Значит, все-таки есть надежда. И всего два месяца прошло со времени подачи. Надо действовать! Это известие было мне так нужно. Подчас, будучи дома в уюте и спокойствии, думаешь: "Зачем разрушать все это?". Ведь то, что ты делаешь, сразу же приведет, не может не привести, ко множеству неприятностей или чему-нибудь похуже. И срок, который это будет продолжаться, определить заранее невозможно. Но если не надеяться на это, жить для меня будет невозможно.

Все же как много переменилось! Еще какой-нибудь год назад это показалось бы невероятным. Несмотря на тупость, бешеную злобу, невежество, не удастся удержать пробудившегося народа. Таинственный дух всемирной истории пробивает себе дорогу.

6.6.1971 В ночь на четвертое июня провожали Вадима Меникера. Он быстро проделал тот путь от демократии к сионизму, который характерен для достаточно широкого круга молодой интеллигенции.

Да, работать, думая все время о другом, трудно, даже можно сказать, невозможно. Но нужно, ничего не подделаешь. По-настоящему ты будешь работать там.

18.6.1971 Ждать становится так трудно, что неволь-

¹ Институт информации и Библиотека общественных наук АН СССР (прежнее название: Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР).

но напоминаешь себе слова Вадима: "Ждали две тысячи лет, подождем еще".

12.6.1971 Наконец-то! Получили из Тель-Авива телеграмму: Выслал вызов номер 8456/71 почтовым отправлением 2978 от десятого июня Нисан Мордехай, Ицхак Садэ 55, Тель-Авив, Израиль.

14.6.1971 Послал телеграмму с благодарностью.

Пришел из института какой-то вялый, не мог заставить себя взяться за работу. Думаю все время об одном, и подчас мысль: а почему тебе не отказаться, не удовлетвориться тем, что есть? Но когда представляю себе будущее без этого, вижу, что оно бессмысленно. Ну, напишу еще пару книг, но буду постоянным рабом, в том смысле, что не смогу говорить то что думаю. Влачить такое существование еще десять, двадцать лет... Нет, не стоит. Лучше сделать отчаянную попытку вырваться. В конце концов, что я теряю? Материальное благополучие, безопасность, спокойствие, хорошую работу? Конечно, материальное благополучие вещь неплохая, но в общем-то голод (в буквальном смысле) мне не угрожает. Угрожают лишения, невозможность что-то купить, куда-то поехать... Все это, в общем, не страшно. Жалко Ину, но и ей можно внушить мысль, что все это не так страшно.

Безопасность... Да, конечно, сейчас я ничего не боюсь, тогда придется бояться, что придет милиция, что будут куда-то таскать, приставать, чего-то требовать. Малоприятно, но сейчас все же не смертельно. Конечно, надо быть готовым к худшему, ко всему, но надеяться на лучшее. Как два года назад, когда меня "миновала чаша сия". Да, странно, но зато волнующе, зато с надеждой. Вот в чем суть — в надежде. Это — путь надежды, путь свободы. За него надо платить.

И, наконец, хорошая работа. Сначала, два с половиной года назад, то, что у меня есть возможность беспрепятственно заняться любимым делом, меня очень вдохновляло. Но этот энтузиазм прошел. По-

чему? Потому что я не могу быть глухим ко всеобщей атмосфере апатии, охватившей эту страну, и к тому, что есть люди, сумевшие вырваться на свободу из этой клетки. Вот на этом-то и сосредоточились теперь все мысли. Но надо помнить о том, что это нелегко, что это страшно; и тогда можно преодолеть и страх. Readiness is all.

А работа? После того, как все помыслы сосредоточились на отъезде, к работе пропал вкус. Я, безусловно, закончу монографию, но в ней не будет того порыва и задора, который был в первой книжке. Чтобы создать что-то поистине значительное, надо этому отдалиться. А когда не получается, когда барьер не здесь, и для того, чтобы его преодолеть, надо напрячь все силы, тогда пишешь что-то проходное. Да и мысль, что все равно это не напечатают, особой бодрости не придает.

17.6.1971 Вечером был на проводах. Толпа — такой еще не видел. Вся квартира буквально забита людьми, все говорят друг с другом; чтобы пройти из большой комнаты в чулан, понадобилось минут десять. Увидел много прекрасных молодых лиц. Но ситуация в ОВиРе сейчас не радует: последний раз были одни отказы, причем нескольким отказали потому, что здесь не видят воссоединения семей. Одной девушке отказали под тем предлогом, что она подписала заявление о том, что не будет голосовать. При этом она уже раньше получила фактически разрешение. В общем, здесь нельзя ждать никаких объективных условий; можно исходить лишь из субъективной готовности и решимости.

Получил сегодня письмо от Т. Покоры о том, что он хочет переводить мою книжку на чешский и договориться с издательством. Очень приятно, конечно, хотя все делается проблематично в связи с нашими планами. Пока все же надо работать так, как будто ничего не произошло. Вернее, брать на себя меньше обязательств, учитывая, что почти наверняка этот труд пропадет. Но те обязательства, которые берешь, нужно выполнять

полноценно. Иначе вообще все потеряет смысл и утратишь уважение к самому себе.

23.6.1971 Все, что я пишу теперь, меня не удовлетворяет. Сказывается общее уныние, отсутствие интереса ко всему. В общем, надо закруглять, так или иначе. Учитывая перспективы, не стоит доводить это до состояния немислимого совершенства.

Замечательные слова Бердяева о скуке:

"Обыденность, повторяемость, подражание, однообразии, скованность, конечность жизни вызывают чувство скуки, притяжение к пустоте. Когда же наступает момент пассивности в отношении притяжения пустоты этого низшего мира, когда по слабости мир кажется пустым, плоским, лишенным измерения глубины, то скука делается дьявольским состоянием, предвосхищением адского небытия. Страдание является спасительным в отношении к этому состоянию, в нем есть глубина.

Предел инферальной скуки, когда человек говорит себе, что ничего нет... Скука преодолевается лишь творчеством".

24.6.1971 Миша Занд уже в Вене. Проводил его сегодня утром. Это было необыкновенно приятно, и я жалею только, что уехал слишком рано. Так хорошо было среди этих людей, так свободно и непринужденно. Интересно, что Миша всегда был самым большим пессимистом, как и Исаак [Липидус]. Оба эти пессимиста в эти дни будут уже там.

26.6.1971 Миша Занд уже в Израиле.

30.6.1971 Позавчера впервые слышал, как кричат "Бей жидов". Мы с Вадимом стояли у метро, когда оттуда вышел неплохо одетый седой тип, совершенно пьяный, шатающийся. Постояв немного, он громко сказал: "Бей жидов". Затем, шатаясь, побрел в другую сторону от нас и снова произнес: "Бей жидов". Мы с Вадимом посоветовались, стоит ли обратиться к мили-

ционеру, но решили, что нет, поскольку он ни к кому в частности не пристает, и носит это больше комический характер.

1.7.1971 Вчера были Игорь и Ина. Ина рассказывала, что какой-то парень, полуеврей, работающий в ЦК и раньше весьма ортодоксальный, теперь говорит, что чувствует себя в ЦК все больше евреем, и что преимущество евреев в том, что они могут уехать.

Собираюсь сегодня послать директору международного почтамта письмо с просьбой в скорейший срок прислать вызов. Послал.

2.7.1971 Юра Брегель сегодня сказал, что уже есть профессии, на которые всегда можно устроиться: разносчик телеграмм, страховой агент (профессия явно не для меня), ночной сторож. Больше всего мне нравится быть разносчиком телеграмм. Хорошая работа. И зарплата — не меньше 60 р. Какие-то ребята официально зарегистрировались репетиторами по ивриту.

4.7.1971 Теперь — перспектива быстрого окончания книги. Надеюсь в этом месяце кончить черновик.

Шура звонила из Тель-Авива, спросила, можно ли перевести мою книжку и сказала, что, может быть, дело будет вестись так же, как у Миши Занда. Неужели предложат преподавать в Университете?

10.7.1971 Только что вернулся от маминой могилы — дождливый, пасмурный день; я долго сидел на скамеечке и вспоминал; вспоминал тот день в 1938 году, когда мы со страхом и отчаянием ждали папу, и его радостное возвращение, и рассказ о допросе; тот день 1944 года, когда мама приехала за мной в Бобрик-Донской¹, и как она везла меня на носилках в Москву,

¹ Осенью 1941 г., будучи в ополчении, Виталий попал в плен, откуда ему удалось бежать через три дня. Летом 1942 г. он был отправлен в так называемый "лагерь госпроверки",

домой; и, конечно, последнее лето, когда она вся свети­лась какой-то удивительной добротой и радостью жизни, как бы предчувствуя, что это ее последнее лето.

Через несколько минут после возвращения — звонок от Я. Скоро он придет. У меня ощущение, что ко­лесо закрутилось, и я уже не смогу — да и не захочу — повернуть его обратно. Период, когда я принадлежал только себе, кончился.

12.7.1971 Был на Международном почтамте, оста­вил заявление о пропавшем вызове.

Сегодня, когда с С. занимались планом будущего идеологического семинара, у меня было чувство нере­альности всего этого. Теперь все яснее, что здесь (в Ин­ституте) я сугубо временно. Долго так продолжаться не может.

Вчера по радио читали прекрасное письмо М. Калика¹ к русской интеллигенции. Он говорил, в частности: "Я не прошу вас ни о защите, ни о помощи; я все равно уеду, а вам оставаться. Но кто возьмет ответственность за нравственное возрождение этого народа? Вы с ва­шим молчанием и покорным энтузиазмом? У русского народа есть поговорка, что молчание — золото. Но есть же и другая традиция — традиция Чаадаева, Герцена... А у нашего народа есть поговорка о том, что для все­го есть свое время: время для цветов и время для пло­дов, время для молчания и время для речи".

"Таймс" сегодня написала о практике объявления

на работу в угольных шахтах на ст. Узловая (Московская область). Работая на откатке вагонеток с углем, он заболел туберкулезом позвоночника и в 1944 г. был отправлен в гос­питаль на ст. Бобрик-Донской. Там он был освобожден, и мать перевезла его в Москву. (Подробнее см. в части "Биография В. Рубина".)

¹ Известный кинорежиссер ("Человек идет за солнцем" и др.). С 1971 г. в Израиле.

сумасшедшими по политическим причинам и призвала медицинские организации заняться этим.

Да, жизнь делается интереснее. Теперь, если не зря то, что говорит Шура [Цукерман], можно ждать из Иерусалимского университета приглашения читать у них лекции. Дальше все будет зависеть от того, будет ли у меня вызов. Если да, то такое приглашение, конечно, укрепит мое положение. Ну, посмотрим. С одной стороны, все это кажется нереальным. Но факты показывают обратное: то, что казалось нереальным, становится реальным. Все зависит в конечном счете от решимости и упорства.

Я понял, почему не приходят письма от тех, кто только что приехал [в Израиль]: уж слишком они противоречат официальной пропаганде.

Вчера приехал из Редкино, где был два дня. На пути туда меня не покидало ощущение враждебности окружающей меня толпы, может быть, потому, что у меня была книга [Башевиса] Зингера "In my father's court".

22.7.1971 Вчера был у Ф.П. Она очень интересно рассказывала о своем знакомстве с Солженицыным. Замечательна история попытки его выселения: когда к нему пришли высокие милицейские чины и сказали, что хотят составить протокол о том, что он живет без прописки, он, не пустив их в дом, сказал: "Протокол составить — дело нехитрое, но вот согласовали ли вы это на самом высоком уровне? А то недолго и работу потерять". Потоптавшись, мильтоны ушли.

Получил ответ из Международного почтамта о том, что заказное письмо за №2978 к ним не поступало. Итак, я снова у самого начала. Миф о Сизифе.

6.8.1971 С двадцать пятого июня по второе августа находился в "Московской кругосветке": Москва—Горький—Москва. С третьего августа — в Ниде. Четвертого августа был жутко жаркий день, как говорят, совершенно необычная [погода] для здешних мест. Вчера утром было прохладно, и мы с Иной ходили на боль-

шую дюну. Наслаждались удивительным видом, открывавшимся оттуда, под звуки музыки Вивальди. Это незабываемые минуты. Красота была удивительная.

20.8.1971 Вопрос о том, в какой мере стоит сейчас проявлять активность. Думаю его решить так, что активность надо будет проявлять, уже имея вызов.

24.8.1971 Если ты не видишь смысла в своей работе, то ты должен заставить себя кончить как можно скорее. Но и для этого нужен какой-то минимум бодрости, интереса к работе — то, чего у меня нет. "Скука преодолевается творчеством" — но до творчества надо добраться. Вновь та же дилемма — когда хочешь сделать все побыстрее, делается так скучно, что просто хоть бросай.

29.8.1971 Прочитал "Август четырнадцатого" [Солженицына]. Необыкновенно интересно, значительно.

4.9.1971 Узнал, что Миша [Занд] — полный профессор Иерусалимского университета и уезжает на год в США. Вчера же по радио передавали его заявление из Нью-Йорка. Я еще раз подумал, в каком мы здесь жалком, зависимом и бесправном положении и какие открываются перспективы, стоит только вырваться. В самом деле, к тому, что мы беспартийные и евреи, в последние годы прибавилось еще то, что мы относимся к политически подозрительным. Это делает нашу ситуацию и вовсе безнадежной.

8.9.1971 Вчера виделся с Якубовичем¹, этим удивительно живым осколком старого времени. С ненавистью он говорил о Керенском, рассказывал, что в свое время, еще до Октябрьской революции, арестовы-

¹ М.П. Якубович (1890–1980) — участник революции; в 1931 г. был осужден по делу "Союзного бюро меньшевиков".

вал Деникина, будучи комиссаром временного правительства (прибавив при этом, что он хотел добиться, чтобы военный суд судил и расстрелял его). Удивительная для восьмидесятилетнего ясность мысли, энергия, достоинство. И кого он только не знал!

Для его политической позиции характерно то, что он возражал против коллективизации на основании того, что она, мол, ставит страну в такое положение, что империалисты могут напасть на нее и разгромить. Сталин охарактеризовал эту позицию как панику, заявив, что они дураки и будут грызться между собой. Якубович признает, что Сталин здесь был прав. Интересно то, что он говорил о Солженицыне. Он ругал его за деспотический характер и за то, что он вообще не социалист. Конечно, его политическая позиция antiquirt¹, он из тех, кто уже не в состоянии извлечь уроков из прошедшего. Говоря о Солженицыне, он всячески пытается преуменьшить его значение: мол, смертность в лагерях не носила массового характера, это было как при царе, даже лучше (!). Он интересен как исторический источник, как тип, но не как человек, с которым может быть живой контакт.

12.9.1971 Прочитал вчера резюме китайских глав М. Вебера. Блестяще, конечно. Вместе с тем идеальный тип конфуцианца рисуется слишком гармоничным, оптимистическим. Основной тезис: конфуцианское приспособление к миру противопоставлено протестантской аскезе овладения миром, переделки мира. То, что говорится о проблеме "человек — орудие или цель", необычайно глубоко. И все же в настоящее время трудно согласиться с изображением Китая, в котором отсутствует легизм. Конечно, это не вина М. Вебера, что у него нет легизма — в его время легизм еще не был открыт. Когда задумываешься над открытием, поражает его своевременность. В самом деле, в 1928 году Дай-

¹ Устарела (нем.).

вендак¹ перевел "Шан цзюнь шу", а в 1933 возник фашизм. Можно высказать предположение, что Дайвендак чувствовал уже приближение фашизма, "что-то нехорошее в воздухе", когда он взялся за перевод труда, в котором изложены теоретические основы режима, на ближайшие десятилетия определившего судьбы Европы. Я хочу привлечь внимание к поразительному факту: в Европе открыто антиморальная политическая концепция появилась лишь в XVI веке, в Китае — в IV в. до н.э. В настоящее время невозможно себе представить ни обобщающего исследования Китая, игнорирующего факт легизма, ни всемирно-исторического размышления, отвлекающегося от этого факта.

Подчас появляется мысль: "А не зря ли я все это делаю?" Не лучше ли предпочесть "singleness of purpose"²? Но у нас еще нет вызова, и никто не знает, когда мы его получим. Вчера М. Александрович рассказал, что кто-то получил в Риге пятый вызов через ООН. Надо будет посоветоваться об этом с Тамарой.

13.10.1971 Позавчера был Ю.Г. Долгий разговор с ним оставил грустное впечатление: он ничего не понимает. Я постарался раскрыть ему на что-то глаза, но дело, конечно, не только в нем. Ясно, что рядовой западный интеллигент ни бельмеса не смыслит в нашей ситуации. И я подумал еще, в чем разница между правыми и левыми: правые видят, что основной вопрос нашего времени — это свобода или рабство, они стремятся защитить свободу и бороться против рабства. Левые, борясь с мелкими недостатками своего общества, именно в них-то и видят основную беду нашего времени. Боритесь на здоровье, но имейте масштаб, черт возьми, понимайте, в каком мире вы живете! Что же касается новых левых, то это люди, которые борются против свободы, а тем самым — за рабство.

¹ J.J.L. Duyvendak — выдающийся голландский китаист.

² Единство цели (англ.).

17.10.1971 [Хаим] Вейцман: "Чудо возможно, но над ним надо очень много работать".

19.10.1971 Вчера получил очень хорошее письмо от [Цви] Шифрина¹. Из него ясно, что без работы я не останусь. Тель-Авивский университет расширяет свою китаеведческую работу. Да, чудо возможно, но над ним надо много работать.

Были сегодня у ЦК, видели кордон милиции, отгородивший проход к Приемной. Всех пришедших евреев погрузили в три автобуса. Смотревших милиционеры разгоняли, но довольно вежливо.

Потом мы с Иной пошли к ОВиРу и встретили Калика, который шел сразу после получения разрешения. Мы расцеловались. Он был, как обычно, энергичен, собран и в то же время радостно возбужден.

20.10.1971 Кончил вчера Н. Potok, *The Chosen*². Очень хорошая книга. Очень тонко — о смысле жизни. "Жизнь длится мгновение ока. Мгновение само по себе ничто, но око — нечто. Тот срок, который отпущен для жизни, — ничто, но человек, который этот срок живет, — нечто. Он может наполнить этот маленький срок смыслом, и тогда, хотя количественно он останется незначительным, качество его будет неизмеримо... Человек должен наполнить свою жизнь смыслом, смысл не дается жизни автоматически. Это трудная работа — наполнить смыслом свою жизнь". I am waiting to be out of jail. I have only one desire³.

3.11.1971 Вчера был на волнующих проводах. Уезжало человек 25, они шли по дорожке прямо перед решеткой, прислонившись к которой стоял в толпе я.

¹ Китаист, профессор Иерусалимского университета.

² Роман Х. Потока "Избранные".

³ Я жду освобождения из тюрьмы. У меня только одно желание (англ.).

Пограничник сопровождал каждую семью с тем, чтобы предотвратить последние контакты. Потом они шли из дома к самолету, который тоже стоял близко, и продолжали махать. Особенно трогательно прощались с Павлом Гольдштейном¹. Из толпы хором кричали "Павел! Павел!", а он, уже седой человек с умным и грустным лицом, остановившись на первой ступеньке трапа, долго махал рукой в ответ, потом пошел в самолет, снял пальто, вернулся и снова стал махать. Это было трогательно до слез. Потом, уже из окон самолета, когда не видно стало лиц, они махали платками. Когда стали расходиться, неожиданно подъехали три интуристовских автобуса, на которых нас доставили к центру Москвы.

6.11.1971 Прочитал превосходную статью [Цви] Шифрина и захотелось кончить свой доклад, в котором теперь вижу много недостатков. Но тормозит сознание, что все это — ни к чему. Казалось бы, само занятие этим должно доставлять удовольствие, но в условиях надвигающегося цейтнота как-то трудно заставить себя сосредоточиться. Видно, и работать по-настоящему я смогу уже только там.

18.11.1971 Надо думать о рукописях. И покончить с депрессией. Что же надо сделать? Прежде всего критически все прочитать и выделить то, что необходимо постараться спасти. Тут встанет, правда, такая проблема: в рукописи много такого, что предназначено не для советской книги, но для книги вообще. Нужно ли это? Да, нужно.

Не попробовать ли, чтобы вывести себя из состояния депрессии, написать предисловие, в котором рас-

¹ П.Ю. Гольдштейн (1917–1982) — семнадцать лет провел в лагерях и ссылках (см. его книгу "Точка опоры", Иерусалим, 1982). В Иерусалиме издавал религиозно-философский журнал "Менора".

крыть свою позицию. И, может быть, надо сделать это именно сейчас, *solange ich hier bin*¹. Тогда моя роль в мировом китаеведении будет достаточно ясна: я, будучи тут, увидел в Древнем Китае нечто такое, что не было видно до меня никому. Думая о том, в чем специфика моей роли в здешнем китаеведении, я ясно увидел, что дело здесь именно в умении приблизить проблемы Древнего Китая к современным. В особенности удачна была в этом плане работа о конфуцианском отшельничестве — в ней все увидели ту проблематику внутренней эмиграции, которая близка каждому мыслящему интеллигенту. Именно это, а не научно-образные "перевороты" типа азиатского способа производства вместо рабовладения — именно это нужно сейчас, "единое на потребу".

23.11.1971 Все время — подавленное состояние. Вялость. Угнетает темнота. Надо помнить: скука преодолевается творчеством. Ну, а творчества-то как раз и нет. С одной стороны — обязанность работать на словарь², с другой — иврит. Видно, с творчеством надо проститься; на сколько — на год? на два? Все неясно. Ясно только, что я устал от неопределенности, от промежуточного положения, "от сидения на чемоданах", как сказала Сильва. В такой ситуации каждый день здесь — утрата, там — выигрыш.

Вообще же жизнь доставляет так мало удовольствия, что терять мне решительно нечего.

Вчера начал, наконец, читать давно интересовавшую меня статью: W. Mote, *The growth of Chinese despotism*. Очень интересно. Статья, кстати, оказалась в спецхране, в связи, очевидно, с тем, что посвящена критике Витфогеля. Критика Витфогеля ведется с позиций историка и на примере самого гнусного деспота, которого

¹ Пока я здесь (нем.).

² В Ин-те Востоковедения Виталий должен был принимать участие в работе по составлению китайско-русского словаря.

знала китайская история — Чжу Юань-чжана. Сам метод очень мне близок — не от идей, изначальных концепций и т.д., а от конкретного материала. Этот материал приводит автора к выводу, который давно уже был мне близок: вся позиция Витфогеля, поистине марксистская, проникнута цинизмом. Этот цинизм формулируется так: все разговоры о гуманности, справедливости и т.д. — все это нужно было только для прикрытия грязной работки, для обеспечения собственной власти. Достаточно знакомая позиция, с виду осуждающая цинизм правителей, на самом деле — приписывающая всему человечеству собственный цинизм. Антропологическое допущение унифицирует, стрижет всех под одну гребенку. История человечества и так достаточно страшна, если бы они были правы, она была бы окончательно невыносима.

Работа Витфогеля — чисто марксистская, потому-то так отвратительна для меня. Конечно, деспотизм гнусен, но видеть один только деспотизм невозможно: кроме деспотизма, на Востоке существовало и его неприятие, и борьба с ним. Здесь Мот абсолютно прав. Но вот когда он начинает доказывать, что и у Чжу Юань-чжана было что-то хорошее, я прощаюсь, расстаюсь с ним. Оказывается, есть китайский историк, смотрящий на это так же, как я, как Белинков. Мы, те, кто жили при деспотизме, а не только о нем писали, мы смотрим на это иначе, чем Мот. В отношении к деспотизму Чжу Юань-Чжана абсолютно прав Витфогель — может быть, скотина и знала наплывы человечности, но они не важны. Их дела слишком чудовищны, чтобы можно было прислушиваться к их словам. Кстати, то, что самые мерзкие нововведения Чжу Юань-чжана остались, были институционализированы, доказывает неправоту Мота. Дело, следовательно, не только в личных особенностях Чжу Юань-чжана, а в строе.

Я когда-то высказал мысль о том, что деспотизм возможен (настоящий, полноценный), но не как длительное явление, а как состояние, длящееся несколько десятков лет. Этот вопрос интересно было бы исследо-

вать. Вообще же моя позиция кое в чем совпадает с позицией Шапиро¹, написавшего статью о тоталитаризме. Он разбирает тоталитаризм на примере Гитлера, Сталина и Муссолини — тоталитаризм был только при них. Кажется, он в это общество допускает и Мао. Он исходит из того, что такая система невозможна без вождя. То же самое можно видеть и в истории, которой были свидетелями мы. После смерти деспота изменилось очень многое и, пожалуй, это уже не сталинский тоталитаризм.

26.11.1971 Сегодня перепечатывал папины письма. Удивительный документ; я должен переписать их до конца, ибо никто, кроме меня, не будет испытывать к этому такого интереса и никогда и никто этого не разберет. Судьба таких документов неясна. Что будет с этим после моей смерти? Будет ли это лежать в каком-то израильском архиве или канет в Лету?

3.12.1971 Споры о том, едут ли "отсюда" или "туда", в значительной мере бесплодны. Упрекать кого-то за то, что он едет "из", а не "в", все равно, что упрекать первых поселенцев в том, что они приехали не из Америки, а из России, откуда их гнали погромы.

13.12.1971 "Не дай мне Бог сойти с ума" [Пушкин]. Когда плохое настроение, все противно и скучно, не дай Бог озлиться. Злоба отвратительна.

22.12.1971 Вчера пытались с Флорой попасть на похороны Твардовского. Все было оцеплено войсками, милицией, дружинниками.

Смотрели [фильм А. Тарковского] "Андрей Рублев". Мрачная вещь, исполненная пафоса беспощадной правды.

¹ Leonard Schapiro — историк, известный советолог и специалист по проблемам тоталитаризма.

24.12.1971 Когда лежишь и не можешь заснуть, должно быть что-то, за что можно было бы уцепиться. Это может быть и человек, от которого исходит свет и о котором можно думать, и какая-то своя мысль, идея. Но что-то должно быть.

1.1.1972 Вчера, наконец, получили документы [вызов]. Совсем другое настроение. Встречали Новый год, как уже не помню когда — сидели до начала седьмого. Длинная ночь русской судьбы для нас приходит к концу.

7.1.1972 Был на кладбище, долго говорил с папой и думал о новом смысле стихотворения "Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса" [Тютчев]. Эти любимые слова папы настолько подтвердились, что теперь можно было бы сказать: "Жизнь нас учит верить в чудеса". Папин оптимизм, его вера в лучшее будущее были в то мрачное время поразительным чудом. Как он торжествовал бы сейчас, ведь он так умел радоваться.

9.1.1972 Я сегодня думаю сказать о папе¹ как о еврее. В чем это сказывалось? В несомненной религиозности. Я в детстве иногда удивлялся, как папа говорил об этих вопросах, потому что он никогда не говорил, что Бога нет. Мне это казалось странным. Только теперь я могу осмыслить это — папа пишет в своих письмах, что никогда, даже во время своего увлечения Спинозой не отрекался ни от Духа, ни от Бога. Никогда папа не говорил о своем детстве, проведенном в изучении Библии, ни с насмешкой, ни даже в таком духе, что он вырос из этого, превзошел это. Надо сказать, что у меня тем не менее было чувство, что это — давно отошедшее, то, что никогда не вернется, но это проис-

¹ На вечере в семье Рубиных, посвященном памяти отца Виталия.

ходило потому, что от нас тогда это было очень далеко.

Папа осуществлял религиозное воспитание иначе. Он пишет в своих письмах, что считает путь честного размышления не менее угодным Богу, чем молитву. И вот в тот момент, когда все или почти все родители в страхе за себя и за детей скрывали от них истину, папа решил, что он будет говорить нам правду, что он не поставит между собой и нами преграду лжи и спасет нас от того, чтобы мы молились омерзительным идолам.

14.1.1972 Прочитал вчера замечательную вещь Т. Уайлдера "Мост короля Людовика Святого". Хочется выписать:

"Скоро и мы умрем, и память об этих потерях сотрется с лица земли, нас тоже будут любить и тоже забудут. Но и того довольно, что любовь была; все эти порывы любви снова вливаются в любовь, которая их породила. Даже память необязательна для любви. Есть земля живых и земля мертвых, и мост между ними — любовь, единственный смысл, единственное спасение".

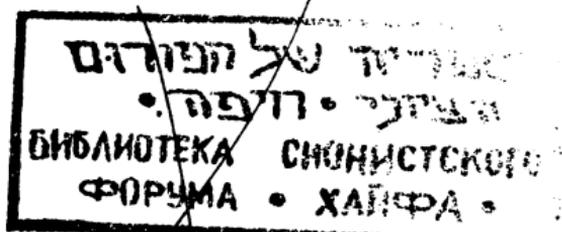
10.2.1972 За эти дни произошло так много. Сегодня — какое-то нервное состояние, связанное, по-видимому, со вдруг нахлынувшей тоской. Да, поздно мы едем, но что дальше? Время назад не вернуть. Надо смотреть в будущее и верить, верить и надеяться. А там все зависит от Благодати, и всего не предусмотреть.

Я долго не писал, потому что не хотелось — для скорого уничтожения. Но я чувствую, что без дневника жизнь беднеет.

После кризиса последних дней сегодня утром я вновь прочувствовал повелительную потребность — найти силы для того, чтобы черпать радость в духовной жизни. Та грань, которую я сейчас провожу по своей жизни, должна стать гранью и в этом отношении. И это будет легче, чем здесь: я приеду в страну, где почти никто не знал меня молодым, приеду как ученый. С самого начала передо мной встанут, с одной стороны, трудней-

шие задачи; с другой стороны, откроются необозримые возможности для свободного творчества. Нельзя будет терять времени – его останется и так мало.

12.2.1972 Вчера был на могиле у папы, где теперь выгравирован Маген-Давид.

2764

748

КИТАЙСКИЕ ИМЕНА И ТЕРМИНЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

Бо И – полулегендарная фигура отшельника, "китайского Дон Кихота" (XI век до н.э.). (См. статью В. Рубина: "A Chinese Don Quixote: changing attitudes to Po Yi's image", в книге: Confucianism: the dynamics of a tradition, ed. I. Eber, New York, 1986, pp. 155–184.)

Ван Фу-чжи (1619–1692) – философ-материалист; выступал с критикой буддийской философии.

Ван Ян-мин (1472–1529) – государственный деятель и философ, отстаивавший интуитивное постижение нравственной истины, дающееся человеку в процессе самоуглубления.

Го Мо-жо (1892–1978) – историк, писатель.

Гоминдан – "Народная партия". Основана Сун Ят-сеном в 1912 г. После смерти Сун Ят-сена ее возглавил Чан Кай-ши.

Дао – букв.: путь; в китайской философии: путь природы; смысл жизненного пути; этическая норма.

"*Даодэцзин*" ("Лао-цзы"; IV–III вв. до н.э.) – основной источник даосизма.

Даосизм – одно из ведущих течений древнекитайской философии, возникшее в VI–V вв. до н.э. Это учение призывает, отбросив культуру и цивилизацию, вернуться к природе и следовать "дао".

Дун Чжун-шу (ок. 187–120 гг. до н.э.) – философ; последователь Конфуция.

Жэньчжэн – гуманное управление.

Западное Чжоу – древнекитайское государство (XII–VIII вв. до н.э.).

"*И-цзин*" ("Книга перемен") – один из древнейших письменных памятников Китая (VII–IV вв. до н.э.). Первоначально гадательная книга. Обрастая постепенно комментариями, она превратилась в философское произведение.

Инь – древнейшее государство в Китае (XVIII–XIII вв. до н.э.).

Инь и ян – основные категории китайской натурфилософии, обозначающие полярные противоположности: отрицательное и

положительное, женское и мужское, темное и светлое, пассивное и активное и т.п. Инь и ян выступают как две силы, находящиеся в неразрывном единстве, во взаимодействии и взаимоборстве. Их борьба рассматривается как источник движения и изменения мира.

Конфуций (551–479 гг. до н.э.) – мыслитель, политический деятель и педагог; создатель оригинального этико-политического учения, до сих пор сохраняющего свое влияние на развитие общественной и философской мысли на Дальнем Востоке.

Лао-цзы – полубогородительный древнекитайский философ (VII–VI вв. до н.э.), считающийся основателем даосизма. Ему приписывается основной даосский трактат “Даодэцзин” (“Классический канон пути и достояния”).

“*Лао-цзы*” (“Даодэцзин”; IV–III вв. до н.э.) – философский трактат, основной источник даосизма.

Легизм, легисты (кит.: фацзя – букв.: “законники”) – учение об управлении государством с помощью системы наград и наказаний, возникшее в Китае в середине IV в. до н.э.

Ли – ритуал; традиции.

Лу Синь (1881–1936) – китайский писатель, выступавший против конфуцианства как государственной идеологии.

“*Лунъюй*” (“Беседы и рассуждения”) – философский трактат, составленный в начале IV в. до н.э. и содержащий разговоры Конфуция с его учениками; основной источник конфуцианства.

Мин – династия в Китае (1368–1644 гг.).

Мо-цзы (479–381 гг. до н.э.) – основатель философского учения о “всеобщей любви”.

Моизм (“Теория всеобщей любви”) – политико-философское учение, основателем которого был Мо-цзы (V–IV вв. до н.э.).

Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н.э.) – философ, последователь и продолжатель Конфуция; создатель теории “гуманного управления” (жэньчжэн).

“*Мэн-цзы*” – философский трактат (IV в. до н.э.), названный по имени последователя и продолжателя Конфуция. Один из четырех основных трактатов классического конфуцианского канона.

Неоконфуцианство – одно из основных направлений в развитии конфуцианской идеологии, сложившееся в основном в X–XIII вв.

Сун – династия в Китае (960–1279 гг.).

Сун Ят-сен (1866–1925) – китайский революционер-демократ и мыслитель, первый президент Китайской республики, установленной в 1911 г. в результате свержения монархии.

"Сунь-цзы" – "Трактат о военном искусстве" (XI в.), заложивший основы военной науки в Древнем Китае (назван по имени полководца Сунь-цзы – конец VI – начало V в. до н.э.).

Сыма Цянь (ок. 145–86 гг. до н.э.) – историк; основное его сочинение – "Исторические записки" – представляет собой свод всего развития китайской государственности и культуры за предшествующие эпохи.

Сюнь-цзы (ок. 298–238 гг. до н.э.) – философ-конфуцианец, заложивший основы "императорского конфуцианства", ставшего государственной идеологией в Китае.

"Сюнь-цзы" – философский трактат (III в. до н.э.); первое систематическое изложение конфуцианской философии.

Тан – династия в Китае (618–906 гг.).

Тяньмин – букв.: веление Неба; судьба; теория управления, созданная в Китае в XII–VIII вв. до н.э. Согласно этой теории правитель является лицом, облеченным властью условно; условие: забота о благе народа.

Усин – пять элементов (стихий) китайской космогонии: металл, дерево, вода, огонь, земля. Впервые "учение о пяти элементах" было сформулировано в трактате "Хун Фань" ("Великое учение"), относящемся к первому тысячелетию до н.э.

Фацзя (букв.: "законники") – см. легизм.

Фын Ю-лань (р. 1895) – философ, автор двухтомной "Истории китайской философии" (Пекин, 1931–1934).

Хань – династия в Китае (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.).

Хань Фэй (ок. 280–230 гг. до н.э.) – один из главных мыслителей школы "фацзя" (легисты); автор трактата "Хань Фэй-цзы".

"Хань Фэй-цзы" (III в. до н.э.) – философский трактат, один из основных источников легизма.

Хань Юй (768–824) – публицист, поэт и мыслитель.

Хуан Чао – руководитель крестьянского восстания в Китае (IX в.).

Хубилай-хан (1260–1294) – внук Чингис-хана, правивший в Китае в период монгольского владычества.

"Хунлоумэн" ("Сон в Красном тереме") – китайский классический роман XVIII в.

"Цзо Чжуань" – первый летописный свод в китайской историографии, последовательно излагающий события, происходившие в Китае в период Чуныцю (721–480 гг. до н.э.).

Цзоу Янь (конец IV – начало III в. до н.э.) – философ, занимавшийся проблемами натурфилософии.

Цзунцзу – объединение родственных семей, происходящих от одного мужского предка; патронимия.

Цзы Чань – мыслитель и государственный деятель; в 542–522 гг. до н.э. стоял во главе царства Чжэн.

Цзюньцзы – букв.: “государев сын”; аристократ. В конфуцианской философии: идеал благородного человека, гармонической личности.

Цзя-цин – китайский император (1796–1820 гг.).

Цин – династия в Китае (1644–1911 гг.).

Цинь – древнекитайская династия (246–207 гг. до н.э.).

Цинь Ши-хуан – первый император (221–210 гг. до н.э.), объединивший китайские царства в централизованную империю. Известен жестокими расправами над конфуцианцами.

Чань (в япон. произношении: дзэн) – одно из направлений дальневосточного буддизма; сложилось в Китае в VI–VII вв. под сильным влиянием даосизма.

Чжаньго – “Эпоха Воюющих царств” (403–221 гг. до н.э.).

Чжоу – древнекитайское племя, возглавившее союз древнекитайских государств в 1122–249 гг. до н.э.

Чжу Си (1130–1200) – философ; один из создателей неоконфуцианства.

Чжу Юань-чжан (1328–1398) – первый император династии Мин.

Чжуан-цзы (369–286 гг. до н.э.) – философ; один из основателей даосизма и составителей трактата “Чжуан-цзы”.

“*Чжуан-цзы*” – философский трактат (IV–III вв. до н.э.) – один из основных источников даосизма. Написан в форме притч, коротких новелл и диалогов, носящих полемический характер и направленных против основных положений конфуцианства и моизма.

Чжэн – одно из китайских царств (город-государство) периода Чуньцю (721–480 гг. до н.э.).

Чжэнмин – букв.: исправление имен; приведение наименований в соответствие с действительностью – одно из теоретических положений конфуцианства.

Чуньцю – период в истории Древнего Китая (721–480 гг. до н.э.); другое название: период Лего (“разделенные царства”).

“*Чуньцю*” – (“Весна и осень”) – летопись царства Лу в период Чуньцю (721–480 гг. до н.э.).

Чэнь Ду-сю (1879–1942) – генеральный секретарь китайской компартии (1922–1927). В конце 20-х гг. его резко кри-

тиковали в Советском Союзе как "правого оппортуниста". В 1927 г. снят с поста генсека, в 1929 г. исключен из партии как троцкист.

Шан – династия в Китае (1766–1122 гг. до н.э.).

Шан тун – "превознесение унификации" – одно из основных положений теории моизма.

"Шан цзюнь шу" ("Книга правителя области Шан") – философско-политический трактат (IV в. до н.э.), приписываемый Шан Яну.

Шан Ян (390–338 гг. до н.э.) – правитель области Шан; один из основателей теории легизма.

"Шицзи" ("Исторические записки") – основной труд историка Сыма Цяня (ок. 145–86 гг. до н.э.).

"Шицзин" ("Книга песен") – древнейший литературный памятник Китая (XII–V вв. до н.э.).

"Шуцзин" ("Книга исторических преданий") – древнейший источник по истории Китая (его составление приписывается Конфуцию).

Шэнжень – мудрец.

Шэнь Дао (конец IV в. до н.э.) – легист, один из предшественников Шан Яна.

Юн-чжэн – китайский император (1723–1735) эпохи Цин.

Ян – см. инь и ян.

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6000000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. Дневник
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш.Й. Агنون. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести,
главы из романов
26. Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ

41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОШНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И.Слущкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И.Слущкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И.Кауфман. Библейская эпоха; Л.Финкелстайн.
Еврейская вера и претворение ее в жизнь; Ш.Эттингер.
Корни современного антисемитизма
67. А.Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф.Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф.Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ

77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля; С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД–ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник

114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Двора Омер. СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. Эрбер Ле Поррьс. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
 ИЗДАТЕЛЬСТВА
 "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
 ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
 РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
 также по адресу:
 Р.О.В. 4140
 91 041 Jerusalem**